

Джон Стейнбек

Благостный четверг

Элизабет с любовью посвящаю

Пролог

Как-то вечером вытянулся Мак вольготно на своей постели в Королевской ночлежке и говорит:

– Прочитал я «Консервный Ряд» Стейнбека: слабовато. Я бы все это описал другим манером, – тут Мак перевернулся на живот, подпер рукою голову. – Оно понятно, критиковать легко... Но кой-чего я б ему все же присоветовал...

– Ну, и чего? – спросил Уайти I.

– Да мало ли чего... Вот хотя бы взять. Он как пишет: глава первая, глава вторая, глава третья... Номера – ладно, ничего не имею против. Но хорошо бы к ним по паре слов – про что глава. Мало ли, вдруг захочется перечитать какое-то место. Разве его по номеру отыщешь? А тут посмотрел в заголовок: ага, тебя-то мне и надо...

– А ведь верно...

– И еще, мне такие книжки нравятся, где много говорят. Сочинитель пускай лучше помалкивает. У кого какая внешность, я люблю сам угадывать. Как ты говоришь, таков ты, значит, и есть. Да что там внешность, я все ихние мысли по разговору угадаю. Хотя, – прибавил он, – без описаний тоже не обойтись. Должен я знать, что какого цвета, чем пахнет, на что похоже? Да как оно кому нравится?.. Но все же лучше, когда этого поменьше...

– Ишь ты! Критикует – как пиво дует, – подал голос Уайти II. – Талант! А еще можешь?

– Чего ж не мочь... слушайте. Всякий писатель любит показывать свое искусство. И правда, посмотришь – ловок, красиво закрутил... Слова-то какие – поют. А я так сужу: пиши свои выкрутасы, коли охота, да только с делом не путай. Ты собери их грудой в начале книжки... А там уж как я пожелаю: захочу – вообще их читать не буду, а захочу – прочитаю потом, когда ясно, чем все кончится...

– Так и стал бы его учить? – не поверил Эдди.

– Спрашиваешь, – сказал Уайти II. – Наш Мак такой учитель, берегись. Дай ему волю, он привидений учить будет, как лучше страх нагонять. А то какого-то писателя...

– А что, я могу! Кончайте, скажу, ребята, кандаальный звон да спиритизм... Все у вас по старинке... Я много чего могу... – Снова перевернулся на спину, устался в полог над кроватью. Несколько времени молчал, потом сказал раздумчиво:

– Да... Так они и пошли бы у меня друг за дружкой...

– Кто, привидения? – спросил Эдди.

– Сам ты привидение... Главы...

1. Так они и жили...

2. Трудная жизнь Джозефа-Марии

3. Выкрутасы (1)

4. Иначе б не было игры

5. Появляется Сюзи

6. Муки творчества

7. Не верь началу, а верь концу

8. Великая крокетная война

9. Дураком родился... президентом помрешь

10. В стене, нас окружающей, есть лаз, нас вопрошающий

11. Тяжкие думы Элена

12. Цветок на почве каменистой

13. Параллельные прямые пересекаются

14. Незадачливая среда

15. Тяжко в ученье

16. Цветочки св. Мака Монтерейского

17. Окрутила!

18. В час досуга

19. Благостный четверг (1)

20. Благостный четверг (2)

21. Ай да четверг!

22. Во всеоружии

23. Ночь любви

24. Томительная пятница

25. Брехуня

26. Буря приближается

27. О славнохлопотный денек!

28. Новый Кубла Хан, или Видения во сне
29. О, горе нам!..
30. На свет появляется президент
31. Тернистой тропой величия
32. Поход за истиной
33. Судьба стучится в дверь
34. Хорошая сидячая ванна
35. В высшей степени комильфа
36. Лама савахфани?
37. Главка с булавку
38. Выкрутасы (2), или Празднество бабочек
39. И снова у нас в гостях Благостный четверг
40. Пусть будет в нашей жизни лишь весна!

1. Так они и жили...

Для Монтерея и Консервного Ряда война не прошла бесследно; воевать по-настоящему мало кому довелось, но дел всем хватило. И ран оказалось немало...

Особенно отличились консервные промыслы. По случаю войны отменили ограничения на лов. Из патриотических чувств сардин выбрали подчистую, а теперь их не воротишь никаким патриотизмом. Помните, у Л. Кэрролла в «Алисе» устриц «всех съели до одной»? Сардинам повезло не больше. Старая история! В благородном порыве свели западные леса; а теперь вот сосем из калифорнийской земли воду, да так споро, что никакой ливень дела не поправит. Окажемся среди пустыни – наплачемся... Консервному Ряду уже сейчас не до смеха: сардин выловили, законсервировали и всех до одной съели. Как вымер консервный завод. Лишь похаживает между цехов одинокий сторож, да ветер гремит по серебристо-жемчужным рифленным кровлям... На улице не фырчат грузовики. Кругом тихо и пусто...

Беспокойное это было время – война... Дока призвали. На кого оставить Западную биологическую лабораторию? Упросил приглядеть за ней старого своего приятеля Брехуню... Служил Док техником-сержантом в подразделении по профилактике венерических болезней. К службе относился по-философски. Имея вволю казенного спирта, весело коротал свободное время. Подружился со всей частью, от следующего чина отбрыкивался. Война кончилась, тут бы и домой; но в награду за верную службу правительство оставило Дока в армии, доверило навести порядок в бумагах: ему, как главному виновнику беспорядка, работа была как раз по плечу. Через два года после победы Док вышел с почестями в отставку...

И вот он на крыльце своего дома. Дверь от сырости разбухла, насилию открыл. Похоже, Брехуня в лаборатории давненько не был... Всюду пыль, плесень. В раковине гора грязных кастрюль и сковородок. Инструменты – ржавые, клетки – пустые. Док опустил на старенький стул, на душе кошки заскребли. Выругал Брехуню – негромко, но с чувством. Потом поднялся,

вышел на безмолвную улицу, ноги сами понесли его в лавку Ли Чонга за пивом. За прилавком стоял хорошо одетый молодой человек, по обличью мексиканец. Тут только Док вспомнил, что Ли Чонга больше нет.

– Пива, – сказал Док. – Две кварты.

– Сейчас сделаем, – сказал Патрон.

– Мак сюда заглядывает?

– А как же.

– Передайте ему, что я его жду.

– Я – это кто?

– Скажите ему, Док вернулся.

– Ладно, Док, – сказал Патрон. – Такое пиво устроит?

– Лишь бы пенилось...

Док с Маком допоздна засиделись в лаборатории. Пиво уже не казалось забористым, и на столе появилась бутылка виски «Старый Тенесси» («Старая тенисовка», как говорят в Монтерее), а Мак все отчитывался, как жили-поживали без Дока...

Кругом перемены. Одних не стало, других будто подменили – неизвестно, что хуже. С грустью называл Мак имена – и живых, и мертвых. Погиб на войне Гай: паялся в небо во время лондонской бомбежки, ну и накрыло осколком зенитки. Жена горевала недолго, получила страховку – и снова замуж. А в Королевской ночлежке чтут память Гая: постель его сохраняют в неприкосновенности, никому не позволяют даже присесть на нее.

А что было с Уайти! Поступил на военный завод в Окленде и на другой день сломал ногу. Целых три месяца в госпитале пролежал, жил как король. Пухлые подушки, белоснежное белье... От нечего делать выучился играть на губной гармошке. Теперь можно всю жизнь играть да радоваться.

Да! У него теперь есть тезка – Уайти II. Вот уж парень так парень. Пошел в морскую пехоту, в Первую дивизию, и – за границу с пополнением. Воевал. Говорят даже (не он, люди говорят), будто наградили его Бронзовой звездой. Никто ее не видел, скорее всего потерял; а там кто знает... Боевой! До сих пор бесится, что командир отобрал у него банку заспиртованных в бренди ушей. Уайти мечтал поставить трофей дома на полочку над кроватью: пусть все видят, как служил родине.

Эдди все эти годы работал у Могучей Иды, в кафе «Ла Ида». Врач призывной комиссии глянул в его медицинскую карту, а там такие болезни, что Эдди, почитай, уже лет десять должен червей кормить. Как всех годных в армию позабিরали, Ида его в бармены определила. Вот он обрадовался! Стал потихоньку отливать вино и виски в маленькие бочонки. Наполнит бочонок, заткнет хорошенько и зароет в укромном месте. Так что теперь Королевская ночлежка – единственная в округе Монтерей, у которой собственные винные погреба.

Где-то на середине первой бутылки «Старой тенисовки» Мак поведал Доку о кончине Доры

Флад. Умерла Дора во сне; «Медвежий стяг» осиротел. Девочки затосковали. Закрылись, повесили табличку «Учет». Три дня пили горькую одни, без мужчин. Сквозь стены было слышно, как отпевали Дору на три голоса, песни все такие хорошие: «Христос-спаситель», «Покоится прах глубоко под землей», «Лазарет Сейнт-Джеймс» [1]. А уж рыдали-то, рыдали – жалобнее койотов...

«Медвежий стяг» перешел к ближайшей родственнице Доры – ее старшей сестре. Она из Сан-Франциско. Заведовала ночной благотворительной миссией на Гауэрд-стрит (между прочим, дело прибыльное!). Она с самого начала была совладелицей «Медвежьего стяга» – только никто не знал. И все чудные правила и порядки шли, оказывается, от нее. Вот, например: Дора хотела назвать заведение «Одинокая звезда», в память о своих молодых днях в Форт-Уэрте, а сестра настояла: пусть будет «Медвежий стяг» – в честь штата Калифорния [2]. Вот он и решил прибрать их к рукам: золотая жила! Расчет у него был верный. Сам посуди, во-первых... – Мак приготовился загигать пальцы, а потому как следует хлебнул из стаканчика, – во-первых, сам он хорошо знает их язык, ведь у него родители мексиканцы. Во-вторых, «мокрые спины» бедствуют, за гроши согласны надрываться. В-третьих, они по-нашему не говорят, порядков здешних не ведают, фараона от мусорной корзинки не отличат. Значит, им позарез нужен человек вроде Джозефа-Марии: рядить их на работу, получать за них деньги. А вздумает какой брыкаться, Джозеф шепнет на ушко чиновнику: у того, мол, мексиканца нет паспорта. Его, голубчика, цап-царап – и отправят обратно в Мексику... В общем, радовался Джозеф: наконец-то стоящее дело нашел. Всего заботы: набрал бригады две-три, они трудятся, а ты отдыхай. А лавку, думаешь, зачем купил? Пристроил сзади закуток для бедолаг: живите, работайте на меня и мои товары покупайте... И нигде, между прочим, не сказано, что это дело противозаконное... Но и тут все пошло не в ту сторону...

– Что же на этот раз помешало? – спросил Док.

– Музыка. Музыка помешала...

В самом деле, Джозеф-Мария рассчитал все до тонкости, вычислил средний расход и средний доход. План был беспроегрешный. И все же случай распорядился по-иному. На то он и случай: когда все шансы против – принесет удачу, а когда шансы за – возьмет да испортит игру...

В обширном районе, прилегавшем к мексиканской границе, бродили буквально миллионы «мокрых спин» – темных, безответных, трудолюбивых парней, готовых всю жизнь безропотно вкалывать на полях. И надо же было такому случиться, что именно среди джозефовых работяг попалось два музыкальных дарования – певец-тенор и гитарист! Вскоре, к ужасу Джозефа-Марии, на глазах у него вырос целый оркестр: две гитары, контрабас, барабан, маракасы; были и певцы: тенор и два баритона. Джозеф-Мария совсем было собрался отправить артистов на долгие гастроли в Мексику, но тут как на грех к ним прибил его племянник Какахуэте со своей сладостной трубой.

Поля с морковью и цветной капустой были заброшены: теперь «мокрые спины» трудились на танцплощадках калифорнийских городков. Оркестр так и назывался – «Эспалдас мохадос», «Мокрые спины». Они выступали в облегающих костюмах наездников, в гигантских сомбреро, исполняли популярные песни: «Приди ко мне, печальное сердечко...», «Любовь моя из Сен-Луиса», «Раз заплакало белое облако...». Играли на танцах в клубе пожарных в Спрекеле, в масонской ложе Соледада, в Лосином парке, что в Кинг-сити, в гринфилдском гараже, в муниципальном зале Сан-Ардо. И хозяин перестал им препятствовать, даже доставал им ангажемент. Дело процветало, Джозеф-Мария набирал все новых и новых «мокрых спин», теперь уже с музыкальными способностями. Вступив в шоу-бизнес, Джозеф-Мария быстро постиг его продувную сущность и обрадовался: как всегда, на верном пути!

– Так что видишь, – сказал Мак, – какая она нынче, музыка. Да что там музыка, все нынче какое-то чудное. Возьми хоть Фауну с «Медвежьим стягом». Это же стал не бордель, а бог знает что! Девчонок она учит политесу, сама гадает по звездам. Где такое видано?.. Все, все у нас переменялось!..

Док оглядел свою заплесневелую лабораторию, поежился:

– Я, наверное, тоже переменялся...

– Но-но, это ты брось! На тебя вся надежда. Если ты станешь другим, всех своих друзей подведешь. Мы тебя так ждали! Думали, вернешься – все у нас наладится, пойдет по-старому...

– Знаешь, что-то у меня на душе смутно...

– Не беда! – сказал Мак. – Попробуй, как в старые времена. Пригласи к себе красивую девушку, заведи на проигрывателе церковную музыку. А потом я к тебе в гости зайду, поклянчу пару долларов... Ну попробуй! Друзья просят!

– Я, конечно, попробую, – сказал Док, – но что-то мало я в это верю. Боюсь, я все-таки изменился...

3. Выкрутасы (1)

Оглядываясь назад, можно попытаться установить, когда именно родилась новая эпоха. И окажется, было это в самый обычный, ничем не примечательный день из долгой их вереницы...

...Все было в ту зиму и весну – и чудеса, и знамения, – но лишь спустя время открылся людям их истинный смысл. Снег сполз вниз по склонам горы Торо: с одной стороны до самого Соснового каньона, с другой – до Джеймсберга. В Кармел-Валли родился теленок о шести ногах. Над Монтереем проплыло облако в виде вензеля ОН. В подвале методистской церкви сквозь бетонный пол пророс гриб. Мистера Ролетти в возрасте девяноста трех лет поразил сатириаз: старец начал приставать к школьницам, пришлось применить к нему меры физического воздействия. Весна выдалась холодная, дожди запоздали. Несметный флот сифонофор заполонил монтерейскую бухту, вода стала фиолетовой; мириады их гибли, вынесенные волнами на прибрежный песок. Касатка напала на морских львов у Тюленьих скал и вырезала полстада. Доктор Уик вынул из почки миссис Гастон камень с кулак размером, в виде головы гончей. Клуб «Львы» учредил премию в пятьдесят долларов за лучший очерк на тему «Как футбол выковывает характер». И, наконец, еще одно событие, последнее по времени, но не по значению, роза Шермана вдруг выбросила гвоздичный бутон... Разумеется, поначалу на все это не обратили внимания; и совершенно напрасно.

Монтерей за войну сильно изменился. Изменился и Консервный Ряд с его обитателями. «Жизнь новое поет, – изрек Мак, – идет к нам что-то новое. А вот что, одному богу известно...»

Док тоже начал меняться – вопреки отчаянным мольбам друзей, вопреки собственному желанию – и ничего не мог с собой поделать. Хотя что тут странного? Человеку свойственно меняться. Перемена вкрадчива, еле ощутима – словно ветерок, трогаящий на рассвете оконную занавеску, словно аромат робких полевых цветов, спрятавшихся в траве... Без всякой простуды вас вдруг зазнобит; ни с того ни с сего почувствуете вы смутное отвращение

к тому, что еще вчера было мило; знайте, это признаки происходящей в вас перемены. Или еще: нападет вдруг на вас непонятный голод, который не уймешь самой сытной едой. Недаром говорят, что чрезмерный аппетит – верный знак неудовлетворенности. А кто, как не она, порождает перемены?

До войны Док жил привольно и весело, возбуждая зависть угрюмых зануд, не способных радоваться жизни. Он добывал морских животных, делал чучела и препараты для школ, колледжей и музеев. Работал в свое удовольствие: на жизнь хватало, а к богатству он не стремился. Док благоволил всему вокруг. Мир для него был полон чудес. Любовь к волшебству моря соединял он с любовью к музыке, этому замечательному созданию человеческого духа. У Дока был отличный проигрыватель: Док внимал ангельским голосам Сикстинской капеллы, предавался прихотливым мыслям под звуки изысканных месс Уильяма Бэрда. Выше всех человеческих творений он ставил «Фауста» Гете и «Искусство фуги» И.-С. Баха. Друзья его обожали и, обожая, обирали. Но Док не печалился, с наивным самодовольством вспоминал слова легендарного Бриллиантового Джима: «Вы говорите, друзья меня обирают? Вообще-то это приятно – лишь бы было по карману». Сам Док не очень-то берег свой карман, а уж ловчить и вовсе не умел – не хватало эгоизма.

Док любил женщин и желал их. О том, чтобы его любовь не оставалась безответной, всегда заботились сами женщины. Быть неизменно добрым, щедрым и веселым – вот к чему сводились его обязанности, – и, сказать по правде, они его мало тяготили. Док жил полнокровно и всем был доволен. Не зря многие ему завидовали, вздыхали с тоской: вот бы нам так, редкому человеку, особенно мужчине, удастся угодить самому себе, редкий человек любит свою работу и свое житье. Любовь Дока к себе не была самоподхалимажем: просто он любил людей, и для себя не делал исключения. Он жил в ладу с собой, а значит, и с остальным миром.

В армии он часто рвался душой домой, в лабораторию, к животным и к проигрывателю, к тихому труду. Когда он наконец вернулся, открыл разбухшую от сырости дверь и ступил через порог, сердцу стало сладко и больно. Со вздохом смотрел он на запыленные книжные полки. Долго выбирал, какую из любимых пластинок послушать в честь возвращения... Но вот отзвучала музыка, уплыло прошлое. Надо было думать о будущем. Брехуня, который был еще менее предприимчив, чем Док, за короткое время развалил все дело и бросил лабораторию на произвол судьбы. Запасы изготовленных до войны препаратов истощились. Сроки договоров с заказчиками истекли. Банк, который держит закладную на помещение, не станет больше мириться из патриотизма с просрочкой платежа – война-то кончилась. Док сам не знал, сумеет ли поправить пошатнувшиеся дела. В старые добрые времена он не стал бы долго раздумывать, сразу бы окунулся в работу и развлечения. Но теперь в душу к нему проник «беспокой» и то и дело потихоньку хватал за сердце.

Что это такое, «беспокой»? Одеты вы тепло, а дрожите. Едите вдоволь, а голод все равно не отпускает. Вас любят здесь, а душа ваша странствует где-то там. Но больше всего мучает то, что время, проклятое, подлое Время, не бесконечно. До конца жизни уже не вечность, вы ясно различаете его вдали, как бегун на финишной прямой различает ленточку. И внутренний голос спрашивает: «Достаточно ли я работал? Достаточно ли ел? Достаточно ли любил?» В вопросах этих извечное проклятие человека, но именно с них начинается все истинно великое. «Для чего я жил? Как прожить тот срок, что мне еще отпущен?» И напоследок, как жало, впивается злополучное: «Каков мой вклад в Великую копилку человечества? Чего я стою?» И дело тут не в тщеславии, не в амбициях. Просто похоже, что все мы, люди, – должники. Мы только родились, а долг уже висит на нас; и как потом ни бейся, его не выплатить сполна. Он растет с человеком наперегонки – долг перед человечеством. Сознание неотданного долга отравляет существование, а попробуешь отдавать – долг становится еще больше. И все же, человек, сколько ты сумел отдать – такова тебе и цена!

Раньше Док пребывал в счастливой уверенности, что долг его выплачивается исправно.

Финишная ленточка не вызывала тягостных раздумий: все мы когда-нибудь умрем, главное – прожить жизнь как можно полнее. Всякий день у Дока завершался ночью, всякая мысль – выводом; всякое утро с востока, из-за гор, выкатывалось щедрое солнце – и мир начинал сиять в его лучах, радостный и свободный. Доку и в голову не приходило, что может быть по-иному. Люди совершали паломничества к нему в лабораторию – отдохнуть душой в обществе человека, который, не имея никакой цели, умеет жить так цельно. И то сказать, зачем к чему-то стремиться? Разве можно совершить что-нибудь, чего до тебя не делали тысячу раз? Разве можно изречь хоть что-нибудь, чего нет у Лао Цзы, в «Бхагавадгите», или у пророка Исаяи? Гораздо важнее принимать все сущее, восхищаться этим миром, в котором красота испокон веков живет лишь вместе с тенью своей, уродством: убери эту тень – и непонятно, что такое красота. Потому-то Док и жил на зависть многим, что сумел постичь эту мудрость!

Но теперь «беспокой» точил ему душу. Может, виною был возраст, как-никак полжизни минуло. Не так активно работают железы внутренней секреции, стареет кожа, притупляется вкус, слабеют зрение и слух. А может, все дело в непривычном запустении Консервного Ряда: стоит завод, ржавеют под открытым небом груды консервной жести?.. Как бы то ни было, Док не покидало странное чувство поражения. Поскольку Док был материалист, он первым делом проверил зрение и сделал рентген зубов – оказалось, все в порядке. Затем сходил на обследование к доктору Горацию Дормоди: никакой скрытой инфекции, которая могла бы причинять дурное самочувствие, доктор не обнаружил... Тогда Док отчаянно набросился на работу, надеясь заглушить тревогу усталостью. Трудился без отдыха: добывал морских тварей, препарировал, заспиртовывал – вот уже все полки, как встарь, заставлены коробками и стеклянными банками... Новые поколения белых крыс осуждены грызть железные прутья клеток, четыре новые гремушие змеи зажили в сытой неволе...

Но «беспокой» не оставлял Дока. Тревога схватывала душу, сердце стучало с запинкой. Не веселило самое пьяное виски; не доставлял прежнего удовольствия и первый, огромный, ледяной глоток пива из запотевшего стакана. К середине долгого разговора Док уставал, даже друзьям разучился радоваться...

Начнет Док, бывало, переворачивать большой камень в бухте Большого прилива – под таким камнем наверняка богатая добыча, – качнет этот камень раз-другой, а потом вдруг отпустит; выпрямится и, уперши руки в бока, засмотрится в даль, где над водой громоздятся белые облака с черной и розовой каймой. И думает: о чем я думаю? чего хочу? куда стремлюсь? И видит себя словно со стороны, словно сквозь стеклянный колпак – и сам себе чуден. И слышит в себе звуки, а может, созвучия, как будто играет вдали оркестр.

Или вот как еще бывало. Засидится Док допоздна над старым разболтанным микроскопом: распинает планктон на предметном стеклышке, тихонько орудует стеклянной палочкой. И слышит внутри себя три одновременно поющих голоса. Верхний голос – голос разума – поет: «Вот чудесные крохотные частички, не растения, не животные, но странным образом и то и другое. Они вместилище жизни. Ими питаются другие организмы. Если б они погибли, кто знает, может, погибла бы жизнь?» Средний голос – голос души – поет так: «Что ты ищешь, жалкий человечешко? Не самого ли себя ты потерял? Копаешься в мелочах, чтобы не думать о большом». А третий голос, нижний, поет откуда-то из самого нутра: «Одинок ты! Одинок! Разве это годится? Есть ли хоть кому от такого житья польза? Оттого и мудрствуешь, что боишься чувств. Хочешь спрятаться от одиночества – не спрячешься. Оно везде с тобой».

Тогда бросал Док начатую работу, шел проветриться к маяку; смотрел, как бьет в горизонт ослепительный луч. Здесь, у моря, мысль его, конечно, опять возвращалась к планктону: «А ведь это белковый продукт. Вот бы мне придумать, как людям употреблять его в пищу. Никто бы на свете больше не голодал». А нижний голос в это время принимался петь свое: «Одинок ты! Одинок! Пытаешься откупиться от одиночества».

Док думал, что другим нет дела до его «беспокоя». Но это было не так. Весь Консервный Ряд наблюдал за Доком и переживал за него. Больше всех волновались Мак с ребятами. Мак сказал Фауне:

– Смотрю я на Дока и думаю: может, ему женщины не хватает?

– Что ж, мое заведение – к его услугам, – сказала Фауна.

– Нет, я о другом толкую. Надо такую женщину, чтоб все время с ним жила. И пусть бы у них почаще находила коса на камень. Тут не до уныния – знай себя обороняй.

Фауна смотрела на брак благосклонно, видя в нем не только общественную пользу, но и личную для себя выгоду: лучшие ее клиенты были люди семейные.

– Ладно, давай его женим, – сказала Фауна.

– Нет, это уж слишком! – испугался Мак. – Мне его жалко...

Док прибегнул к испытанному средству от хандры; долгий неспешный путь в Ла-Джоллу-400 миль к югу должен был его исцелить. Док путешествовал, как в лучшие времена, с ящиком пива и семнадцатилетней спутницей. Девушка увлекалась зоологией беспозвоночных, но Док не очень-то верил в искренность этого увлечения (и оказался прав).

Поездка получилась удачная: стояла тихая теплая погода, море далеко отступило во время отлива. В межприливной зоне, под валунами, оплетенными гирляндами водорослей, Дока ждала удивительная добыча: двадцать восемь детенышей осьминога с совсем еще маленькими щупальцами! Если бы удалось сохранить их живыми – вот была бы удача! Бережно он переложил их, одного за другим, в специальное деревянное ведро, заботливо укрыл водорослями. В душе росло волнение...

Спутница его, напротив, начала испытывать некоторое разочарование. Восторг Дока означал, что Док, в отличие от нее, влюблен в зоологию. А какой девушке понравится, что ее предпочли, и главное, кому – осьминогу! Обратный путь – те же 400 миль – состоял из коротких стремительных рывков. Через каждые несколько миль Док останавливал автомобиль и смачивал мешковину, которой было укрыто заветное ведро.

– Осьминоги плохо переносят жару, – объяснял он.

Он не читал девушке стихов. Не спрашивал, о чем она думает, что чувствует, не говорил комплиментов. Зато поведал ей много нового об осьминогах (как порадовал бы ее этот рассказ раньше!).

– Замечательные животные, – говорил Док. – Нежные, загадочные, застенчивые...

– Гадкие твари, – сказала девушка.

– Что ты, ничуть, – живо отозвался Док, – хотя я понимаю, почему ты так говоришь. Осьминоги во все времена и отталкивали, и завораживали человека. Глаза их кажутся жестокими и таинственными. Сколько возникло об осьминогах легенд! Ты, конечно, знаешь скандинавский миф о кракене, морском чудовище?

– Да, наизусть, – ответила девушка с иронией.

– Вообще-то, – продолжал Док взволнованно, осьминоги очень робкие животные. А как еще много в них загадочного! Вот посажу их в аквариум, рассмотришь хорошенько. Хоть и нельзя их сравнивать с людьми, некоторые их черты определенно напоминают человеческие. На первый взгляд они существа тихие и безобидные, все время прячутся. Но однажды я своими

глазами видел, как один из них совершил преднамеренное убийство своего сородича. У меня такое впечатление, что они способны испытывать страх и ярость. Если их разъярить, они меняют цвет – похоже на то, как люди багровеют от гнева...

– Очень интересно, – сказала девушка и подоткнула под себя юбку – обозначились круглые коленки.

– Иногда они так разъяряются, – продолжал тем временем Док, – что не выдерживают и умирают. Внешне это очень напоминает смерть человека от апоплексического удара. Удивительно эмоциональные создания! Я думаю написать о них монографию.

– Может, заодно выясните, отчего у человека бывает удар? – спросила девушка. Док не расслышал в ее голосе иронии, потому что воспринял все совершенно серьезно.

Нет нужды называть имя девушки. Она больше не появлялась в Западной биологической лаборатории. Ее вспыхнувший было интерес к науке задуло первым же порывом ветра, зато в Доке пламя забушевало вовсю.

Научное озарение подобно вспышке. Оно оставляет в душе сумятицу – волнение, восторг, испуг. Примеров такого озарения множество. Все знают о ньютоновом яблоке. Если говорить о Чарльзе Дарвине, то, по его собственным словам, главная идея «Происхождения видов» явилась ему в одно мгновение, а остаток жизни он употребил на то, чтобы доказать ее фактами. Теория относительности родилась в голове Эйнштейна в какую-то долю секунды... Накопление мысли завершается поразительным качественным скачком. Это величайшая загадка человеческого ума! В один миг все встает на свои места, неувязки увязываются, диссонансы превращаются в гармонию, бессмыслица дорастает до смысла... Но путь к озарению неблизок, и ученый изведает на нем горечь неудач.

Сказав «до свидания», девушка покинула лабораторию; а Док и не заметил ее ухода (как не замечал ее присутствия)...

С великим тщанием Док выскоблил большой аквариум, выстлал дно морским песком, положил камни, обросшие губками, анемонами и гидроидами, посадил морские водоросли, запустил крабиков, угрей, прибрежных окуньков. Наносил ведрами целый бак морской воды и наладил насос – качать воду в аквариум и обратно. Док призвал на помощь все свои знания о взаимоотношениях растений и животных, о фильтрации, кислородном режиме, освещенности и температуре, о питании морских животных в условиях аквариума. В четырех стеклянных стенах он создал мир, где все служило благополучию осьминогов, а возможные недруги и опасности были устранены.

Восемь осьминогов погибли в дороге, оставшиеся двадцать скользнули на дно своего нового жилища и затаились среди камней, наливаясь гневом и трепеща. Док придвинул табуретку поближе и стал вглядываться в сотворенный им мир. Набегали мысли, зеленые и прохладные; проплывали стайками цифры. Вот оно, желанное душевное равновесие... Бесцветные глаза осьминогов спокойно взирали на Дока...

В последующие дни все заметили, что Док ведет себя как-то странно. Поэтому Мак не сразу пошел к Доку за очередными двумя долларами, а испробовал прежде Другие источники. Однако никто не раскошелится, и тогда Мак опасно постучался в Западную биологическую.

Последовавшая за сим ария Мака была, вероятно, вершиной его вымогательского искусства. Началась она с долгого, ненавязчивого вступления, – лишь к концу его стал прощупываться лейтмотив. Исполдволь в мелодию вплетались чувствительные нотки; вот уже слышалась тема печальной необходимости. Драма нарастала. Мак умело управлял голосом, добиваясь проникновенности; голос пока что не дрожал, но уже прорывалась затаенная страсть. Слушая

себя. Мак приходил в восторг: сам бы не устоял перед таким исполнением! Но почему же тогда Док не отрывает глаз от тускло освещенного аквариума? Он, правда, поздоровался, когда Мак вошел, но затем не молвил ни слова. Что делать? Сам немного пугаясь своей смелости, Мак перешел на глас ангельский, потом на глас скорбный и, наконец, вознес хвалу дающему! Вышло так чувствительно, что у самого слезы навернулись на глаза.

А Док даже головы не повернул.

Мак стоял как оплеванный. Это ужасно – выложиться до конца и не встретишь отклика. Что теперь делать? Мак громко позвал:

– Док!

– А-а, Мак. Привет.

– Ты что, занемог?

– Да, то есть нет. Тебе что, денег? Сколько?

– Два доллара.

Даже не взглянув на Мака, Док полез в карман за бумажником. Выходит, Мак играл вхолостую! Можно было попросить прямо с порога! Мака охватил гнев, он даже подумал, не отказаться ли гордо от денег, но, как всегда, его выручил здравый смысл. Так он и стоял, мял в руке долларовые бумажки.

– Что с тобой, Док? – спросил он наконец.

Док медленно повернулся на стуле.

– Вот ведь задача, – сказал он. – Какой им нужен свет? Освещение-это всегда проблема, а здесь особенно...

– Какое освещение?

– Мы с самого начала сталкиваемся с двумя очевидными проблемами, продолжал рассуждать Док. – Во-первых, они плохо переносят жару; во-вторых, они в известной мере подвержены светобоязни. Ума не приложу, как осветить аквариум, чтобы вода не нагревалась. И смогут ли они приспособиться к постоянному свету, пропадет ли у них светобоязнь?

– Конечно, – смятенно сказал Мак.

– Э-э, не торопись, – сказал Док. – Ведь самый процесс акклиматизации, пусть он их не убил, мог все же изменить их нормальные реакции. Вообще-то реакции животных, близкие к эмоциям, квалифицировать трудно... И вот встает вопрос, могу ли я, поместив их в аномальные условия, ожидать нормальных реакций?

Мак замотал головой.

– С помощью вскрытия не проникнешь в механизм эмоций, – продолжал Док. – Если бы какие-нибудь другие разумные существа нашли тело человека и вскрыли, они бы ничего не узнали о наших чувствах и мыслях... Так вот, сдается мне, что ярость осьминогов, или состояние, напоминающее ее внешне, – это аномалия. Допустим, я наблюдаю ее в условиях аквариума. Но происходит ли нечто подобное на морском дне? Вдруг данный феномен ограничен условиями аквариума? Нет, нельзя из этого исходить, иначе вся моя теория рухнет!

– Док! – вскричал Мак. – Посмотри на меня! Это же я, Мак!

– А-а, Мак. Привет. Я забыл, сколько тебе надо?

– Да ты мне уже дал! – сказал Мак – и тут же понял, что сглупил.

– Вопрос упирается в оборудование, – сказал Док. – Мое – никуда не годится. Вот ведь чертовщина!

– Док, может, нам взять бутылочку «Старой тенисовки»?

– Пожалуй... – сказал Док.

– Да ты не волнуйся, я ставлю, – сказал Мак. – У меня как раз два беспризорных доллара.

– Чертовы деньги! Где нам с тобой раздобыть денег, Мак?

– Я ж говорю: я ставлю!

– Первым делом мне нужен современный биноклярный микроскоп. И еще – хорошая подсветка для аквариума. Какой же им дать свет? Может, пустить направленный луч из другого угла комнаты? Может, за это время изобрели какую-нибудь новую подсветку? Придется заняться этим вплотную.

– Пойдем, Док...

Сначала Док купил одну бутылку «Старой тенисовки», потом послал Мака еще за одной. Друзья сидели рядышком, поставив локти на тумбу, и смотрели в аквариум. Виски становилось все меньше, поэтому Мак наливал совсем помалу, разбавлял водой.

– У меня есть дядя, – сказал Мак. – У него глаза – точь-в-точь как у них. Зато денег – куры не клюют. Интересно, отчего у богачей такой взгляд – студеной, неприветливый?

– Для самозащиты! – объяснил Док. – Чтобы родственники не слопали.

– Слушай, Док, – выпалил вдруг Мак. – Мы все переживаем. Тебя совсем не узнать. Нет в тебе прежнего веселья, ходишь как потерянный.

– Наверное, у меня переориентация...

– Тебе, конечно, виднее, – сказал Мак, – только есть мнение, что тебе нужна баба для встряски. Я знаю одного парня, он с женой не живет. Как станет ему белый свет не мил, возвращается домой. А на другой день уже думает: господи, как же было без жены хорошо. И уходит из дома в хорошем настроении.

– Классический случай шокотерапии, – сказал Док. – Не волнуйся, Мак. У меня все в порядке. И не надо мне никакой жены! Ишь чего выдумали! Мужчине нужна не жена, а цель в жизни. Вот чего мне не хватает. Без цели можно всю жизнь проходить кругами и никуда не прийти!

– Вот! Таким ты мне нравишься! – сказал Мак.

– Знаешь, как я назову свою монографию? «Состояния некоторых цефалопод, сходные с апopleксией».

– ???!

4. Иначе б не было игры

Когда Джозеф-Мари узнал Дока поближе, Док ему полюбился. Любовь рождается от тайны – такой тайной была честность Дока. Джозеф-Мария силился ее постичь: ведь должен в ней быть хоть какой-то умысел!

Зашел он как-то к Доку в гости и увидел шахматную доску. Поинтересовался, что такое. Игра. Научи. (По части игр Джозеф-Мария был мастак.) Он без труда усвоил, как фигуры ходят, как едят, кто главнее. Сели играть. Вскоре Док отлучился: зазвонил телефон.

– Э-э, так не годится, – сказал Док, вернувшись. – Ты сдвинул фигуры. Мою пешку, своего ферзя и еще коня...

– Почем знаешь?

– Что ж тут не знать? Шахматы, может, единственная в мире игра, где не сжульничаешь.

На лице Джозефа-Марии выразилось изумление:

– Как это?

– А вот так. Иначе б не было игры.

Слова эти Джозеф-Мария запомнил, и дома весь вечер раздумывал: может ли такое быть? Кончилось тем, что он снова пришел к Доку: объясни, пожалуйста; говоришь хорошо – а понять не могу.

– Все дело в том, – объяснял Док терпеливо, – что это игра умственная и оба игрока знают одинаково, поровну. Вот и все.

– Не понимаю...

– Ну смотри, нельзя же сжульничать в математике, в поэзии, в музыке. Они основаны на ис-ти-не! Какая ж тут может быть ложь? Какое надувательство? А шахматы – та же арифметика...

Но Джозеф-Мария только качал головой:

– Не понимаю...

Он был потрясен и заморожен. В неуязвимости доковых слов ему чудилось какое-то новое, неслыханное сверхмошество! «А что если, – зашевелилась мысль, – взять да скрестить честность с обманом? Тогда такие дела можно делать, и никто не подкопается!.. Знать бы только, как это обстряпать...» Ум отказывался воспринимать эту дикую мысль, но она навязчиво лезла в голову. Глаза у Джозефа-Марии сузились, как у кота. «Он-то, поди, знает. Ну, Док, ну, хитрец!..»

5. Появляется Сюзи

Констебля маленького городка изображают обыкновенно таким незадачливым малым. Какую книжку ни раскрой, у него роль одна – вахлак! И людям нравится в это верить, – что с того, что в жизни бывает по-другому. На то она и вера – верить в то, чего на самом деле нет...

Констебль, если прослужил в городке не год, не два, знает всю его подноготную. Знает о тонком политическом равновесии между мэром и членами городского совета, между пожарниками и страховыми компаниями. Знает, по какому поводу миссис Гелтхем устраивает застолье и кого позовет в гости. Когда Мейбл Эндрьюс в очередной раз кричит в трубку, что к ней ломится грабитель, констебль точно знает, крыса ли это в гостиной, настоящий грабитель или мадам просто померещилось. Знает он, что у мистера Гелтхема любовь со школьной учительницей и как часто они встречаются. Знает, кто из старшеклассников перешел с джина на марихуану. Самая легкая зыбь на поверхности городской жизни не ускользнет от его внимания! Если совершено преступление, то он сразу скажет, кто в нем не замешан, а иногда с ходу назовет преступника. Неусыпный констебль отвращает от города множество неприятных происшествий. Поговорит с кем надо в темной аллее, сделает внушение по телефону; иногда довольно его тени в свете уличного фонаря... Снимая с дерева чью-то орущую кошку, констебль знает, кто ее хозяйка. А когда родители подтолкнули к нему зарезанного малыша и тот разожмет ладошку, а в ладошке вещица, стянутая у галантерейщика с прилавка, – он, если он хороший констебль, со всей строгостью простит его от лица закона.

Чужаку, сошедшему в Монтерее с дель-монтского автобуса-экспресса, невдомек, что кому-то есть дело до его приезда. Но уже следит за ним недремлющее око...

В Монтерее хороший констебль. Зовут его Джо Блейки. Никогда не дослужиться ему до полицмейстера, да он и не стремится к этому. Все в городе уважают Джо и доверяют ему. Все может Джо: если нужно, он и дерущихся супругов разнимет!.. Своим умением ладить с людьми, а также умением постоять за себя обязан он воспитанию. Джо рос младшим в семье, где, кроме него, было еще четырнадцать славных, но драчливых мальчишек и девчонок. В Монтерее Джо знает всех, от мала до велика. Если появится в городе новый человек, Джо быстро определит, что это за личность.

С автобуса дальнего следования сошла девушка по имени Сюзи. Огляделась по сторонам, подкрасила губы и, подхватив обшарпанный чемодан, зашагала к кафе «Золотой мак». Сюзи была хорошенькая девушка с прямым носиком и большим ртом. Красивая фигура, рост средний; скорее всего шатенка (крашена под блондинку). Одета в коричневую жакетку с кроличьим воротником, платье из набивного ситца, коричневые кожаные туфли. У правой туфли протерся мысок; чуть прихрамывает на правую ногу. Перед тем как уйти с остановки, открыла коричневую сумочку из искусственной кожи: там зеркальце, гребешок без двух зубьев, пачка сигарет «Счастливые»; полпакетика мятных леденцов, восемьдесят пять центов серебром (бумажных денег нет), губная помада (пудры нет), аспирин. Ключей нет.

Именно в таком порядке всплыли бы в уме Джо Блейки приметы незнакомки, случись в эту ночь в городе убийство. А между тем он не отдавал себе отчета, что запоминает – работала интуиция. Джо вошел в «Золотой мак»: хозяйка как раз ставила на стойку чашку дымящегося кофе для Сюзи. Джо уселся на соседний стул:

– Элла, мне тоже кофейку.

– Сейчас сделаю. Как жена, Джо?

– Уже лучше. Только вот силенок после болезни маловато...

– Ну еще бы, – сказала Элла. – Какие вы, мужики, непонятливые. Ты поменьше мучай ее домашними делами... Сейчас свежего тебе заварю.

– Ага, – сказал Джо.

Элла заложила кофе в кофеварочную машину.

– О чем задумалась, сестренка?– дружелюбно спросил Джо у Сюзи.

– Ни о чем, – она не оглянулась, но видела его отражение в блестящей кофеварочной машине.

– В отпуску? – спросил Джо.

– Ага.

– К нам надолго?

– Пока не знаю.

– Может, работу ищешь?

– Может, и ищу.

Элла направлялась к ним, но, увидев, что они разговаривают, заспешила к посуде.

– А знакомые у тебя здесь есть?

– Тетка живет.

– И как же ее зовут?

– Тебе что, обязательно знать?

– Извини, работа такая.

– Ладно, нету тетки...

Джо улыбнулся; Сюзи почувствовала себя спокойнее. Вообще-то он ей понравился, приятный мужчина, о жене беспокоится.

– Значит, бродяжничаем? –спросил Джо.

– Да нет пока, – сказала Сюзи. – У меня что, в вашем городе будут неприятности?

– Ну зачем же, – сказал Джо. – Карточка социального страхования у тебя есть?

– Потеряла.

– Жалко, – сказал Джо. – Учти, городок у нас чинный, на улице не промышляют. Есть специальное заведение, называется «Медвежий стяг»... Да, если захочешь уехать, приходи, денег на билет дам. Спросишь, как найти Джо Блейки, любой скажет.

– Спасибо, Джо. А насчет этого ты неправильно подумал. Я этими делами не занимаюсь...

– Это ты пока не занимаешься. У нас, как закрыли консервные промыслы, работу днем с огнем не найдешь. Ну, будь здорова, – Джо встал, потянулся. – Элла, я пошел. Попозже зайду кофе выпью.

Элла стирала со стойки мокрой тряпкой. Наверное, у нее кончается смена, подумала Сюзи.

– Мировой парень, – сказала Элла. – Хочешь еще кофе? Свеженького?

– Мировой, – согласилась Сюзи. – Хочу...

Элла принесла чашку.

– Ты где остановилась?

– Пока нигде.

– У меня сестра хорошие комнаты сдает. И недорого, четыре доллара в неделю. Хочешь позвоню?..

– Спасибо, – сказала Сюзи. – Я прежде по городу пройду, огляжусь. Слушай, можно я у тебя чемодан оставлю? А то тяжелый.

– Чего же нельзя. Давай за стойку поставлю.

– А что если я приду, а ты сменилась?

– Нет у меня сменщиц, сестренка, – устало сказала Элла.

Сюзи поизучала витрины на улице Альварадо, потом прошла к пристани и несколько времени разглядывала причаленные рыбацкие лодки. В тени пирса стояла стайка рыбешек; двое мальчишек удили с пальца, да все без толку... Часа в четыре Сюзи прошагала по пустынному Консервному Ряду, купила в лавке пачку «Счастливых», равнодушно скользнула взглядом по Западной биологической лаборатории и, наконец, постучалась в дом напротив. Это был «Медвежий стяг».

Фауна приняла ее в своем спальном кабинете.

– Честно говоря, – сказала Фауна, – работы сейчас почти никакой, вот разве в июне моряков подвалит. Ну что ты молчишь, рассказывай, может, разжалобишь.

– Чего рассказывать...

– Без гроша, небось?

– Угу.

– Не радуйся, меня этим не проймешь. – Фауна откинулась в кресле, прищурилась. – Одно время я в благотворительной миссии работала, так что все жалостные истории наизусть знаю. Столько я их выслушала – записать, ста томов не хватит. Между прочим, иногда рассказывают правду... Хочешь, я тебе сама про твою жизнь расскажу?

Сюзи молчала, сидела настороженно, потупившись, положив руки на колени.

– Семья бедная, вечно ссоры. В пятнадцать лет, или в шестнадцать, повстречала парня и убежала с ним – лишь бы от дома подальше. Замуж вышла, а скорее всего – нет. Не стал он на тебе жениться...

Сюзи молчала, только пальцы ее крепко сцепились; Фауна отвела взгляд.

– Еще бы, небось повела себя сразу как законная. А он испугался и улизнул. Ты что-то сказала?..

– Нет, ничего.

– Ребенок, наверное, был?..

– Умер.

– Поди, ненавидишь того парня?

– Может, хватит? – сказала Сюзи.

– Ну, хватит так хватит. Думаешь, мне самой это интересно? Слушай, что я тебе скажу. Есть женщины, которые прямо созданы для нашей профессии. Одни работы боятся, другие мужиков ненавидят. Но удовольствия никто от этого не получает. Это все равно что целый день разделывать селедку и не потерять к ней аппетит. А ты, как я погляжу, не очень-то нам подходишь. Чего не хочешь найти нормальную работу?

– Работала я, официанткой. И продавщицей в галантерее. Не вижу, чем это лучше. В кино все приглашают. Так, по-моему, лучше честно, за три доллара.

– За деньгой гонишься?

– А что, нельзя?

– Парень есть?

– Нет.

– Не любишь мужиков?

Сюзи пожала плечами.

– Эх, – вздохнула Фауна. – Твоя взяла. Чувствую, я с тобой намучаюсь!.. Но ты мне нравишься. Молодец, что не пытаешься на жалость взять, беды свои не навязываешь. На меня, если хочешь знать, это лучше всяких жалостных историй действует. Ты, часом, не фригидная?

– Чего, чего?

– Ладно... В тюрьме сидела?

– Месяц, за бродяжничество.

– Других дел за тобой не водится?

– Нет.

– Ну-ка, попробуй улыбнись. А то всех клиентов остудишь...

Сюзи послушно улыбнулась.

– Бог мой, – сказала Фауна. – Ты и улыбаешься-то не как женщина, а как сестра милосердия... Чует мое сердце, будет мне от тебя один убыток. И чего я только такая сердобольная? Работала когда-нибудь в подобном заведении?

– Нет.

– Ну, это все же лучше, чем на улице... Завтра тебя врач посмотрит.

– Можно принести чемодан?

– Что ж, неси... – Фауна раскрыла бумажник, лежащий перед ней на столе. – Значит так. Магазин Пенни работает до шести. На, купи себе платье – помоднее да подешевле. Щетку новую зубную. А как вернешься, займись, ради бога, своей головой. Если б ты смотрела за волосами, была бы совсем ничего...

– Это я после автобуса растрепанная.

– Тогда понятно, – сказала Фауна. – Ужин у нас в полседьмого. Когда ела в последний раз?

– Вчера.

– Сегодня на ужин тушеное мясо, морковь со сливками. Вишневое желе.

Уже в дверях Сюзи обернулась:

– Ко мне тут фараон цеплялся. Джо Блейки.

– Это свой парень. В случае чего и денег может одолжить...

– Да он уж предлагал, – сказала Сюзи. – А тушеное мясо я люблю.

Элла перебросила через стойку чемодан.

– Чего сияешь? Никак, работу нашла?

– Да как будто. Слушай, где тут у вас магазин Пенни?

– Повернешь вон там направо, пройдешь полтора квартала, увидишь, с желтым фасадом. Ну, пока!

На улице к Сюзи пристроился Джо Блейки, понес чемодан.

– Вот и умница, определилась, – сказал он.

– А ты откуда знаешь?

– Хозяйка твоя только что звонила. Ну, пока.

– Пока. – Сюзи взяла чемодан и вошла в магазин.

– Что желаете?

– Платье. Недорогое.

– Вот сюда, прошу вас.

– Можно вон то, томатовое?..

– О, это у нас новый оттенок, называется «Помдамур».

– Я и говорю – помидор.

– Берите, не прогадаете, очень ноская материя.

– Хорошо. Пожалуйста, двенадцатый размер.

– Туфли для ансамбля не желаете?

Сюзи подумала, глубоко передохнула...

«Эх, пропадать, так с музыкой!..»

6. Муки творчества

Док горел в огне науки, но, как птица Феникс, возрождался из пепла – для новых дерзаний. Что правда, то правда: микроскоп у него плохонький. Зато глаза зоркие, и ум, слава богу, аналитический – отменяет прочь эмоции, страхи, пустые сомнения... Док глядел на осьминогов; гипотеза вырисовывалась все яснее. Он принялся колоть стеклянной иглой одного из своих подопечных: ошалев от страха и ярости, тот бросился на сородича и умертвил его. Другого осьминога, апатичного, Док отсадил в отдельный аквариум, притомил слабым раствором ментола и тут же оживил слабым раствором горькой соли. Потом вызвал у животного ярость – краски тела вспыхнули, цвет изменился – и ввел небольшое количество сульфата кокаина – гнев переборолся сном (если, конечно, у осьминогов бывает сон в нашем понимании). Затем с помощью физраствора было произведено пробуждение... И снова то здесь, то там колот он осьминога безжалостной иглой; животное наливалось цветом, багровело, всплескивая щупальцами, и вдруг разом обмякло – скончалось. Док извлек тело из аквариума и вскрыл: не образовались ли в тканях пузырьки?

– Пока все подтверждается, – сказал он вслух. – До механизма явления с моей оптикой не добраться. Однако внешние признаки – апоплексии. Где-то должно быть и кровоизлияныце, даром что не видать... Начнем статью с наблюдения...

У Дока заранее были запасены блокноты и две дюжины простых карандашей. Все это лежало на письменном столе. Остро очиненные карандаши, выложенные в шеренгу, похожи были на солдат в желтых мундирах – сейчас бросятся в бой. Док раскрыл блокнот и вывел на первой странице печатно: «Наблюдения и размышления». Грифель хрупнул. Док взял другой карандаш и обвел буквы «Н» и «а»; букву «р» переправил на заглавную, пририсовал к ней снизу рыбий хвост. Зачесалась лодыжка. Спустил носок, почесал. От этого зачесалось в ухе. «Знать, кто-то обо мне говорит», – подумал он; посмотрел на стопку желтых блокнотов. А кормил ли он сегодня крыс? За мыслями забыть недолго. Нет, конечно.

Глядя, как крысы дерутся у кормушки, Док вспомнил, что сам забыл поесть. Ну ничего, напишем пару страниц, можно будет поджарить яичницу. Или лучше перекусить сейчас, чтоб потом не прерывался ход мысли? Он уже столько дней мечтал, как придет покой и мысль польется беспрепятственно; единственное спасение от тревоги – жить спокойной и духовной жизнью. Ладно, сперва поедим. Он сжарил глазунью из двух яиц и стал есть, не отрывая глаз от раскрытого блокнота. Висячая лампа над страницей слишком яркая, бумага отсвечивает, смотреть больно. Док доел глазунью, достал лист миллиметровки, смастерил дно для абажура, приладил. (Работа тонкая, потребовала времени.) Опять засел над пустой страницей, еще раз красиво обвел все буквы заглавия; потом вырвал лист и швырнул под стол. К этому моменту сломались уже пять карандашей. Он очинил их заново и произвел равнение в шеренге желтых солдат.

Послышался шум мотора. Док выглянул в окошко: к «Медвежьему стягу» подкатила машина – люди незнакомые. Ага, вон Мак прошмыгнул в лавку. Что-то надо было у Мака спросить... Только вот что?..

Сосредоточиться всегда трудно, особенно поначалу. Ум шарахается от думанья, как испуганный цыпленок. Человек забывает, что тем и славен, что наделен способностью к мышлению. Док решил заставить голову работать: когда знаешь, чего хочешь, нет невозможного. Он напряг по-волевоу челюсть и уже двинулся обратно к столу, как вдруг краешком глаза ухватил промельк юбки в окне. Опять выглянул на улицу: по Консервному Ряду в сторону Монтерея шагала; удаляясь, девушка. Лица не видно, но походка у нее складная: бедро, колено, лодыжка совершают движение вольно, плавно – никаких рывков, никакой зыбкости при переступе. Девушка шла, расправив плечи, вздернув подбородок, чуть

размахивая руками. Славная походка, веселая, подумал Док. О многом может поведать походка: об унынии и болезни, об уверенности и решимости... Походка бывает разная – и дерганая, злая, и робкая, крадущаяся, но эта была – счастливая, будто девушка шла на встречу с любимым. А еще говорила она о гордости, лишенной самолюбования... Неужели свернет за угол? Свернула, последний раз стрельнув в глаза своей юбкой. Но Доку казалось, что он по-прежнему видит легкое покачивание бедер, в голове его раздавалась мелодия этого ладного, гибкого, спорого шага. «Небось, страшна как ведьма», – сказал он сердито, и тут же рассмеялся над собой: «Ага, круг замкнулся. Поздравляю тебя, умная голова. Начали с греховных мыслей, перешли в область эстетики и музыки, а кончили, как та лиса из басни: виноград-де зелен... Вот уж действительно, до чего человек не додумается, лишь бы не думать о деле. В конце концов, это просто нечестно. Ну-ка, голова, за работу – теперь не отвертишься».

Он взял карандаш и написал: «Объект наблюдения – 20 детенышей осьминога, отловленные в межприливной зоне близ города Ла-Джолла. Особи были помещены в большой аквариум, условия в котором максимально приближались к естественным. Каждые 24 часа морская вода в аквариуме полностью заменялась (вода тщательно фильтровалась). В аквариуме находились животные из типичного для осьминогов экологического сообщества, а также песок, камни и водоросли, взятые в месте отлова; периодически доставлялись небольшие ракообразные. Несмотря на все меры предосторожности, 5 особей погибли в течение первой недели. Оставшиеся 15, по-видимому, акклиматизировались и охотно поглощали маленьких крабов Grapsidae. Подсветка...» – грифель хрупнул. Док взял новый карандаш, но и он сломался – вывихнутый грифель продрал бумагу. Док прочел написанное: «Серо, сухо, скучно... И потом, с чего я возомнил, что у животного, столь отличного от человека... Вдруг я сам себя обманываю?» В это время средний голос пел тихо-претихо: «Что ищешь, крошечный человечико? Не душу ли свою хочешь найти среди гидроидов и водорослей? Ищешь славы – думаешь прогнать тревогу... А сказать-то тебе нечего... Кто дал тебе право на псевдонаучное красноречие? Почему, например, у Мака нет этих слов-выручалочек?»

А нижний голос пел как за упокой: «Одинок ты! Одинок! Нет тебе ни света, ни тепла. Ну хоть бы кто-нибудь тебя согрел...»

Док выскочил из-за стола, подошел к аквариуму, уставился в подсвеченную воду. Из-за камня выглянул осьминог. Он взмахивал щупальцем, как заправский дирижер, подавая знаки невидимому оркестру: бамс, бамс, вот она идет, эти бедра и колени, бамс, бамс, – раздавалось в голове Дока легким веселым звоном...

Док уронил голову, потер веки – в темноте заплескали разноцветные разводы. Потом встал и отправился за пивом.

7. Не верь началу, а верь концу

При всем своем хорошем, можно сказать дружеском расположении к Фауне, Джозеф-Мария частенько подумывал, что не очень-то пристало женщине владеть «Медвежьим стягом» – солидным, доходным заведением. Ладно бы управительница, а то ведь хозяйка) Что-что, а уж доход должен стекаться к мужчине, думал Джозеф-Мария. Стоит женщине дорваться до денег, как у нее расстраивается психика, – хочешь остаться здоровой, держись от денег подальше. Баба при деньгах – это уже не женщина, но еще и не мужчина. Она больше не дорожит женственностью, а ведь женственность – самое ценное ее качество!

Джозеф-Мария смекал, как бы освободить Фауну от тяжелой ответственности владения капиталом. Вот если бы ему стать хозяином, а Фауне управительницей – сразу бы

установилось желанное, естественное равновесие. До сих пор Фауна удачно избегала его покровительства, однако Джозеф-Мария от своих замыслов не отказывался – глядишь, еще представится удобный случай.

Хороший финансист, просматривая таблицу курсов акций, обращает внимание не только на свои акции, – он еще на всякий случай примечает, как дела у других. Вот так и Джозеф-Мария поглядывал: как там соседка? Собственные его дела шли отлично, отчего бы не раскинуть вокруг благосклонно-хищным оком?.. Сюзи еще не успела отдать вещи с дороги в стирку, а Джозеф-Мария уже знал, какое пополнение в «Медвежьем стяге», и радовался: наконец-то Фауна дала промашку.

– Слышал я, – сказал он, зайдя к Фауне в гости, – у тебя появилась новенькая. Смотри, наплачешься с ней...

– Да уж, чует мое сердце, – вздохнула Фауна.

– Зачем же было ее принимать?

– Видишь ли, – сказала Фауна, – иногда я ошибаюсь нарочно. Конечно, для меня она плохое приобретение, но зато после моей выучки будет из нее кому-нибудь хорошая жена.

– Да ведь она тебя как дурочку провела, – попробовал поддеть Патрон.

– Ну и ладно, не все же в умных ходить, – отвечала Фауна. – Что вообще человек о жизни знает, если хоть раз в дураках не побывал? Вот помню, поехала я миссионершей в Южную Америку...

– В Южную Америку? Зачем?

– Ну, это сразу не объяснишь...

– И что же ты там делала?

– Учила туземцев любить ближнего.

– А они?

– А они меня учили, как выделывать человеческие головы.

– Вот дикари! – с пафосом произнес Патрон.

– Какие же они дикари? Просто хорошие, честные ребята, охотники за головами. Если покупаешь голову у них, так это стоящий товар, без обмана. Правда, всегда найдется какой-нибудь шустрый малый, вроде этого... Ата-ту-лагу-лу. Это, я тебе скажу, прирожденный был жулик. Повадился обезьяньи головы выдавать за человечьи. Побреет получше, ну и, понятно, сушит не так долго, чтоб слишком сильно не съезжались. А люди что... люди все купят...

– Это точно, – согласился Патрон.

– Занесло к нам на беду епископа, – продолжала Фауна. – Ох уж он меня честил, что я эти головы покупала!..

– Ты? Покупала?!

– Ну да. У меня до сих пор в дровяном сарае их целый ящик... Так вот, меня за дуру считали, однако потом все окупилось...

– Это как же?

– А вот посуди сам. У меня в племени все люди были честные и головы продавали настоящие. Появляется на рынке партия голов. А этот жулик, Ата-ту, берет и подбрасывает туда парочку обезьяньих. Что получается? Люди перестают друг другу верить! На настоящую голову смотрят, как на фальшивку. Вот я и скупала у него эти головы, чтобы на рынок не попадали. Там, где я миссионерша, все должно быть по-честному!..

– Но он, наверное, дорого за них брал?..

– Да уж, дороже, чем за настоящие. Знал шельма, что все равно куплю.

– Тут бы любой не растерялся...

– Зато скоро все честь по чести стало... Случится покупать голову в племени Чунгла, не сомневайся – настоящая!

– Он что, больше не подделывает?

Фауна выдвинула ящик стола и извлекла нечто – примерно с лимон размером, круглое, гладкое, как полированное черное дерево.

– Увы... – вздохнула Фауна. – Красивая, правда?

Патрон поспешно отвернулся.

– Вообще-то мне пора домой. У меня племянник в лавке один.

– Как он поживает, все трубит?

– Не говори, вконец меня извел. Недавно купил новую трубу! Не знаю, куда и прятаться. Говорю, иди упражняйся на берегу. Пускай морские львы да прибой поубавят тебе громкости. Так что, ты думаешь, он выкинул? Дал сигнал прохождения военному буксиру! Они до сих пор ищут, что за корабль мимо них проплыл... А вчера ночью, знаешь, что опять отколол? Упражнялся на берегу, да и давай трубить в канализацию. Хотел, говорит, резинанс получить. Не знаю, какой там резинанс, но что в каждом унитазе заиграло «Пушки к бою» – это точно. Одной старушке как раз клизму ставили; что у них сделалось – сказать страшно... Так что я пойду. Этот мальчишка как дунет высокую ноту – стекла того гляди лопнут...

– Ты уж нас не забывай, заходи почаще, – сказала Фауна.

– А ты попомни насчет Сюзи.

– Ладно, ладно...

Как ни странно, люди не любят делать покупок у себя под носом. Сигареты в магазинчике напротив – лучше тех, что продаются в первом этаже вашего дома. Питомицы Фауны даже не подходили к сигаретному автомату в «Медвежьем стяге» – за теми же «Счастливыми» или «Утренними» они отправлялись к Патрону... Вот и получалось, что за день чуть ли не каждый житель Консервного Ряда успевал побывать чуть ли не всюду.

Только Джозеф-Мария вернулся от Фауны, в лавку вошла Сюзи... Конечно, Джозеф-Мария не лучший образчик славного творения Господня, но где нужно навскидку оценить женщину – тут ему равных нет. Если его собственное сердце не затронуто, мнение его окажется верным на все сто процентов... Сюзи разменяла деньги, опустила монету в автомат, нажала на кнопку «Счастливые», – за этот короткий срок и она, и Джозеф-Мария успели переглянуться и оценить друг друга.

Сюзи: «Хитрый, скользкий, злой. Улыбается, а глаза как у змеи. Будет что-нибудь предлагать – не бери; у него во всем расчет. Когда-нибудь сам споткнется о собственную хитрость...»

Патрон: «Совершенно не годится для заведения. С характером. Не станет соблюдать правила игры. Может забить мяч в свои ворота. Ко всем с душой. Втюрится в какого-нибудь парня – про все на свете забудет».

Будь его воля, Патрон не мешкая бы уволил Сюзи из «Медвежьего стяга». По опыту он знал, что только себялюбцы не опасны. Их легко приручить: они играют по правилам, все их поступки можно вычислить. А вот если у человека теплится в душе любовь к ближнему, так и жди от него неприятных неожиданностей... Да, сгруппила Фауна, ничего не скажешь...

Джозеф-Мария еще раз оценивающе оглядел Сюзи (будто подержанную машину покупал). Хорошая фигура. Красивые ноги. Задница, правда, маловата, и грудь слишком полная. Дурной знак: у хорошей шлюхи грудь обычно плоская. Лицо у Сюзи довольно симпатичное – если она, конечно, в настроении. Все чувства сразу проступают на лице; если ей хорошо, то лицо светлое... У шлюхи должна быть маска на все случаи жизни; личико смазливое, но не примечательное – наутро не вспомнить. А вот Сюзи так легко не забудешь! И что самое в ней плохое – для нее середины не существует: все у нее или «да», или «нет».

Одним словом, славный себе сделала Фауна подарочек!

Какахуэте, племянник Патрона, стирал пыль с полок. Он дружески улыбнулся Сюзи, сверкнул золотым зубом.

Сюзи просияла и улыбнулась в ответ, улыбнулась по своему, по-особенному. Дрогнули, поползли в стороны полные губы; глаза словно распахнулись, и что-то теплое и вместе робкое проглянуло оттуда. Да, тяжелый случай, еще раз подумал Патрон. Прикрывается она бойкостью, но и бойкость-то у нее не та, что нужно – не жалкая, не заученная. Отчаянная, простая душа. Пойдет за парнем, в карман к нему не посмотрит. От таких, как она, мужчине больше неудобств, чем удовольствия. И чем-то – непонятно чем – она здорово напоминает Дока. Нужно еще раз предупредить Фауну: с этой девчонкой хлопот не оберешься. Гнать ее в три шеи из «Медвежьего стяга»! Таково было окончательное, квалифицированное мнение Патрона. (С врачом советуются о болезнях, с Джозефом-Марией – о женщинах; правда, ни тот, ни другой от ошибок не застрахованы.)

Джозеф-Мария успел обдумать и вынести приговор за какие-то мгновения, пока Сюзи распечатывала сигареты и закуривала.

– Как дела? – спросил Джозеф-Мария.

– Нормально, – сказала Сюзи. – Фауна просила блокнот. И пару карандашей – мягких.

Патрон выложил товар на прилавок.

– За месяцы – шестой блокнот! И что это она все пишет?

– Гороскопы.

– Ну и как ты думаешь, есть от них польза?

– Вряд ли. Зато и вреда нет.

– Один мой знакомый на гороскопах неплохо зарабатывал, – сказал Патрон.

– Фауна денег не берет.

– Знаю. Только вот почему не берет? Вроде бы женщина неглупая...

– Да уж не глупее некоторых, – сказала Сюзи.

Тут вошел Док с двумя пустыми пивными бутылками.

– Будь добр, со льда еще парочку, – попросил он.

Сюзи глянула на Дока: интересно, что он такое? – и тут же отвела глаза, смущенная видом его лохматой бороды: она никогда не пялилась на человека, если у него что-нибудь не так.

– Отчего ты сам не держишь лед? – спросил Патрон. – Брал бы тогда по целому ящику пива...

– Нет уж, держи ты. Так рациональнее, – отвечал Док.

– Ты знаком с Сюзи? Она новенькая в «Медвежьем стяге».

– Здравствуйте, рад познакомиться, – сказал Док.

– Здравствуйте, – произнесла Сюзи, выговаривая все слоги (обычно она бросала скороговоркой «здрасте»).

Когда Док ушел, Патрон сказал:

– Видала? Это у нас человек особенный!

– Чувствуется...

– Он такие штуки знает, что мы с тобой и не слыхивали! – Как всякий житель Консервного Ряда, Патрон бросился защищать Дока.

– Он что, немного с приветом?

– Сама ты с приветом. Просто он так разговаривает – не умеет по-другому.

– Чувствуется... – опять сказала Сюзи.

– Знаешь, чем он занимается? Ловит медуз и головоастиков – и продает!

– Да кому же они нужны?

– Не волнуйся, на всякий товар покупатель найдется.

– Ну-ну. А другие почему не додумались медуз продавать?

– Ты думаешь, все так просто? Надо знать, кого ловить, да как обрабатывать.

– А зачем ему эта борода? У меня был знакомый борец, тоже бороду носил.

– Не знаю. А борцу зачем борода?

– Чтоб грознее казаться.

– Может, и Док тоже?.. Хотя нет, зачем ему грозность напускать... У нас в армии, – вспомнил вдруг Патрон, – бороду носить не разрешали. Будешь выделяться – не уживешься в казарме.

– То-то и оно, – сказала Сюзи. – Я не против, чтоб мужчина выделялся. Только чтобы не очень.

– Женщина должна приспособливаться! – наставительно сказал Патрон. – Что-то я совсем с тобой заболтался. Работа стоит.

– Ты мексиканец? –спросила Сюзи.

– Американец. Папаша, тот был мексиканец.

– А разговаривать по-ихнему умеешь?

– Ну, умею.

– Вулли ву?

– Нет, это не по-нашему.

– Ладно, пока, – сказала Сюзи. Дверь с жалюзийной сеткой захлопнулась за ней.

«А она ничего, – подумал Патрон. – Хотя будь моя воля, я бм ее выставил из „Медвежьего стяга“.

Сюзи прошла пустынной улицей к парадному входу «Медвежьего стяга», поднялась на крыльцо. Тут она обернулась, ей почудилось – кто-то на нее смотрит. Она не видела, что Док наблюдает за ней из окна Западной биологической.

8. Великая крокетная война

У залива на высоком взморье расположились бок о бок два города – Монтерей и Пасифик-Гров. Похожего в них только и есть, что стоят они в одной местности. Монтерей основали в незапамятные времена чужаки – индейцы да испанцы. Рос город нечинно, самотеком, дома в нем и те торчат как попало. Иное дело Пасифик-Гров – город-убежище суровых духомыслов Моисеевых. Возник он хоть недавно, в 80-е годы прошлого века, зато сразу отлился в готовую форму, со всеми законами, моральными нормами и обычаями. Один из городских законов запрещает сделки, предметом коих служат крепкие напитки. Оттого в аптеках нарасхват тонизирующие средства на спирту. Другим законом предписывается опускать шторы после захода солнца, а раньше не полагается. Не дозволяется гонять на велосипедах. В запрете воскресные походы на пляж и лодочные катанья. Есть еще одно преступление: для него не существует статьи, но почитается оно серьезным, – это буйные пирушки. Надо, впрочем, признать, что большинство законов блюдетсся теперь не столь усердно. Препней стены между городом-убежищем и миром нет.

Раз за свою историю Пасифик-Грову случилось попасть в беду, беду нешуточную. События таковы. Среди первого населения города-убежища оказалось немало стариков. Бежать им было не от кого и не от чего, а просто вот захотелось поселиться на старости лет именно здесь. Старики были ворчуны, от безделья совали всюду нос и скоро порядком всем надоели. Чтоб занять их, городской филантроп по имени Димс подарил городу две площадки для игры в рок.

Рок – сложный вид крокета. Воротца в нем узкие, молотки на укороченной ручке; а играют из-за боковых линий, на манер бильярда. Игра весьма трудна и, как говорят, воспитывает бойцовские качества характера.

Малый спорт, подобно большому, немислим без соперничества и наград. Каждый год в Пасифик-Грове разыгрывался кубок. Казалось бы, какие могут быть особенные страсти вокруг

крокета? К тому же если большинству игроков перевалило за семьдесят... Ан нет!

В городе были две команды. Спортивный костюм стариков состоял из ермолки и полосатой куртки, цвет которых в одной команде голубой, а в другой зеленый. Так они и назывались: голубые и зеленые.

За каких-нибудь два года жизнь в городе совершенно исказилась. Началось все с того, что соперники, упражнявшиеся бок о бок, перестали друг с другом разговаривать. Их неприязни последовали домашние: домочадцы голубых не водились отныне с домочадцами зеленых. Но семьями игроков дело не ограничилось, очень скоро весь город являл собой два враждебных лагеря. И вот уже мамы зеленых барышень изо всех сил старались отвести голубых женихов; тем же отвечали голубые. Спустя немного времени, вражда проникла и в область политики: голубому во сне бы не приснилось проголосовать за зеленого. Потом и церковь раскололась: во время службы голубые и зеленые сидели по разные стороны от прохода; собирались даже строить две отдельные церкви.

Понятно, что пуще всего вражда разгоралась в пору кубковых матчей. Для стычки было довольно косога взгляда. Тон задавали сами престарелые спортсмены. Случалось, после игры двое восьмидесятилетних старичков углублялись в лес и дрались там смертно... Изобрели даже специальные тайные языки, чтобы враг не понимал разговоров...

Такой жгучей была эта распря, что забеспокоились окружные власти. Еще бы. Одному голубому спалили дом. Вскоре в лесу нашли зеленого, насмерть забитого крокетными молотками. Молоток для игры в рок невелик, да увесист – оружие хоть куда. Старики привешивали молотки на кожаном ремешке к запястью, как боевые топоры, и нигде с ними не расставались. Враги обвиняли друг друга во всевозможных преступлениях, включая те, которые им были не под силу по причине преклонных лет. Голубые перестали ходить в магазины зеленых. Город сделался не город, а черт знает что!

Общий благодетель, мистер Димс, был славный старикан. Прежде, до Пасифик-Грова, он покуривал опиум. Оттого весь век был здоров, покоен и на старости лет не знал туберкулезом и давлений. Благодетель, он был еще и философ. Увидев, что сотворилось в городе по его милости, он опечалился, а позже утрастился. «Теперь я понимаю, что чувствует Бог», – говорил он друзьям.

Близилось тридцатое июля, начало очередного кубка. Обстановка так накалилась, что горожане ходили с револьверами. Голубая и зеленая ребятня затевала между собой жестокие драки. Раз уж чувствуешь то, что чувствует Бог, рассудил мистер Димс, то и поступать надо под стать Богу. Слишком много в городе насилия.

В ночь на тридцатое июля мистер Димс нанял бульдозер. Наутро на месте крокетных площадок зияла огромная ямища с неровными краями. Будь у Димса времени побольше, он завершил бы дело потопом – устроил бы озеро...

Димсу пришлось бежать из города. Хорошо, что он не попался в руки сограждан, – а то бы его непременно обмазали дегтем и вываляли в птичьих перьях. Он укрылся от их гнева в Монтерее: зажил там преспокойно, покуривая свой опиум...

Из года в год тридцатого июля жители Пасифик-Грова устраивают символическое сожжение мистера Димса. Это настоящее праздничное действо. Снаряжают похожее чучело и долго носят его по улицам, а потом вешают на сосне. И, наконец, сжигают; люди шествуют под ним с факелами; и каждый год бедный мистер Димс уходит в дым-с...

«Сказки!»-скажете вы. Сказка-ложь, да в ней намек...

9. Дураком родился... президентом помрешь

Поверхностному наблюдателю могло показаться, что Консервный Ряд состоит из обособленных мирков, существующих независимо друг от друга. Кафе «Ла Ида», лавка Джозефа-Марии (все еще известная как лавка Ли Чонга), «Медвежий стяг», Королевская ночлежка, Западная биологическая лаборатория, – казалось бы, какая между ними связь? На самом деле их связывает множество незримых уз, – тронь одного – ополчатся все. И если у кого-то горе, то слезы льются тоже у всех...

Самым уважаемым, самым любимым человеком в Консервном Ряду был Док. Он умел врачевать не только телесные, но и душевные раны. Ради друзей он готов был поступиться своей порядочностью и нередко оказывался пособником мелких правонарушений. Наконец, он всегда позволял выманить у себя доллар-другой. Стоит ли удивляться, что докову беду все восприняли как свою собственную?

Что это была за беда, Док и сам не ведал. Он лишь чувствовал, что глубоко несчастлив. Выстроив в ряд карандаши, часами просиживал над желтым блокнотом. В иные дни писал – и зачеркивал, и опять писал – стремительно наполнялась мусорная корзинка; в другие дни не мог выжать из себя ни строчки. Подходил к аквариуму, смотрел в прозрачную воду. И снова напускались на него голоса. «Пиши» – яростно приказывал верхний голос; «Ищи!» – громко пел средний; а нижний жалобно вздыхал: «Одинок ты! Одинок!» Док не хотел сдаваться без борьбы: воскресил все старые Амуры; купался в волнах музыки; читал «Страдания молодого Вертера», но все напрасно – голоса не смолкали. Желтые страницы, окликавшие взгляд, сделались алыми недругами... Один за другим умирали в аквариуме осьминоги... Все трудней становилось обманывать себя отговоркой, что нет-де хорошего микроскопа. Когда скончался последний осьминог, Док ухватился за новую отговорку. «Понимаете, – объяснил он друзьям, я не могу работать без подопытных организмов. А где их взять раньше весенних приливов? Вот будет с чем работать, да новый микроскоп – тогда монография сразу сдвинется с места...»

Друзья чужали его боль, проникались ею. Друзья понимали: скоро настанет время, когда нужно будет что-то предпринять.

И вот в Королевской ночлежке случилось маленькое собрание – именно случилось, потому что никто его не созывал и не говорил речей.

Посреди комнаты необъятно восседала Могучая Ида. «Медвежий стяг» представляли Агнесса, Мейбл и Бекки. Присутствовали все ребята во главе с Маком... Разговор – как всякий серьезный разговор – повелся издалека.

– Вчера, – сообщил Элен, – Ида вышвырнула пьяного из кафе. Растянула себе плечо.

– Да, старость не радость, – мрачно отозвалась Ида.

– Он на нее первый напал. Зато потом летел – через тротуар прямо на мостовую. Вот бы устроить чемпионат по самообороне. Наша Ида всех бы победила!

– До сих пор плечо болит, – пожаловалась Ида.

Друзья пока что избегали главного.

– Как там Фауна поживает? – спросил Мак.

– Хорошо, – ответила Агнесса. – Чудит помаленьку.

– Да уж, чудить она любит, – подтвердила Бекки, осторожно счищавшая лак с ногтей. – Учит нас столовому этикету. Вынет сорок разных вилок, и давай спрашивать, для чего они нужны...

– Как для чего? Для еды! – сказал Элен.

– Эх ты, невежда, – сказала Бекки. – Тебе что десертная вилка, что навозные вилы...

– А предохранительная вилка, знаешь для чего? – воинственно спросил Элен.

– Для чего?

– Дерни, тогда узнаешь! Тоже мне, умная нашлась...

– У Дока все по-старому? – спросила Могучая Ида.

– Ага, – вздохнул Мак. – Был я вчера у него... Давайте подумаем, как ему помочь.

Все задумались... Да, трудно Доку – трудно и верным его друзьям. Еще бы, пошатнулся их кумир. Прежде все удавалось Доку легко – не оттого ли, что не замахивался он ни на что большое? И хотя по-прежнему сильна любовь друзей, примешивается к ней легкое презрение. Великим слабостей не прощают! Люди, боготворившие Дока, возвысились в собственных глазах, потому что бог оказался обычным человеком...

– С какой стороны подступиться, ума не приложу, – сказал Мак.

– А пускай Фауна ему по звездам погадает, – предложил вдруг Элен. – Сейчас она мне гадает.

– Тебе? – удивился Мак. – Как же можно гадать человеку, для которого не существует будущего?

– Почему это – не существует? – обиделся Элен. – Нет, правда, давайте Фауну позовем на подмогу.

– Давайте, – сказал Мак, слегка оживившись. – Это хоть какая-то надежда. Эдди, раскопай-ка бочонок из военных запасов. А ты, Элен, позови Фауну к нашему столу. И пускай захватит свою астрологию...

– Может, она мне уже погадала... – сказал Элен.

Фауна, к немалому своему огорчению, сама не слишком верила, что звездам есть до нас дело; однако утешалась тем, что в это верят другие. Астрология давала ей отличную возможность подсказывать людям, как жить, а уж как кому жить – лучше Фауны не знал никто.

Впрочем, иногда Фауне – несмотря на скрытый скептицизм – становилось не по себе от какого-нибудь гороскопа. Гороскоп Элена поверг ее в ужас и изумление. Может, лучше сжечь эти бумажки и никому не рассказывать?

Фауна с Эленом проследовала в Ночлежку. Мак налил Фауне из бочонка – гостья выпила залпом, не выходя из задумчивости...

– Ну как, ты мне погадала? – с волнением спросил Элен.

Фауна взглянула на него скорбно:

– Лучше не спрашивай...

– Почему? Там что-нибудь плохое?

– Не то слово.

– Ладно, говори, я ничего не боюсь.

– Я уж и так, и этак проверяла... – Фауна вздохнула. – Ты день рождения, случайно, не перепутал?

– Нет, не перепутал.

– Тогда никакой ошибки. – Фауна устало оглядел собравшихся. – По звездам выходит, что Элен станет президентом Соединенных Штатов.

Наступило потрясенное молчание.

– Не верю! – сказал наконец Мак.

– Не хочу быть президентом! – молвил Элен со всей искренностью.

– Хоти не хоти, а звездам виднее, – сказала Фауна. – Поедешь в Вашингтон.

– Не хочу, я там никого не знаю!

– Давайте тогда и мы куда-нибудь поедем, – предложил Уайти II. – Я знаю островки в Тихом океане – заглядение. Может, туда и махнем? Кстати, это подмандатная территория Штатов! Слышь, Элен, твои острова-то!

– Не надо мне никаких островов!

– Может, лучше его убить? – спросил Мак.

– Нельзя, – сказала Фауна. – В гороскопе этого нет. Он проживет до семидесяти восьми лет и помрет от тухлой устрицы.

– Не люблю устриц!

– Ничего, в Вашингтоне полюбишь.

– А может, это все-таки ошибка? – спросил Мак.

– Если бы. Знаешь, сколько раз я проверяла! Нет, ничего тут не попишешь, быть Элену президентом.

– А может, оно и ничего? – раздался одинокий голос Эдди. – Мы ведь еще и не таких президентов видели...

– А нельзя мне пойти отказаться? – Элен был в отчаянии. – Нельзя? Тогда я спрячусь!

– Бесплезно, – мрачно покачала головой Фауна. – Хочешь, проверим еще раз, но надежды никакой. Сколько у тебя на ногах пальцев? Ведь девять?

– Не знаю.

– Посчитай!

Элен снял ботинки, зашевелил губами. Потом объявил горько:

– Ага, девять.

– Вот видишь, и в гороскопе так написано. Так что остается молить бога, чтобы все хорошо обошлось.

– Тут уж моли не моли, хорошего не дождешься, – сказал Уайти II. – Ну Фауна, ну астрология! Сделала из придурка президента. Лучше бы помогла Доку книжку написать...

– Это кто придурок? – грозно спросил Элен.

– Уильям Генри Гаррисон, девятый президент.

– А... – сказал Элен. – Тогда ладно.

– Что же нам делать с Доком? Он стал совсем на себя не похожий! – заверещала Агнесса своим хриплым сопрано. – Я принесла ему пинту виски, он ни разу и не приложился. Сидит, смотрит на свои желтые бумажки. А знаете, что он на них нарисовал?

– Головастики?.. – предположил Уайти I.

– Нет, хуже. Неприличную картинку!

– Фу ты напугал, – сказал Мак. – Может, он наоборот, на поправку пошел. Так что там за картинка?

– Представляете, – Агнесса понизила голос, – нарисована женщина, совсем голая. А рядом с ней осьминог курит трубку! Нет, раньше Док таких картинок не рисовал!..

Могучая Ида очнулась – словно гора ожила – и сказала:

– А ведь какой раньше был легкий, веселый! Прямо как порча на него нашла. Будь это не Док, а кто другой, я бы сразу подумала, что здесь баба замешана. Да нет! Сроду еще Док от баб не плакал!..

– Зато они от него плакали, – ввернул Мак.

– А может, и правда, дело в какой-нибудь девчонке? – спросила Фауна, подбочась. – Может, водит его какая-нибудь за нос?

– Нет, – сказал Элен, – у него больше на болезнь похоже. Придешь к нему, а он молчит. Скажешь – не слышит... Скорей бы он выздоравливал.

– Давайте ему подбросим парочку девиц, – предложил Уайти II. – Глядишь, и оживет.

– Знаете, – сказал Мак, – хоть и не верю я в эти звезды, пусть-ка Фауна ему погадает. Авось в гороскопе найдем что-нибудь дельное...

– Все вы не верите, только просите, погадай, – проворчала Фауна. – Что мне, больше всех надо?.. Так когда у Дока день рождения?

Ко всеобщему удивлению, выяснилось, что никто не помнит.

– Вроде бы осенью... – неуверенно сказал Эдди.

– Мне не вроде, мне надо точно знать, – сказала Фауна. – Мак, может, ты у него спросишь?

– Ладно. Слушай, Фауна, ты это... не особо на звезды смотри, прибавь там от себя что надо.

– А что надо?

– Ну, чтоб бросил писать свою чертову книжку. Да зажил по-старому...

– А что плохого, пускай он ее напишет, – сказал Элен. – Раз уж хочется.

– Давайте по-честному, – сказал Мак и почесал живот. – Конечно, ему хочется эту книжку написать, день и ночь над ней страдает. Только знаете, что я думаю? Никогда он ее не напишет!

– Это почему?! – Элен аж с места привскочил.

– Знаете, есть такие люди, их врачи называют «предрасположенные к страданиям»? Они страдают всегда и везде. А почему? Потому что на самом деле им страдать нравится! Так и наш Док. Ему не книжку хочется написать, а пострадать.

– Выходит, он сам себя мучает? – удивился Уайти I. – Зачем?

– Сейчас объясню. Слыхали такое слово – «замена»?

– Это у футболистов, что ли? – спросил Эдди.

– Сам ты футболист, – сказал Мак. – «Замена» – это когда человеку чего-то недостает и он пытается восполнить чем-то еще. Сам того не зная.

– Врешь! – грозно вскричал Элен. – Док все на свете знает.

– Спокойно, – сказал Мак, – конечно, знает. Он и про книжку знает. Знает, что книжка – еще не самый главный вопрос! Потому и не может ее написать! Quod erat demonstrandum.

– Чего, чего? – не поняла Фауна.

– Ч. т. д. – что и требовалось доказать.

– Ах, да, – сказала Фауна. – Твоя правда...

10. В стене, нас окружающей, есть лаз, нас вопрошающий

Док сделал кое-какую перестановку: теперь стол стоял у окна. Док строчил по желтой бумаге: «Изменение цвета, по-видимому, является не только следствием усиленного притока жидкостей к поверхности, но также следствием коробления тканей, которое вызывает преломление световых лучей, создавая тем самым впечатление цвета».

Где-то хлопнула дверь. Док бросил взгляд в окно: по тропинке от дверей Королевской ночлежки вразвалку шла Фауна.

Док снова склонился над столом, но тут на улице послышались шаги. Так, а теперь кто? Оказывается, это Могучая Ида идет к себе в кафе. Вот открылась двери лавки и показался Джозеф-Мария. Он перешел через дороту, поднялся на крыльцо Западной биологической и постучал.

– Войдите, – крикнул Док (в голосе звучало облегчение).

– Вот, решил заглянуть. А то у меня оркестр над головой репетирует. Свихнуться можно.

– Вообще-то я занят, – не очень уверенно сказал Док.

Джозеф-Мария осмотрел комнату.

– Зачем тебе змеи?

– Продавать.

Док выглянул в окно.

– Да кто их купит? – сказал Джозеф-Мария. – Что ты там увидел? – Он по-гусиному вытянул шею в сторону окна. – Так это же новенькая, та самая, из «Медвежьего стяга». Ох, Фауна с ней и наплачется!..

– С кем? – рассеянно спросил Док.

– Ты что, не слышишь?

– Мне надо работать... – вяло сказал Док.

– Знаешь, – неожиданно сказал Патрон, – а я все равно не верю!

– Ты о чем?

– Не верю, что в шахматах нельзя сжульничать.

– Нельзя! Извини, мне пора.

– Постой, куда спешишь?

– Отлив скоро...

Док брел берегом моря. Белые от пены волны лезли на песок, нет-нет да и обдавали ноги. Впереди катили кулички. Золотое солнце уходило все дальше в простор на запад; на ниточке горизонта непрочно замерла шхуна.

Слева белели круглые песчаные дюны, за ними вставали сосны – темные, словно хранившие днем частицу ночи.

«Итак, при стимуляции у них учащается пульс, точь-в-точь как у человека в момент эмоционального или физического напряжения. Возможно, выделяется адреналин. Но как это доказать? Теперь до самых весенних приливов не найти подопытных организмов...» – думал Док.

«Веришь ли ты сам во все это? Ты разучился смеяться над собой. Ты в плену у своего самомнения», – наговаривал средний голос.

«Одинок ты! Никому ничего не даешь, ни от кого не берешь... Никто не согреет твою душу! Нет у тебя дорогого человека!» – надсаживался где-то в самом нутре нижний голос.

Больше всего на свете Док хотел вернуться к старой жизни – так взрослые порой хотят вернуться в детство, забывая о том, что и детям бывает горько. Док присел на корточки и, согнув ладонь совком, вырыл ямку в сыром песке. Ямка быстро наполнялась водой, песчаные края таяли. Из-под пальцев пустился наутек песчаный крабик.

Сзади раздался голос:

– Чего ты ищешь?

– Ничего, – буркнул Док, не оборачиваясь.

– Тут нет моллюсков.

– Знаю, – бросил Док. Верхний голос запел: «Хочу быть один. Надоели разговоры, объяснения, споры. Не желаю слушать. Сейчас мне выдадут какую-нибудь доморощенную океанологическую теорию. Лучше не оборачиваться».

– В море столько металла! – сказал голос сзади. – Магнием из одной кубической мили можно было бы вымостить всю страну. – «Везет мне на чокнутых, – подумал Док. – Магнитом, что ли, их ко мне тянет?»

– Я ясновидец, – сказал голос сзади.

Не вставая, Док стремительно обернулся, в нем закипала злость:

– Очень приятно! Я тоже ясновидец. А двум ясновидцам в одном месте тесно! – сроду он еще не был так невежлив с незнакомым человеком.

Незнакомец был крупный бородатый мужчина с живыми и ясными глазами здорового смышленного ребенка. Одет в драный комбинезон и выцветшую голубую рубашу. Ноги босы. На голове соломенная шляпа с двумя порядочными дырами в полях – явно, прежним ее хозяином была лошадь какого-нибудь фермера.

Доку стало занято.

– Я имею обыкновение приглашать заходящих людей отобедать со мной, – сказал ясновидец. – Конечно, в этом я не оригинал. То же делал Гарун-аль-Рашид. Пойдемте...

Док поднялся с корточек, в подколеньях покалывало как иголочками. Рядом с маленьким Доком ясновидец высился подобно башне. Глаза у него и впрямь как у смышленного, жизнерадостного ребенка; зато лицо словно из гранита высечено – такие лица были у пророков и патриархов; так же, наверное, выглядели святые, думал Док. Из обтрепанных рукавов голубой рубашки торчали руки – узловатые, как виноградная лоза; ладони одеты коричневым панцирем мозолей, иссечены порезами ракушек. В левой руке ясновидец держал дряхлые кеды. Видя, что Док смотрит на них, он сказал:

– Я их надеваю, когда захожу в море, – ракушки очень острые, приходится защищать ногу.

– Гаруна, – сказал Док, невольно смягчаясь, – посещали джинны, а также духи земли, огня и воды. Вас тоже навещают джинны? – и тут же подумал: «Господи, ну зачем я ввязался в этот дурацкий разговор? Надо поскорее сматываться, пока еще можно».

Ясновидец посмотрел сверху вниз в лицо Доку.

– Я живу один, – сказал он просто. – Живу на вольном воздухе. Ночью лежишь: волны плещут, сучья сосновые над головой чудно так чернеют... Конечно, от всего этого – от звуков, от тишины, от разноцветья и одиночества – у меня бывают видения. Да и у кого бы их не было...

– Но ведь вы в них не верите? – Док ожидал услышать в ответ «нет».

– По-моему, – отвечал ясновидец, – вера тут ни при чем. Вы видели, как солнце садится в океан? Какое оно делается плоское, как причудливо меняет очертанья? Неужели вы себе напоминаете, что это иллюзия, вызванная атмосферной пылью и преломлением света в воде?.. Наверное, просто наслаждаетесь красотой. А у вас не бывает видений?

– Нет.

– А когда вы слушаете музыку, разве вам не являются какие-то образы, воспоминания?

– Ну, это совсем другое дело...

– Не вижу разницы, – сказал ясновидец. – Прошу вас, обед готов.

Среди дюн, в местах, где искривленные ветром сосны сдерживают ползучий песок, образуются небольшие глубокие ложбины. В одной из таких ложбинок, в какой-нибудь сотне ярдов от берега, и жил ясновидец. Крохотная долинка была защищена от ветра. Сверху нависали сосновые сучья; душистая хвоя густо устилала песок. Над головами, в вершинах деревьев, гулял ветер, а на дне маленькой чаши было тихо и уютно; под корявыми ветвями постоянно царил полумрак. Сосны выжили лишь потому, что все время подлаживались к буйным силам стихии: росли кривыми да коренастыми, вытягивали по ветру руки-сучья, опекали стелющиеся растеньица, которые замедляют ход дюн. Под соснами горел костер, на плоских накаленных камнях, служивших плитой, в закопченных дочерна консервных банках дымилось какое-то варево.

– Рад вас приветствовать в своем доме, – сказал ясновидец. – Нас ждет чудесный обед.

Из развилки сосны он вынул большую жестянку, извлек из нее батон белого хлеба, отрезал два толстых ломтя. Потом из мокрой корзинки достал несколько морских ежей, расколол их о камень, положил на хлеб их гонады.

– Самцы сладкие, самки кислые. Я их смешиваю.

– Да, я их пробовал. – сказал Док, – Этот продукт очень богат белком. Итальянцы их едят. Говорят, они содержат вещества, усиливающие половое чувство.

Есть люди, которых никаким умным трепом не собьешь. Ясновидец был непобедимо прост.

– Теперь, – промолвил он, – попробуем вареных моллюсков. У меня есть булавка, чтоб удобней подцеплять. А морскую капусту вы любите? У нее изысканный вкус. Еще у меня есть сборная похлебка – нечто вроде буйабес. Не буду говорить из чего – догадайтесь сами.

– Я вижу, вы добываете всю пищу из моря?

– Нет, не всю. Хорошо бы, конечно... Жить было бы тогда проще. Я полностью получаю из моря свой белок, но увы, мой грешный желудок не может без крахмала. Я ем немного хлеба и картофеля. К морской пище хорошо чтонибудь кислое – у меня есть уксус и лимоны. Балуюсь и пряными травами – розмарином, тимьяном, шалфеем, душицей...

– А как же сахара? – спросил Док. – Ведь в море их нет?..

Ясновидец потупился и несколько времени наблюдал за черным муравьем, который тщетно пытался преодолеть песчаный завал – песок осыпался у него из-под лапок. Наконец выговорил тихо:

– Я краду в магазине леденцы, – чувствовалось, что ему очень стыдно. – Ничего не могу с собой поделаться...

– Плоть немощна...

– Это меня не волнует. Аппетит – вещь хорошая. Чем больше у человека желаний, тем он богаче. Но я ненавижу воровство. Меня учили, что воровать грех. Как стащу леденец, чуть не плачу от стыда. Все удовольствие пропадает. А я так люблю леденцы «Ребьячья нежность»...

Они ели моллюсков, подцепляя их из раковин булавками и окуная в лимонный сок; потом

похлебку – месиво из мидий, моллюсков, крабов и мелкой рыбешки, приправленное чесноком и розмарином. («Не всем это нравится», – сказал ясновидец.)

Поев, Док улегся на ковер из сосновых игл, закинул руки за голову. Ему было хорошо и покойно. Чистый воздух, мягкая сосновая подстилка... Густой запах хвои, водорослей и матэ... Пение ветра в кронах сосен... К Доку вернулся прежний душевный лад.

– Удивляюсь, – сказал он лениво. – Отчего вас до сих пор не посадят? Мы живем в такое время, что всех, кто не бегают, не суетится, считают опасными. Ну а если человек к тому же не верит, что близится конец света, это уж и вовсе подозрительно.

– Близится-то он близится, – сказал ясновидец. С первого дня творенья...

– Нет, правда, отчего вы до сих пор не за решеткой? Подумать только, человек счастлив без житейского хлама! В нашей стране это преступление.

– А меня и сажали – несколько раз. Кроме того, время от времени меня берут на обследование.

– Ах да, – сказал Док. – Вы ведь сумасшедший?..

– По-видимому, – сказал ясновидец. – Но я не опасный сумасшедший. А с леденцами меня ни разу не поймали! Я ворую ловко. И никогда не беру больше одного.

– Только не вздумайте собирать вокруг себя учеников, – посоветовал Док. – А то вас распнут как миленького.

– О, это мне вряд ли грозит. Я никого ничему не учу.

– Вот в этом я не уверен, – сказал Док. – Беда нашего проклятого времени в том, что хочешь не хочешь, а ввязываешься в жизнь общества. Может, вы и не проповедуете никаких антиобщественных идей. Зато ваше житие почище всяких проповедей.

– Просто я лентяй, – сказал ясновидец. – Вы когда нибудь пробовали парагвайский чай матэ?

– Нет.

– Сейчас попробуете. Он крепок и ароматен. От него немного слабит. Вы не возражаете, если я вам его подам в пивной бутылке?

– Ничуть.

– Пожалуйста. Осторожно, бутылка горячая. Прихватите прутиком.

Немного погодя ясновидец спросил:

– Что все-таки вас гложет? Или вы не хотите об этом говорить?

– Эх, кабы я сам знал... – вздохнул Док. – По правде говоря, сейчас отлегло, не пойму отчего.

– А-а, понятно, – сказал ясновидец. – Вы мне вот что скажите: есть у вас жена, дети?

– Нет.

– А хотите, чтоб были?

– Не знаю. Наверное, нет.

– Знаете, – слазал вдруг ясновидец, – вчера ночью я видел русалку. Если помните, в небе стоял полумесяц, все окутывала легкая дымка. Ночь была не простая – черно-серо-белая, – ночь была цветная! У берега в одном месте есть подводный выступ. Отлив был сильный, вода с него сошла, и обнажилось каменное ложе, выстланное мягкими водорослями. Ну вот, подплыла туда русалка, забила хвостом, как семга на пороге, и взлетела на ложе из водорослей, и давай выгибать свои чудные белые руки как будто танцует! Долго я смотрел... Потом вода стала прибывать...

– Она вам, верно, приснилась? Или возникла в вашем воображении?

– Не знаю. Но если я смог такое вообразить, то это прекрасно! Все-таки скажите, чего вы хотите от жизни?

– Как бы это получше выразить... Я хотел бы все, что перевидал, передумал, все, что узнал, – сжать, связать воедино, очистить от постороннего сора, оставив одну нагую суть, чтобы мне наконец явился смысл вещей. Пока же у меня это не выходит...

– Может, вы к этому не готовы? А может, вам нужна помощь?

– Помощь?

– Есть вещи, которые человек не может делать один. Я бы, например, не отважился ни на что такое большое без... – он примолк.

Волны тяжело бились о берег; облако, превратившееся в лучах заходящего солнца в слиток червонного золота, медленно уплывало к востоку...

– Без чего? – спросил Док.

– Без любви, – ответил ясновидец. – Извините, но я вынужден вас покинуть. Мне надо на берег. Кажется, солнце дошло до того места, откуда дальше без меня опускаться не может. – Он поднялся, отряхивая сосновые иголки со своих потрепанных одежд.

– Я к вам еще наведаюсь, хорошо?

– Боюсь, вы меня не застанете, – сказал ясновидец. – Во мне живет беспокойство. Скорей всего, вы меня не застанете.

Док посмотрел ему вслед: ясновидец вскарабкался на край дюны; ветер вздернул поля соломенной шляпы – солнце высветило лицо и позолотило бороду.

11. Тяжкие думы Элена

Мак отправился к Доку узнавать день его рождения (кстати, Дока он не застал); другие тоже разошлись по делам. В Ночлежке остался один Элен: он сидел задумавшись в кресле-качалке. Лишь теперь начал он постигать своим неповоротливым умом суть речей Мака: Док не сможет написать книгу! Разумеется, мысль, что Док уже не прежний великий Док, все более овладевавшая жителями Консервного Ряда, была недоступна Элену; он только понимал – с Доком какая-то беда. Испытывать к Доку дружеское презрение он не мог – Док оставался для него величайшим из людей. Если бы у Элена спросили, когда конец света, – он отправил бы за ответом к Доку... Вот почему дума его была не о слабости Дока, а о

предательстве друзей, которые усомнились... посмели усомниться в таком человеке!

Элен стукнул кулаком по подлокотнику, вскочил и пошел в заведение Могучей Иды. За стойкой стоял Эдди Элен скоренько пропустил два виски, а заплатил как за одну кока-колу...

Пройдя между двумя корпусами консервного завода, он очутился на берегу моря. Тут его сочувственное внимание привлекла чайка с перебитым крылом. Он погнался за ней – хотел помочь, – а она поплыла в море и утонула.

Док в беде! Для Элена это было вроде землетрясения; но кто же потрясатель?

Элен брел вдоль прибрежных скал, пока не вышел на пляж Пасифик-Грова. Коричневые от загара юноши стояли на руках перед восторженными девушками; Элен не обратил никакого внимания на эту акробатику. Он поднялся по дороге в город и осмотрел весь нижний этаж универсального магазина Холмана. Заведующий этажом сопровождал его неотступно – право, такой чести удостаивались немногие посетители. Элен был так задумчив, что даже не остановился у любимой витрины с блестящим слесарным инструментом...

Еще бы, разве можно, вырвав у человека почву из-под ног, ожидать, что он поведет себя нормально? На обратном пути Элен проходил мимо похоронного бюро; как раз собирались кого-то хоронить. В другую пору Элен с великой охотой присоединился бы к процессии. Теперь он смотрел равнодушно, как выносят все новые и новые венки – и ни малейшего участия не пробуждалось в душе его... Покойник мог проститься с мыслью, что Элен почтит присутствием его пышные похороны...

В Новом Монтерее Элен, вместо того чтоб обойти дерущихся собак, проложил дорогу прямо сквозь свору.

Все вышеописанные поступки немало бы обеспокоили его друзей, но если б друзья узнали его мысли, то попросту бы уstraшились.

Мыслить – вообще не просто. Для Элена же это был сущий подвиг. Разрозненные образы, обрывки воспоминаний, отдельные слова, осколки фраз толклись беспомощно у него в голове. Ни дать ни взять автомобильная пробка на бойком перекрестке; машины фырчат, сигналият, а Элен стоит посерединке, размахивает руками – направо, налево, прямо – куда там, не разъехаться...

Добравшись до Консервного Ряда, Элен не пошел в Королевскую ночлежку, а улегся под черным кипарисом на пустыре, улегся по старой памяти: прежде, до Ночлежки, он много лет жил под этим деревом...

Мысли Элена не отличались сложностью. Спасибо, что они вообще были!.. Элен любил Дока. У Дока какая-то беда. Кто же виноват? То, что виноваты могли быть обстоятельства, а не люди, было выше понимания Элена. Надо спасать Дока, пускай даже для этого понадобится убить того, кто портит ему жизнь. Лишить человека живота Элен бы не убоился – до этих пор он никого не убил только потому, что не было нужды и соответствующего настроения... Что там говорили про доково несчастье? Ничего конкретного, все растекается. Хотя стоп. Мак сказал, что Доку ни за что не написать книжку. Вот оно! Неужто Мак? Раз Мак так в этом уверен, значит, он и навредил? Да, как ни грустно, все сходилось на Маке. Мака Элен тоже любил, поэтому подумал: может, еще сговоримся по-доброму, не придется убивать?..

Под кипарисом становилось темно, так темно, что уж и читать нельзя (Элен всегда судил о свете по тому, можно ли читать, хотя книжек и в руки не брал). Зажегся фонарь над парадным входом в «Медвежий стяг». У Дока света не было. С холма, из окон Королевской ночлежки, лился тусклый свет керосиновой лампы... Снова и снова Элен пробовал вернуться к сладкому бездумью, да не тут то было. В голове неотвязно вертелось: «Мак виноват. Пускай

все исправляет!»

Элен встал, отряхнулся от кипарисовых чешуек и направился домой. Он прошел вдоль ржавых труб, пересек колею железки, вот и родная тропка. Издалека, приглушенные корпусами консервного завода, долетали звуки трубы Какахуэте. Мальчишка играл «Шторм на море», и морские львы у Китайского мыса вторили ему лаем.

В Ночлежке всю шла игра в крестики-нолики. Играли на полу. Поблизости, чтоб далеко не ходить, стоял кувшин с вином.

– Вот и Элен, – сказал Мак. – Причаливай.

– Мак, – грустно сказал Элен, – пойдём выйдем...

– Что-что? – не понял Мак.

– А то, что ты сейчас огребешь!

– За что?

Этого вопроса Элен боялся больше всего. Как бы половчее ответить?

– Пойдем, там узнаешь.

– Элен, детка, что с тобой?– спросил Мак с ласковым участием. – Скажи, может, я чем помогу.

Элен почувствовал, как улетучивается его решимость.

– Что ты сделал с Доком?! – заорал он иступленно. – Кого хочешь, а Дока не тронь!!!

– А что я сделал?– удивился Мак. – Ничего я не сделал. Ну, разве раскрутил на доллар-другой, так ведь мы все из него деньги тянем. Помнится, и ты как-то раз...

– Зачем сказал, что ему не написать книжку?!

– Так ты об этом?

– А то о чем. Ишь как ты сразу забоялся!..

– Ладно, забоялся, забоялся, – облегченно сказал Мак. – Другой раз не забоюсь... Сядь отдохни. Отпей глоток из кувшина...

Все бросились приголубливать Элена. Он расчувствовался и чуть не плакал. Но все равно не мог забыть о несчастном Доке.

– Вы должны ему помочь, – твердил он. – Вы же знаете, как он мается. Помогите ему!

– Понимаешь, не в нас тут дело, – сказал Мак. – Вся беда в том, что он дал сомнению, аки червь, угнездиться в душе своей.

– Вот-вот, золотые слова, – подтвердил Уайти II.

– Отговорки, – мрачно сказал Элен. – Надо что-то делать...

Мак подумал, подумал, потом сказал:

– Ребята, а ведь Элен прав. Какие мы эгоисты! Самому лучшему другу не хотим помочь. Стыд! Спасибо, Элен – открыл глаза... Если б случилась беда со мной, хотел бы я, чтоб Элен

был рядом. Советчик из него, может, и никудышный, зато он настоящий друг, никогда не предаст!

Элен в растерянности склонил голову набок. За свою жизнь он слышал так мало похвал...

– Вношу предложение, – продолжал тем временем Мак. – Встанем и выпьем за здоровье Элена – благородной души!

И все друзья – Мак, Эдди, Уайти I и Уайти II – встали и обступили Элена, и каждый по очереди выпил за него, лихо отставив локоть. Всем стало так хорошо, что захотелось еще... На третий раз Элен не выдержал:

– А нельзя... за что-нибудь такое выпить, чтоб и мне с вами?

– За Пасифик-Гров! – радостно провозгласил Эдди. Лед был сломан. Всех охватило благорасположение.

Пришлось почать очередной бочонок из погребов Эдди.

Эдди вынул пробку, чутко принюхался.

– Как же, как же, помню... Я сюда слил из абсентовой бутылки, мексиканцы не допили...

– Аромат-то, аромат, – сказал Мак. – Аж на всю комнату...

Чувство было такое, будто вернулись старые добрые времена. Вот если б еще Гай был здесь! Выпьем за старину Гая, за ушедшего друга!

Абсент, смягчивший вкус смеси, сообщил ему вместе с тем что-то невыразимо сладостное и старинное. И в обитателей Ночлежки словно вселился дух старинного джентльменства. «Только после вас», – говорили они друг другу прикладываясь ко вновь наполняемому кувшину.

– Вот будут у нас деньги, пойдем к Уолворту, купим наконец стаканы! – сказал Мак.

– Какие к черту стаканы! Мы же их перекокаем, – сказал Уайти II. – Но мне нравится твоя мысль!

Все вдруг осознали, что наступил один из тех моментов, когда история словно приостанавливается, выбирая, каким путем двигаться дальше. Осознали, что будут вспоминать эту ночь как начало новой эпохи. В такие минуты людей тянет к ораторству.

Мак утвердился, прислонясь к плите, и постучал по вытяжке – тише, мол!

– Джентльмены! Давайте поклянемся вытащить Дока из бездны отчаяния, в которой он пребывает...

– Помнится, как-то раз мы уже хотели сделать ему добро... – осторожно сказал Эдди. – Помните, как за лягушками ездили?..

Но Мак был безмятежен:

– Где нам было тогда – молодо-зелено. А теперь мы все продумаем – чтоб не оплошать!

Элен пребывал в умилении – вернулись старые дружные времена! – и речь его стала счастливо-бессвязной.

– За Пасифик-Гров, – уже в который раз повторял он.

Мак откинул дверцу плиты и сел на нее.

– Долго я думал, – оказал он, – все последние дни только и думаю...

– Ну, конечно, на что ты еще способен, – сказал Уайти II.

– Есть у меня одна идея... – продолжал Мак, не обращая на него внимания.

– Не мешай, дубина, – сказал Эдди.

– Это ты кому? – спросил Уайти II.

– Так, никому, – невинно отвечал Эдди, – но коль уж ты отозвался...

– Есть у меня одна идея... если вы, конечно, в состоянии воспринимать, – важно сказал Мак.

– Предупреждаю, она может прийти к вам не по нутру. Все же обдумайте ее серьезно, поменьше эмоций... По-моему, Доку нужна жена...

– Что?! – вскричали все разом.

– Ну, жениться-то не обязательно, – поспешно поправился Мак, – сами понимаете...

Если бы не абсент, размягчивший ребят, быть бы Маку битым!

– Прошу не перебивать, – возвысил голос Мак. – Взглянем на проблему брака в масштабах страны. Почему у нас столько разводов? Да потому, что мужики выбирают себе жен сами! Вот и женятся на ком попало.

– По-моему, безопасней вообще не жениться, – сказал Уайти II.

– Что делать, не все могут удержаться от этого шага, – сказал Мак. – В общем, обдумайте, утром скажете.

Элен потянул Мака за рукав.

– Ты не шутишь?

– Нет, не шучу.

– А знаешь, что я с тобой сделаю, если с Доком чтонибудь плохое выйдет?

– Да, – сказал Мак, – догадываюсь. И поделом мне тогда...

...Все другие обитатели Королевской ночлежки давно уgomонились, а Элен долго лежал без сна. Его кровать, помимо ножек, имела четыре жидких столбика, покрытых стеганым одеялом на манер балдахина – однажды он увидел такую в кино и потом смастерил по памяти. Элен лежал, глядел на стеганые узоры. Голова шла кругом. Неужели нельзя помочь Доку как-нибудь проще, без этой чертовой женитьбы?.. Он пробрался к двери, выглянул наружу – у Дока в окне горела лампа с зеленым абажуром.

– Бедняга, – прошептал Элен.

Плохо спалось ему в эту ночь; снились ему громадные поганки...

12. Цветок на почве каменистой

Джо Элегант, повар в «Медвежьем стяге», был молод, тощ и бледнолиц. Он носил прямую челку, курил заграничные сигареты, вставляя их в длинный мундштук из слоновой кости, и любил придавать лицу сатирическое выражение. Воздушные пирожные его изготовления не имели равных в мире, так же как и массаж, который он делал девочкам перед субботним нашествием матросов. Джо видели только в завтрак, обед и ужин, остальное время он укрывался в маленькой пристройке, где были кухня и его комната. Заполночь оттуда доносился грохот пишущей машинки.

Как-то утром Сюзи села пить кофе; Джо Элегант вытирал столики.

– Хороший у тебя кофе, – сказала Сюзи.

– Спасибо за комплимент.

– Странно, что ты работаешь в таком заведении...

– Не волнуйтесь, это временное пристанище.

– Слушай, у меня есть отличный рецепт, как готовить гомбо. Хочешь дам?

– По вопросам меню – к Фауне.

– Не очень-то ты приветливый!

– А почему я должен быть приветливым?

Он как раз поравнялся с Сюзи. Сюзи быстро протянула руку, запустила пальцы ему за воротничок, потащила вниз – приблизилось моргающее лицо Джо.

– Ну ты... – начала она, потом опомнилась, разжала пальцы: «Тьфу, черт...»

Джо Элегант поспешно отступил – потирая горло, разглаживая воротничок.

– Прости, пожалуйста, – сказала Сюзи.

– Ладно уж...

– Сам виноват. Почему ты такой злой?

– Сами видите – эта жизнь не для меня...

– Какая ж тебе жизнь нужна?

– Боюсь, вы не поймете.

– Ты что, лучше других?

– Да нет. Просто не такой как все.

– Это уж точно, – усмехнулась Сюзи.

– Я пишу роман.

– Да ну! Про что? Дашь почитать?

– Вряд ли вам понравится.

– Это почему?

- Непонятно будет...
- Зачем же писать, если непонятно?
- Я пишу не для широких масс.
- Ух ты, здорово сказал! Значит, я – массы? Ты, наверное, и пишешь здорово?..

Джо Элегант сглотнул, держась за горло.

- Я вам как-нибудь почитаю отрывки.
- Ладно. Но ты же сказал, я не пойму...
- Ничего, я буду объяснять по ходу дела.
- Хорошо, а то я такая бестолковая...
- Скажите, вы любите шоколадное пирожное с орехами?
- Ага.
- Тогда я испеку. Может, зайдете какнибудь. Чаю попьем...
- Конечно, зайду.
- А ты хороший парень, Джо. Кофейку не осталось?
- Сейчас свежий сварю.

13. Параллельные прямые пересекаются

Док провел бессонную ночь. Голова пухла: желтые блокноты, ясновидцы, осьминоги!.. В другое время он сел бы в бессонье работать, или почитал бы что-нибудь, но теперь, стоит зажечь лампу, – в глаза навязчиво лезут желтый блокнот да строй карандашей...

Когда над заливом занялся рассвет, Док решил: нужно проветриться, совершить длительную прогулку – хотя бы на другой конец полуострова, в Кармел, только не прямой дорогой, а в обход, берегом моря. Он встал, зажег свет (в лаборатории было еще темно), сварил кофе...

Разглядев, что у соседа свет, Могучая Ида поставила в полиэтиленовую сумку бутылку с коричневым напитком без опознавательных знаков, вышла из кафе, пересекла улицу и постучалась к Доку.

- Док, ты не мог бы взять пробу?
- Что это хоть такое? – спросил Док. – Говорят, виски. Мне важно, чтоб никто от него не помер. В Сосновом каньоне делают, предлагают дешево большую партию.
- Но это же против закона...
- А если кто умрет, это по закону?

Вот и выбирай между подпольной торговлей и убийством. Вечно меня втягивают в какие-то аферы, грустно подумал Док. Преступлением это не назовешь, но и хорошим делом тоже.

Он быстро произвел химический анализ:

– Конечно, не яд, но на пользу вряд ли кому пойдет... Есть толика сивушного масла. Но в общем, не намного хуже «Старой тенисовки».

– Вот и спасибо. Чем же мне тебя отблагодарить?

– Ну, пришли как-нибудь бутылочку... только не этого напитка.

– Тогда «Старого портного». Сойдет?

– Слушай, – сказал Док. – Я ведь по твоему лицу вижу – еще что-то хочешь сказать. Так говори, не тяни.

– Док, это правда... что у тебя что-то неладно?

– У меня? С чего ты взяла?

– Да вот, люди говорят.

– Что за бред! У меня все хорошо!.. – сердито сказал Док. – Обхаживают как больного! Ну что, по-твоему, со мной случилось?

– Не знаю, но если понадобится помощь... – только и сказала Ида и поспешно удалилась, нарочно оставив бутылку.

Док взял ее, сделал маленький глоток, скорчил гримасу. Потом отхлебнул побольше. Сердце сердито колотилось. От жалости друзей еще тоскливей на душе. От жалости один шаг до презрения. Док сжал зубы: «Все равно весной поеду в Ла-Джоллу! Все равно куплю новый микроскоп!» А нижний голос шепнул чуть слышно: «Ну хоть бы кто тебя согрел...»

Док сел к столу и, полный злого своеволия, зачем-то написал: «Параллельные прямые пересекаются!» Снова отхлебнул из бутылки и вскрыл вчерашнюю почту. Оклендский политехникум шлет заказ на шесть комплектов препаратов для микроскопа – стадии развития зародыша морской звезды. Слава богу: старая верная работа! Док подхватил ведерки и корзинки, забросил их, вместе с резиновыми сапогами, в свою машину-развалюху и покатил к бухте Большого прилива.

14. Незадачливая среда

Бывают в жизни незадачливые дни. Хорошая стоит погода или плохая, все равно добра не жди. Люди обычно чувствуют приход такого дня; еще только раскрыв один глаз, понимают – сегодня лучше бы и вовсе не вставать. А когда все-таки встают – есть хочется, да и работать надо, предчувствия начинают сбываться. Кофе заваривается скверно, шнурки рвутся в руках, чашки самовольно спрыгивают с полки на пол и бьются вдребезги. Честные по натуре дети начинают врать; примерные дети скручивают краники с газовых горелок и теряют винты – приходится давать взбучку. Кошка в такой день, как нарочно, приносит котят; собака, приученная к выгулу, вдруг мочится на ковер в гостиной...

Жизнь кажется ужасной... Почтальон доставляет ворох просроченных счетов. Если выглянет солнце, то такое яркое, что впору ослепнуть; если день пасмурный – тоже приятного мало...

Еще с утра Мак почувствовал, что среда будет незадачливой. Проснувшись, битый час не мог

отыскать штанов. Направляясь к двери, споткнулся о ящик, который как будто затем и поставили, и долго бранил сонночлежников. Шагая через пустырь, он яростно пинал ногами головки одуванчиков; потом уселся на ржавую трубу у дороги и нахохлился. Спустя короткое время показался Эдди – он спешил на работу, в кафе Иды. Разумеется, Мак пошел вместе с ним, надеясь поднять настроение. Долго отирался у бара, ждал, когда Могучая Ида отойдет – Эдди уже держал для него наготове стаканчик, – но Ида как прилипла к стойке – читала письмо из казенного конверта и ворчала:

– Черт бы их всех подрал! Только дела пойдут в гору, на тебе – налог подскочил... Тебе-то, Мак, хорошо. Не владелец, не рукоделец – никаких забот. Покуда не начнут брать налог за твою собственную кожу – тебе бояться нечего...

– А что, собственно, случилось? – спросил Мак.

– Опять налоги повысили! Городские, да еще окружные...

– Налоги? На что?

– На недвижимость. Вот на этот дом. Все бы ничего, но я собиралась по кредиту за кофеварочную машину заплатить...

Обыкновенно при подобной жалобе Мак отвлеченно бы посочувствовал, радуясь в душе, что сам не обременен налогооблагаемым имуществом. Но тут его словно по голове ударило: Королевская ночлежка!.. Всю обратную дорогу сердце щемило от беспокойства.

Мак улегся на постель и принялся восстанавливать в памяти историю Ночлежки. Значит так. Хозяином был Ли Чонг. Но еще задолго до войны они взяли у него этот сарай в бессрочную аренду, за пять долларов в месяц. Не заплатили ни разу (впрочем, Ли Чонг на плату и не рассчитывал). Потом Ли продал дело Джозефу-Марии. А Ночлежка? Вошла ли она в сделку? Неизвестно. Во всяком случае, если Джозеф-Мария и хозяин, то явно сам этого не знает. Иначе давно бы потребовал плату за жилье. Он ведь не Ли Чонг! Но если Ночлежка и вправду записана за Патроном, то ему скоро тоже пришлют извещение о налогах, как Иде. А раз так, он тут же возьмет за горло жильцов. Не такой он человек, Патрон, чтоб платить деньги, а обратно не получать! Захочет получить, да еще и с процентами!

Какая несправедливость! Все разом очутилось под угрозой – кров, безопасность и – какое-никакое! – общественное положение... Что же теперь будет? А ну как Патрон потребует плату задним числом – за все прошлые годы? С него ведь станется... Ну и денек! Не зная, что делать, Мак решил созвать всех ребят на совет. Даже отправил Элена за Эдди...

Мак долго объяснял, что случилось, пока все – включая Элена – не уразумели, какая грозит беда. Ребята были потрясены и тягостно задумались; они чесали в затылке, качали ногой, смотрели в потолок. А Эдди даже встал и заходил вокруг стула – может быть, так скорей осенит?..

Первое предложение внес Уайти II:

– А что если красть у него почту? Тогда он не получит квиток.

– Это не выход, – сказал Мак. – К тому же кража почты – уголовное преступление.

– А если его убить? – сказал Элен.

– Думаешь, меньше чем за почту дадут? – усмехнулся Мак.

– Надо подстроить как будто несчастный случай, – не унимался Элен. – Будто он свалился со скалы в море...

– Все равно, Ночлежка еще к кому-нибудь перейдет. Где гарантия, что новый хозяин будет лучше Патрона?

Впервые в жизни ребята ощутили на себе всю тяжесть и несправедливость отношений частной собственности.

– Может, попросим Дока замолвить за нас словечко? – предложил Уайти I. – Он Дока уважает.

– Не надо, только лишний раз привлечем внимание, – сказал Мак. – Не дай Бог, прибавит плату!

– Да еще вздумает ее требовать... – добавил Эдди.

Сердце Элена наполнилось острой тоской. Он посмотрел на родные беленые стены Ночлежки, увешанные изображениями прелестных любительниц кока-колы, на древнюю плиту, на высокие напольные часы, на портрет известного боксера Джекса в рамке, – посмотрел и заплакал как ребенок, не стыдясь слез.

– Какая же сволочь этот Джозеф-Мария! – сказал он, всхлипывая. – Мы столько труда вложили в Королевскую ночлежку, а теперь он ее отбирает. Мой дом, мое счастье!..

– Успокойся! – сказал Мак. – Ничего он пока еще не отобрал. Поди, и сам не знает, что хозяин.

– Вот если б хозяином был Док! – вырвалось у Эдди. – Мы б тогда забот не знали...

– Док? – быстро переспросил Мак. – Что это тебе вдруг пришло в голову?

– Как что? Док месяцами в почтовый ящик не заглядывает. Он и квиток налоговый заполнить забудет, и плату с нас не спросит.

Глаза Мака засветились:

– Эдди, а ведь ты, кажется, попал в десятку!

– В какую десятку?

– Надо, конечно, все обмозговать... – сказал Мак, – но знайте, ребята: Эдди у нас – гений!

Эдди аж порозовел от удовольствия.

– А что я такого гениального сделал, Мак?

– Отстань, дай подумать...

– Но должен же я знать, что я сделал такого эдакого?

– Наверное, тебя просто осенило свыше, – сказал Мак. – Давайте-ка пораскинем умом: что за личность Патрон. Как по-вашему, он боязливый?

– Нет, – сказал Элен, – он не трус. И башковитый!

Мак продолжал рассуждать вслух:

– Что такое Патрон? Патрон – это прежде всего мошенник, причем изрядный...

– И одевается шикарно, – вставил невпопад Элен.

– ...а мошеннику незачем иметь врагов – из города в два счета вылететь можно. Так что, хочешь не хочешь, а всех ублажай, со всеми дружбу води...

– Что ты придумал. Мак? Не томи! – Уайти I ерзал от нетерпения.

– Вот что, ребята, – оказал Мак. – Я погожу вам пока говорить. А то вдруг выйдет пшик – сами же потом меня уважать перестанете. Мне нужно толком все обдумать. Ничего, бог даст, перехитрим Патрона. Но, чур, в этом деле все мне помогайте как один!

– Да что делать-то?!

– Идите пока погуляйте. Мак думать будет, – сказал Мак, улегся на постель, заложил руки за голову и принялся изучать стропила Королевской ночлежки.

Элен тихонько подобрался к нему:

– Ты ведь не отдашь наш дом, правда, Мак?

– Не отдам. Даю слово. Где у нас Эдди?

– На работу пошел.

– Тогда можно тебя попросить?

– Да, что?

– Возьми вон ту банку из-под свиного жира и ступай к Эдди. Пусть он потихоньку нацедит пивка, чтоб мне лучше думалось.

– Ладно, будет тебе пиво. Ты только думай, думай!.. Слушай, Мак, а как это выходит, что Эдди гений, а сам не знает, а я вот тоже не знаю, но я не гений?

– Что-что? – не понял Мак.

– Как выходит, что... – начал было Элен. – А-а, фиг с ним.

15. Тяжко в ученье

Фауна была предпринимательница, каких поискать. В былые времена в ее руках приносили доход куда более несуразные заведения, чем «Медвежий стяг». Доверь ей пост председателя правления промышленной корпорации, она бы и там не ударила в грязь лицом – настоящий бизнесмен в юбке. Она была благожелательна, но пальца ей в рот не клади; всегда готова порадеть за общественные интересы, а за свои тем паче; была щедра, когда знала, что за щедрость воздается сторицей; сентиментальна, но в душе тверда как кремь. И как всякий умный работодатель, Фауна пеклась о своих работниках.

Став хозяйкой «Медвежьего стяга», Фауна оборудовала одно из помещений для культурного досуга. Комната, она так и называлась – Комната досуга, была большая, приятная, в три окна, выходящих на пустырь. Меблировку составляли мягкие кресла и кушетки с обивкой в яркий цветочек. Портьеры гармонировали с мебелью; гравюры на стенах действовали умиротворяюще, не поражая воображения: коровы по колению в пруду, олени, пьющие из горного ручья, собаки в луже... Вид мокрых животных почему-то умилителен человеческому глазу... Для активного отдыха Фауна поставила теннисный стол, ломберный столик и столик для игры в триктрак. В общем, в этой комнате можно было расслабиться, почитать,

посплетничать, поиграть – что девочки и делали с успехом...

Одна из стенок была целиком занята стендом, на котором красовались звезды из золотой бумаги, составлявшие особую гордость Фауны. В Комнате досуга всегда царил дух веселый и женственный. Нездешний, восточный аромат шел от курильницы, которую держал в закопченных ладонях гипсовый Будда...

...Было примерно без четверти три. Агнесса, Мейбл и Бекки отдыхали в мягких креслах. Вся природа лениво цепенела в этот час. Пустырь был залит мягким и ясным солнечным светом, в котором даже ржавые трубы и старый бойлер казались прекрасны. Высокие мальвы радостно зеленели. Серая, гладкая персидская кошка лениво охотилась в траве за сусликами – ей было совершенно все равно, удастся ли кого-нибудь сцапать.

Мейбл сказала, поглядев в окно на бойлер:

– Я слышала, раньше в этом бойлере жили?

Агнесса, которая красила ногти на ногах и болтала ногами в воздухе, чтоб лак скорее высох, отвечала:

– Да, ты еще тогда у нас не работала. Были тут такие Мэллой, муж и жена. Поселились в бойлере, обжились. Ходили через топку, у порожка постелили половичок, устроили навес... Забраться внутрь трудновато, зато внутри все чин-чином – самый настоящий дом. Вот что значит жена хозяйка...

– А почему же они уехали? – спросила Бекки.

– Ссориться стали. Она говорит, хочу занавески. А он – на кой тебе занавески, окошек-то нет! Начнут, бывало, ругаться, а там эхо – так и бьет по нервам. Он кричит: «Эх, врезал бы я тебе, да в этой халупе и размахнуться негде!» Сейчас он в окружной тюрьме сидит – скоро освободят досрочно за примерное поведение. Жена его ждет, работает в Салинасе официанткой. Да, славная была пара. Он, между прочим, в каком-то масонстве состоял...

Мейбл отвернулась от окошка:

– А слышали, нынче к нам из Салинаса приезжают мужики? Клуб Гремучей змеи в полном составе. Сняли наше заведение на всю ночь.

– Как же, слышали. У них вечер памяти покойных членов клуба. Фауна сделала им приличную скидку.

Агнесса задрала ногу, подула на пальцы:

– Ну как, красиво?

– Хорошо! – сказала Бекки. – Эффектно смотрится, как будто гнилое мясо... Слушайте, куда у нас Сюзи запропастилась? Фауна ей покажет, как опаздывать. Сказала быть к трем – значит, к трем!.. Нет, девочки, чудное все-таки имя Фауна...

– Раньше-то ее Флорой звали, – сказала Мейбл. – И вообще, что это за слово – Фауна? Что оно хоть значит? Сроду такого не слышала...

– Так называют этих... ну, оленят всяких разных, – объяснила Бекки. – Знаете, я думаю, Сюзи у нас долго не задержится. Странная она какая-то, глаза сумасшедшие. Штатается по городу целый день одна...

– Ого, девочки, уже без двух минут, – сказала Мейбл. – Сюзи лучше поторопиться!

Как только часы пробили три, из своего спального кабинета появилась Фауна. Ее оранжевая грива была схвачена серебристым обручем, что придавало Фауне сходство с небезызвестной общественной деятельницей, недавно опочившей. От всего облика Фауны веяло той изящной непринужденностью, какая рождается лишь в аристократических гостиных и великосветских борделях. Женщина она была полная, но шла легко и проворно. На руке у ней висела большая корзинка.

– Так, а где Сюзи?– спросила она немедленно.

– Не знаю, – пожала плечами Мейбл.

– Ну-ка посмотри, может, она у себя в комнате?

Мейбл пошла за Сюзи.

Фауна оглядела столик для игры в триктрак:

– Опять играли на деньги?

– Да не играли мы... – начала было отнекиваться Бекки.

– А чьи здесь валяются два доллара? Смотрите, чтоб в Комнате досуга – никаких азартных игр. Другое дело, если посетитель желает сыграть с девушкой кон-другой... Да, еще я замечала – очки на кусках сахара – это уж вовсе безобразие! Запомните, азартные игры – большой порок. Знаете, сколько девушек, таких как вы, с видами на будущее, проматывали это самое будущее в карты? Нельзя отдаваться на волю случая!

– Ладно тебе, Фауна... Ты же сама дуешься в покер... – сказала Бекки.

– Покер – особая статья, там надейся не на случай, а на голову. И вообще, – спохватилась Фауна, – что за слово – «дуешься»! Как это грубо! Грубость, если хочешь знать, создает заведению дурную репутацию. – Тут Фауна извлекла из корзины белоснежную скатерку и постелила на столик для триктрака. Потом достала салфетку, тарелку, разных калибров бокалы, серебро.

Вошли Мейбл и Сюзи.

– Попрошу юных леди впредь не опаздывать! – Фауна вытащила из корзины учительскую указку. – Итак, леди, кто желает отвечать первой?

– Я, – сказала Агнесса. – Я хочу.

– Пошла ты на фиг! – вскричала Мейбл. – Тебя и так прошлый раз спрашивали. Сегодня моя очередь!

– Леди, что за выражения! – Фауна посуровела. – А вдруг бы вас услышал какой-нибудь достойный, но застенчивый молодой человек?.. Ладно, давай ты, Мейбл.

Фауна принялась тыкать указкой в разложенные на скатерти столовые предметы, а Мейбл отвечала, словно школьница, декламирующая стихотворение:

– Устричная вилка... вилка для салата... вилка для рыбы... вилка для поджарки... вилка для острых закусок... десертная вилка... супная тарелка... нож для десерта... нож для пикулей... нож для мяса... нож для рыбы...

– Хорошо, – похвалила Фауна. – А это?

– Бокал для воды... для белого вина... для кларета... для бургундского... для портвейна...

для бренди...

– Умница! А теперь скажи, с какой стороны не надо ставить салат?

– С левой, а то залезешь рукавом в мясную подливку.

– Вот молодец так молодец! – Фауна была просто растрогана. – Не удивлюсь, если скоро здесь засияет звездочка Мейбл, – Фауна указала на стену.

– А что это за звездочки? – спросила Сюзи.

– Каждая новая звезда означает, что воспитанница «Медвежьего стяга» вступила в законный брак, – гордо объяснила Фауна. – И притом сделала хорошую партию! Вон у той первой звездочки уже четверо ребят, муж у ней управляющий на заводе. Вон та, третья от конца – за президентом Салинасского клуба смелых и умелых, изображала Весну на Празднике деревьев... А следующая за ней – еще лучше; состоит в Общественном комитете по морали, поет альтом в церкви... Да, высоко залетели мои птички... Ну-ка, Сюзи, теперь ты.

– Что я?

– Скажи, для чего предназначен этот столовый предмет?

– Вот эта чудная вилка?

– Да.

– Кто ж его знает...

– А ты соберись с мыслями, подумай, что можно есть этой вилкой?

– Так, – сказала Сюзи задумчиво. – Картошки ей много не подденешь... Может, она для пикулей?..

– Нет. Это вилка для моллюсков!

– Фу! – Сюзи аж передернулась, – Я моллюсков не то что вилкой... Я на них и смотреть-то не могу!

– Какая некультуренность! – презрительно сказала Агнесса.

– Сама ты... Сама ты это слово!

– Вот-вот, лишний раз подтверждаешь.

– Слушай, ты... – Сюзи вскочила с места.

– Немедленно прекратите! – возвысила голос Фауна. – А то обеим надаю по заднице!.. Так, теперь займемся осанкой и походкой. Где у нас книжки?

– Небось, Джо Элегант опять забрал читать.

– Да что там читать? – изумилась Фауна. – Я ведь нарочно выбирала всякую дрянь, чтоб никто не польстился. «Журнал скотовода», да «Гражданский кодекс Калифорнии», да еще какой-то вшивый роман из современных... Ладно, обойдемся корзинкой. Ну-ка, Агнесса, корзину на голову! – Фауна придирчиво осмотрела ученицу. И так, леди, послушайте. То, что ноги вместе и бедра напоказ – это еще не осанка. Осанка – это состояние души! У женщины могут быть бедра как ведра, но держаться надо так, словно у тебя стопка книг на голове.

В дверь постучали – проснулся Джо Элегант и вручил Фауне записку. Она прочла, заулыбалась:

– Вот ведь какой этот Мак. Небось, и пакость сделает, а все равно на него не сердишься. Неотразимый мужчина, одно слово – джентльмен.

– Что он там натворил? – спросила Агнесса.

– Пока вроде ничего... Вы только послушайте, каков слог: «Мак с ребятами имеют честь просить Вас пожаловать завтра после полудня в гости – на стаканчик винца и для важного разговору. Приглашаются также девочки. R. S. V. P. [3]. Мог бы просто крикнуть под окошком, так нет же – «имеет честь просить пожаловать»! Ей-богу, настоящий джентльмен, – Фауна вздохнула. – Жалко, что бродяга, а то бы я какую-нибудь из вас непременно за него сосватала... Значит так. Завтра у Мака в гостях поменьше болтайте, побольше слушайте. Интересно, что это за важный разговор? Очень может быть, что они просто хотят выманить у нас денег. Так что не умничайте, за всех буду думать и говорить я.

Вдруг Фауна стукнула себя рукой в лоб:

– Господи, чуть не забыла! Джо Элегант испек торт. Верней, не торт, а тортище. Ступай, Сюзи, отнеси его Доку, да еще прихвати четыре банки холодного пива. А то совсем что-то наш Док захандрил...

– Ладно, – сказала Сюзи. – А живот от пива с тортом у него не вспучит?

– Это уж не твоя забота, – оказала Фауна.

Сюзи ушла.

– С какой радостью я бы поставила золотую звездочку и этой девчонке! Все равно нам от нее никакого проку.

16. Цветочки св. Мака Монтерейского [4]

Док выложил на полку десять крупных морских звезд, поставил на столе в ряд восемь лабораторных чашек из прозрачного стекла, наполнил их морской водой до половины. Не слишком склонный к порядку в житейском смысле, Док был педант в лабораторной работе. Приготавливать срезы зародыша морской звезды казалось ему теперь сущим удовольствием. Известная, сто раз деланная работа. Никаких дум. Полная определенность. Череду знакомых явлений. За такой работой отдыхаешь...

Прежний покой вернулся к Доку: на душе был штиль, – легкие ветерки, что срывались порой, не нарушали его. Стихли муки творчества: не стыло сердце в первооткрывательском сиротстве. Тихонько играла пластинка Баха – старые верные фуги, четкие, как уравнения... Работая, Док все больше исполнялся благорасположения. Он снова любил себя – как человека, как личность, как всякую живую душу. Чувство неудовлетворенности, часто отравляющее человеческую жизнь и столь сильно мучившее его прежде, отступило. Верхний голос пел успокоенно и чинно; средний, обыкновенно хриплый и громкий, был едва слышен – ворчал, бормотал, но что – не разобрать. А нижний – тот и вовсе молчал, словно убаюканный теплыми, ласковыми волнами...

Вдруг гремучие змеи забеспокоились в своей проволочной клетке: подняли головы, заводили в воздухе раздвоенными язычками – и все четыре дружно застрочили гремушками. Теперь уж

и Док слышал шаги, оторвался от работы. Дверь открылась, вошел Мак.

– Это, наверно, новые змеи, ко мне еще не привыкли, – оказал он, посмотрев на клетку.

– Сам виноват, редко заходишь, – сказал Док.

– Да не очень-то меня здесь в последнее время привечали...

– Прости, старина, я был не в духе. Постараюсь исправиться.

– Ну как твои осьминоги? Будешь еще ими заниматься?

– Пока не знаю.

– Лучше б не надо. А то они тебя совсем замучали.

– Что ты, – рассмеялся Док, – осьминоги тут ни при чем. Просто я отвык думать – вот и мучаюсь.

– Бери пример с меня, я и не привыкал, – сказал Мак.

– Позволь-позволь, – сказал Док. – По-моему, ты думаешь не меньше моего; ты, правда, посвятил свой ум проблемам более микроскопического ранга...

– Как-как? Что-то я таких не знаю. Скажи лучше, что ты думаешь о Патроне, только чур по-честному.

– Что тут думать. Не понимаю я его. Мы с ним очень разные люди.

– Еще бы, – сказал Мак. – Ты честный, не то что он.

– Это ты как специалист утверждаешь? – усмехнулся Док.

– Что за намеки? – обиделся Мак. – Положа руку на сердце, разве я не честный человек? То есть, может, и не честный, но зато по-честному признаюсь! Всем известно, что я – обманщик, и мне первому. Джозеф – тоже обманщик, а сам, поди, не знает...

– Хм, может, ты и прав.

– Так я вот что хотел спросить. Как, по-твоему, понравится Патрону, если у него будут кой-какие неприятности?

– Кому же это понравится.

– Он ведь на Консервном Ряду большой интерес имеет. И со всеми должен ладить, если, конечно, хочет у нас задержаться. Верно я говорю?

– Не пойму, куда ты клонишь?

– Так, просто рассуждаю.

– Ты хочешь сказать, что положение у Патрона – щекотливое?

– Вот-вот. И ему, стало быть, не нужны враги!

– Ну, враги, по-моему, никому не нужны. А ему особенно! Ведь у него здесь дело, да еще лавка. Так что...

– А-а! – сказал Док. – Теперь я понимаю! Ты решил Патрона слегка распатронить, и

прикидываешь, какая у него будет реакция. Так что же ты собрался у него вымогать?

– Ничего, я просто... соображаю.

– Как же, знаем твои соображения. Раз Мак в затылке чешет – добра не жди.

– Ладно, можно подумать, от меня много зла видели... – обиделся Мак.

– Насчет зла не знаю, а вот добра – точно видели мало.

Мак беспокойно заерзал: не о себе пришел он толковать.

– Слышал, Док, новость? Весь монтерейский гольф-клуб перед первым матчем сезона присягу принимал. Уайти II взяли на этот матч клюшки носить. Все игроки шапки снимали и поклялись, что не будут заниматься подрывной деятельностью...

– Слава те господи, – усмехнулся Док, – а то я уж волновался... Ну, а клюшечники тоже присягу принимали?

– А как же. Все до одного. Кроме Уайти! Отказался! Я, говорит, человек идеи. Вдруг у меня возникнет идея подорвать Капитолий? Что же мне, становиться клятвопреступником?.. Так его теперь к клюшкам и близко не подпускают.

– Я не пойму, он в самом деле хочет Капитолий взорвать?

– Да вроде нет. Он как говорит: сейчас не хочу, а потом – кто меня знает. Целую речь толкнул. Я, говорит, морская пехота, спаситель отечества – при своем особом убеждении. Указчиков над собой не потерплю.

Доку стало смешно:

– Выходит, если есть убеждения, то даже клюшки нельзя носить?

– Выходит, нельзя. Ему говорят – ты угроза общественной безопасности. А он им: какая я к черту угроза, у меня память насквозь дырявая – обидчика не упомню. А вообще, надоел ему этот чертов гольф-клуб, разговоры там больно скучные – все про деньги, да про женщин...

– Можешь его утешить: герои всегда страдают от своих сородичей.

– Кстати, о женщинах. Куда делась та богатая краля в мехах? Она ведь раньше частенько к тебе навевалась...

– Да понимаешь, что-то ей последнее время нездоровится.

– Жалко. А что у нее за болезнь?

– Трудно сказать. Не берусь ставить диагноз.

– Вообще-то, с ее деньгами, – пробормотал Мак, – этого следовало ожидать...

– Постой, при чем тут деньги?

– Как при чем? – Мак подивился доковой непонятливости. – Допустим, муж у женщины получает двадцать пять долларов в неделю. Так она здоровехонька. И ребятишки на ней, и домашняя работа – все ей нипочем, разве что подустанет иногда... Но стоит мужу получить прибавку к жалованью, долларов хотя бы в двадцать пять, тут же и пойдут у нее простуды, аспирины, витамины...

– Да это прямо-таки новая медицинская теория!

– Какая же она новая? Разуи глаза!.. Слушай дальше. Повысят мужу жалованье до ста долларов в неделю. И что же? Женушка тут же выпишет журнал «Тайм» и вычитает себе какую-нибудь диковинную болезнь, там ведь про это на каждой странице. Есть, между прочим, женщины с такими болезнями, что знаменитые доктора только руками разводят! Сейчас самая модная болезнь – аллергия. По-нашему, по-простому, раньше ее сенной лихорадкой звали. Кстати, гениальная голова эту самую аллергию придумала – я бы сразу патент выдал! Как захочешь от работы отвильнуть, сразу говоришь: у меня на эту работу аллергия. У некоторых женщин аллергия на грязную посуду – чтоб не мыть... В общем, так скажу: стоит мужчине прилично зарабатывать, тут же дома лазарет...

– Мак, ты циник.

– Почему? Я правду говорю. Покажи мне хоть одну женщину, у которой муж хорошо зарабатывает, и чтоб она была здоровая...

Док хмыкнул.

– Значит, вот какой диагноз ты моей подруге поставил.

– Не знаю, не знаю, – сказал Мак. – У нее особый случай. Тут ведь не просто деньги. Тут большие деньги! А раз так, то и болезнь надо не как у всех, а какую-нибудь непонятную. Таковую, что одной английской солью не отделаешься. Пойдет она, милая, по докторам. Обступят они ее, в затылках почешут, руками разведут – мол, первый такой случай в нашей практике...

– Ну, спасибо, Мак, потешил, – Док смеялся от души. – Давно не слышал я твоих речей...

– Скажи уж, не слушал. Ладно. А вот как ты думаешь: доктора, они люди честные?

– Что за странный вопрос?

– А то, что я не хуже их мог бы богачек лечить!

– Это как же?

– А вот так. Во-первых, я нанимаю себе ассистента, глухонемого. Работа у него важная: сиди, помалкивай с умным видом. Во-вторых, покупаю бутылку горькой соли, развожу и разливаю в маленькие флакончики с притертой пробкой. Получается шикарное лекарство под названием... допустим, «Лунная пыль». За каждую чайную ложку я бы брал по тридцать долларов, – принимать внутрь у меня в кабинете. А еще я бы придумал специальный аппарат-кресло с разными блестящими трубочками и с разноцветными лампами. Сажает туда женщину, пристегиваешь ремни, включаешь – и начинает ее в этом кресле вихлять!.. Полчаса – двенадцать долларов. А вихляет ее так, как она сама бы могла – если б, скажем, дома белье стирала. Вот бы я всех богачек и вылечил. И сам бы, глядишь, разбогател... Они, конечно, через неделю снова какую-нибудь хворь найдут, но и я к тому времени что-нибудь новенькое выдумаю. Скажем, пилюли – смесь снотворного с возбуждающим, чтоб ни туда и ни сюда!..

– Слава богу, что у тебя нет врачебного диплома, – сказал Док.

– Это почему?

– Действительно, почему? – удивился вдруг сам Док, не находя аргументов. – Постой, а как насчет профилактики заболеваний?

– Как сделать, чтоб они не болели?

– Вот-вот.

– Да очень просто. Не приноси домой ни гроша.

Док помолчал, посмотрел на морских звезд – между лучами проступала семенная жидкость.

– Слушай, Мак. Тебе, наверное, от меня что-нибудь надо, раз пришел?..

– Вроде нет. Может, и было надо, да я уж забыл. Я главное рад, что у тебя все прошло.

– Что прошло?

– Ну, эта... восьминожья болезнь.

– Рад, говоришь! – рассердился Док. – Так знай же – все равно будет по-моему! Книжку – умру, а напишу! Мне бы только в Ла-Джоллу добраться, к весенним приливам!

– Хорошо, хорошо, – испуганно проговорил Мак. – Пусть будет по-твоему.

Вернувшись в Королевскую ночлежку, Мак сказал ребятам:

– Эх, показалось мне поначалу, что дело на поправку пошло. А потом... – Мак махнул рукой. – В общем, нельзя ему писать эту чертову книжку...

17. Окрутила!

Поступь у Сюзи была легкая. Сюзи взошла на крыльцо Западной биологической и постучала, – а змеи даже не застрочили трещотками.

– Войдите! – крикнул Док, не отрываясь от микроскопа.

Сюзи стояла в дверях, на ладони тарелка с диковинным, красивым тортом, в другой руке – бумажный пакет с банками пива.

– Добрый вечер, – сказала она церемонно.

Док поднял глаза.

– А-а, здравствуйте. Боже, это еще что?!

– Торт. Джо Элегант испек.

– Зачем?

– Наверное, Фауна велела.

– Что ж, я надеюсь, тебе он будет по вкусу.

Сюзи рассмеялась:

– По-моему, этот торт не для еденья, а для гляденья... Вот еще Фауна пива прислала.

– Это уже лучше, – сказал Док. – Так чего Фауне от меня надо?

– Ничего.

– Странно.

– Куда поставить торт? – спросила Сюзи.

Тут Док посмотрел на Сюзи, а Сюзи на Дока, и обоим в голову пришла одна и та же мысль – а торт-то похож на свадебный! – и они принялись хохотать. У Сюзи аж слезы выступили на глазах. «Ой, мамочка, не могу», повторяла она, всплескивая руками и зажмуриваясь. Док закидывал голову, хохотал раскатисто, шлепал себя по коленкам. И так им было хорошо смеяться, что они нарочно еще долго не унимались.

– Ой, мамочки, – сказала Сюзи, – глаза хоть вытереть. – Она поставила торт на клетку с гремучими змеями – комната наполнилась истошным треском. Сюзи в испуге отскочила в сторону.

– Что это?!

– Гремучие змеи.

– Для чего ты их держишь?

– Беру яд на продажу.

– Ни за что б не стала жить в одной комнате с этими грязными тварями.

– И вовсе они не грязные. Они даже меняют кожу, в отличие от людей.

– Все равно, ненавижу змей, – Сюзи передернулась.

– Ты так говоришь оттого, что их не знаешь.

– И слава богу, что не знаю. Грязные, мерзкие!

Док откинулся на спинку стула, положил ногу на ногу.

– Интересно у тебя получается, – промолвил он. – Змеи – одни из самых чистоплотных животных, а ты их называешь грязными. Почему?

– Сказать почему?

– Сделай милость.

– Потому что ты плохо говоришь о Фауне.

– Постой, – сказал Док. – При чем здесь... Да и не говорил я о ней плохо!

– Говорил. Ты сказал, раз Фауна шлет гостинцы, значит, хочет чего-то. А она просто так, из добрых чувств!

– Ага, понимаю. – Док медленно кивнул. – И ты в отместку называешь змей грязными?

– Угадал. Никому не позволю честить Фауну.

– Да я же просто пошутил.

– Мне так не показалось.

– Слушай, – сказал Док, – мы с Фауной лучшие друзья. Так что давай выпьем пива на

мировую.

– Хорошо, – сказала Сюзи, – только прежде повинись.

– Ладно. Передай Джо Элегант, что торт потрясающий

– Еще бы, смотри, сверху – зефир с шоколадной глазурью.

– А Фауне передай, что если б не ее пиво, я бы погиб от жажды.

– Ну хорошо, коли так. – С лица Сюзи сошло напряженное выражение. – Где открывалка?

– Сзади тебя, в раковине.

Сюзи открыла две банки пива, приблизилась к рабочему столу Дока.

– Что это ты такое делаешь?

– Препараты. Видишь стеклянные чашки? В них я кладу сперматозоиды и яйцеклетки морских звезд. Через полчаса умертвляю зародышей в одной чашке, еще через полчаса – в другой, и так далее. А потом делаю срез; и помещаю вот на такие длинные предметные стеклышки. На каждом стеклышке представлен весь цикл развития зародыша.

Сюзи склонилась над чашками.

– Ничего не видать.

– Конечно. Они слишком крошечные. Могу показать под микроскопом.

Сюзи выпрямилась.

– И зачем ты все это делаешь?

– Для студентов. Им нужно изучать, как развиваются морские звезды.

– А для чего это изучать?

– Видишь ли, люди развиваются фактически так же.

– Ну и изучали бы людей.

Док рассмеялся:

– Тут небольшая загвоздочка – трудновато каждые полчаса убивать человеческого зародыша у матери в утробе... На, взгляни. – Он подвинул стеклянное блюдце под микроскоп.

Сюзи приникла к окулярам.

– Ух ты! Неужели я когда-то такая была?

– Да, что-то в этом роде.

– Знаешь, – улыбнулась Сюзи, – я и сейчас иногда себя такой чувствую... Ну и чудная у тебя работа – личинки, червяки...

– Бывает, между прочим, и почуднее, – не удержался Док.

– На меня намекаешь? – Лицо у Сюзи сделалось черствое. – Работа моя не по нраву?

– По нраву, не по нраву, какая разница. Грустно, правда, что этим заменяют любовь. Неполноценная замена. Неприкаянное существование...

Сюзи подбоченилась.

– Жалеешь? Себя лучше пожалей! Как ты сам-то живешь? Со змеями да с личинками? Дом весь запаршивел. Пол сто лет не мыт. У тебя и костюма-то, поди, приличного нету. И жрешь, небось, одну сухомятку... Работу выискал – личинок разводить. Это, по-твоему, хорошая жизнь?

– Замолчи, – сказал Док, заражаясь злостью Сюзи, – как хочу, так и живу! Я человек свободный – поняла? Что хочу, то и делаю.

– Ну и что у тебя есть, с твоей свободой? Жуки, змеи, да дом загаженный? Не иначе как тебя баба какая-нибудь бросила, – вот ты и маешься, не знаешь, куда себя деть. Ну скажи, есть у тебя жена? Нет! А девушка? Тоже нет!

– На кой мне жена! – Док сам удивился, что кричит. – У меня женщин и так хоть отбавляй!

– Женщины – это одно, а женщина – совсем другое, – сказала Сюзи. – Можно все знать о женщинах вообще и ничего – о той, единственной.

– Ну и не надо. Я и так счастлив.

– Счастлив? – хмыкнула Сюзи. – Рохля! Раз тебя никакая баба к рукам не прибрала, значит, ты никому не нужен. Да и кто захочет жить с тобой в этом хлеву, с червяками да со змеями?

– Сказала бы уж, кто захочет со мной в постель, если у меня платить нечем, – резанул Док.

– Нет, вы только посмотрите, какой умник, – процедила Сюзи. – Умник-разумник. Все-то у него в жизни ладится... Ты вроде бы сочиняешь какую-то великую книжку?

– Откуда ты знаешь?

– Про это все знают. И все у тебя за спиной потешаются. Хочешь знать, почему? Потому что все видят, ты сам себя дурачишь, никакой книжки тебе не написать. Сидишь, играешь в бирюльки...

Пустив эти слова, словно стрелы, Сюзи увидела, как они вонзаются Доку в душу, – и сердце ее наполнилось болью и стыдом.

– Господи, зачем я только это сказала? Ну зачем?

– Что ж, может, и верно, – спокойно проговори Док. – Может, ты ухватила самую суть. Скажи, надо мной и вправду потешаются? Скажи... Как тебя...

– Сюзи.

– Скажи, Сюзи, потешаются?..

– А ты не обращай внимания, они просто дураки, – сказала Сюзи. – И я дура, наболтала всяких глупостей. Ты, пожалуйста, не обижайся.

– Ничего. Правда – это всегда хорошо. Даже когда колется. Человек должен знать о себе всю правду. – И, словно отвечая самому себе на какой-то вопрос: – Да пожалуй, она права. У меня действительно ничего нет за душой. Вот я и выдумал – чтоб заполнить пустоту, – будто пишу книгу. И сам в эту небывальщину поверил. Я ничтожный дурак, а возомнил себя великим мудрецом...

– Ну все, теперь Фауна меня убьет, – простила Сюзю, – отбивную из меня сделает... Док, ты не верь, пожалуйста... мало ли что шлюха наболтает...

– Какая разница? Правда в любых устах хороша.

– Никогда еще себя такой тварью не чувствовала, – сказала Сюзю. – Почему ты на меня не злишься?

– А за что мне злиться? Может, ты доброе дело сделала – положила конец этой ерунде. Раздавила глупость в зародыше.

– Ну, пожалуйста, рассердись на меня, – взмолилась Сюзю. – Ну хочешь, ударь!

Док усмехнулся.

– Если б от этого прок был...

– Что ж, тогда ничего другого не остается, – печально проговорила Сюзю, и тут же с издевкой: – А, значит, гордый! Кем ты себя мнишь? Хлюпик несчастный!

Послышались проворные шаги, дверь отворилась. Это была Бекки:

– Сюзю! Ты опаздываешь. Уже мужики из Салинаса приехали. Пошли живо! Не забудь надеть свое томатовое платье.

– Между прочим, цвет называется «помдамур», – тихо сказала Сюзю. – Пока, Док, – и вышла вместе с Бекки

Док посмотрел ей вслед.

– Пожалуй, это единственный правдивый человек, который мне в жизни попался... – сказал он громко сам себе. Потом нечаянно взглянул на стол и зарычал: – Черт подери! Из-за нее время прошляпил! Вот зараза. Придется все снова переделывать. – И он выплеснул содержимое чашек в помойное ведро.

18. В час досуга

Одним из важных и ценных обычаев, заведенных Фауной в «Медвежьем стяге», был обычай собираться в Комнате досуга перед сном, для отдыха и раздумий. Здесь также разбирали жалобы, улаживали ссоры; все до последней заботы представлялось на общий суд: вместе решали, такова ли печаль, чтоб горевать, такова ли радость, чтобы веселиться. Сообща, с профессиональным тактом выносили друг другу похвалу или порицание, давали мудрые советы. Фауна руководила беседой, возвращая в воспитанницах душевную доброту, которая, как известно, – мать покойного сна. Нередко в Комнату досуга подавались легкие закуски; воспитанницы пели хором различные песни, в зависимости от настроения – «Дом родной», «Бравый Черный Джо», «Страдная пора», а то и что-нибудь из «Прекрасной мельничихи»... Полувахта в Комнате досуга врачевала расстроенные нервы и усталые мышцы.

Вечер памяти покойных членов Клуба Гремучей змеи оказался нелегким для воспитанниц Фауны (не хватало двух девушек: Элен и Уистерия отбывали двухмесячное тюремное наказание за драку, которую между собой учинили и о которой до сих пор с восторгом вспоминает Консервный Ряд). Удалился последний «змей», – парадный вход заперли... Девочки устало прибрегли в Комнату досуга, плюхнулись в кресла, скинули туфли.

– Слышь, подружки, – сказала Бекки. – Один «змея» сказал, что у нас приют благородных девиц и что мы местная достопримечательность.

– Да уж, еще парочка таких, как Сюзи, и у нас точно будет приют, – ядовито заметила Агнесса. – У меня дядя служил в приюте. Работа – не приведи господи. Кстати, где Сюзи?

– Вот она я, – сказала Сюзи, появляясь в дверях. – Пластинки колотые из музыкального автомата вытаскивала... Что-то я устала, прямо с ног долой. Пора на боковую!

– Ты что, с ума сошла? – удивилась Мейбл. – Ведь нам еще Фауна не сказала баиньки. Она тебе такую боковую задаст!..

– Ну и ночка, – вздохнула Бекки. – По-моему, правильно Фауна скостила цену. Шума от них много, аж голова болит, а зачем сюда ходят, они забыли.

– Пока у них свое горячее не вышло, они в рамках держались, – проворчала Мейбл. – А вот когда Могучая Ида им своего нового пойла прислала... Из чего она его только делает, из шила, что ли?

– Помните того коротышку? – спросила Сюзи. – Я думала, его убью, если он еще раз примется рассказывать, как его сынишка червяка лопаткой...

– А, значит, он и тебе рассказывал? «Представляете, мой сопляк, четыре года, разрезал червяка лопаткой и говорит – я лазьезал чилвика...» Нашел, чем удивить. Я понимаю, слона бы разрезал, – тогда б я, может, и послушала...

– А лысый-то, лысый, – вспомнила Мейбл, – у которого жене операцию сделали. Вот это была операция! Наизнанку ее вывернули, прямо какие-то китайские пытки. А что же у ней нашли? Я так и не поняла – он как зарыдает...

– У ней нашли... как это... фиго-аденому, злокачественную, – припомнила Бекки. – Я его нарочно два раза заставила повторить.

– Слушайте, а кто этот Сиг из Мунд, про которого они горланили? –спросила Агнесса.

– Бог его знает, – сказала Бекки. – Сиг, рыба такая есть.

– Есть, я даже как-то раз пробовала, – подтвердила Мейбл. – А ты, Сюзи, брось эту манеру пререкаться с клиентами...

– Тоже мне, клиенты, – фыркнула Сюзи. – Устроили вечер памяти покойников! Да они сами как покойники. Или как резиновые лягушки...

Тут из спальни-кабинета вышла Фауна в персиковом халате (успела переодеться), встала на пороге, втирая в руки крем.

– Вот что, дорогие мои воспитанницы, – начала она серьезно, – вы можете потешаться над членами клуба сколько угодно, но будь вы на месте администрации, то бишь на моем, вы бы только приветствовали таких солидных, почтенных граждан. Если хотите знать, сегодня у нас в гостях было много важных шишек! Я сделала им скидку и, как видите, не прогадала: никакой поломанной мебели. Не то что ваши любезные матросы – после них ремонта на восемьдесят пять долларов! Ну, дал один матросик Бекки пять долларов чаевых, так зато он два окна высадил да удрал вместе с вешалкой из оленьих рогов...

– Господи, как спать-то хочется, – Сюзи зевнула.

– Запомни, Сюзи, – произнесла Фауна сурово, у меня закон: с долгом да со словом недобрым

спать не ложись... – Она почесала нос карандашом. – Побольше бы было членов в этом клубе...

– Покойных, – прибавила Сюзи.

– Вот оно, недоброе слово, – укоризненно сказала Фауна. – Берите пример с птиц небесных: они щебечут беззаботно, ни на кого не держат зла. Так давайте и мы будем добрее... Давайте расслабимся. Кто хочет пива?

– Если я скажу, что хочу, мне придется тащить пива на всех, – проворчала Бекки. – У меня и так ноги отваливаются. Вы видали, как я кадриль танцевала?

– Как же, видала, – сухо сказала Фауна. – Только ты не танцевала, а виляла и трясла... Сколько я тебя ни учила изящной пристойности, из тебя куртизанка так и прет.

– А что такое куртизанка? – спросила Бекки.

– Девка, по-нашему, – ответила Мейбл.

– Ага, значит, девка?.. – обиделась Бекки.

– Фауна, ты прикажи, пожалуйста, Сюзи, чтоб она быстрее возвращалась, если куда послана. Ушла, понимаешь ли, к Доку, а мы тут за нее работаем...

– Станный он какой-то, ваш Док, – сказала Сюзи. – Он, часом, не того?

– Не того, – сказала Фауна. – Если хочешь знать, лучше него нет человека на всем Консервном Ряду. Все на нем ездят, кому не лень; другой на его месте давно бы озлобился. Могучая Ида несет самогон на проверку, Мак с ребятами в карман залезть норовят. Мальчишка порежет палец – бежит к Доку, Док перевяжет. Или вот, подралась как-то наша Бекки с клиентом, и он ее в плечо укусил, так она чуть руку не потеряла. Спасибо, Док вылечил. Покажи ей шрам, Бекки...

– А что, сюда Док не приходит? – спросила Сюзи.

– Нет, – отвечала Фауна. – Но ты не подумай ничего такого – он мужчина нормальный. К нему ходят разные богачки в мехах, он им музыку как в церкви заводит. Так что Док своего не упускает. Раньше – Дора мне говорила – наши девочки тоже к нему заходили. Но я это дело прекратила.

– Почему? – спросила Сюзи.

– Берегу его для кого надо – вот почему. Посмотри вон туда, на золотые звезды – видишь, сколько моих воспитанниц вышло замуж!

– Да кто ж возьмет замуж девку? – сказала Сюзи.

– У тебя допотопные представления, – холодно произнесла Фауна. – С такими представлениями мы боремся! Видишь вон ту звезду, третью с краю? Конечно, она теперь зазналась, так ведь есть с чего. Шутка ли – церковная чтица, муж проповедник! Так что берут нашу сестру замуж!

– А при чем здесь Док? – спросила Сюзи.

– А при том, что я все время держу его на прицеле: ищу для него подходящую партию.

– Зря стараешься. Он мне сказал, что ему жена на фиг не нужна.

– Как ты выражаешься! – возмутилась Фауна и тут же, с интересом: – Ну и как вы с Доком поговорили?

– Поговорили? Да мы чуть не подрались! Он разозлил меня, а я его. Червяков, видите ли, разных разводит, книжку сочиняет про нервные припадки у осьминогов. Я чувствую, он до психушки досочиняется...

– Не говори ерунду, – сказала Фауна. – За некоторых червяков, если хочешь знать, он по десять долларов выручает.

– Да ну! За штуку?

– Это еще что... Купит за двадцать пять центов старую драную кошку, впрыснет в нее разную краску – синюю, красную, желтую, – и нате вам – продаст за пятнадцать долларов.

– Ни хрена себе! – удивилась Сюзи.

– Что за слова! Язык отрежу, так и знай. Ну-ка, в наказание, марш за пивом. То, что ты необразованная, это еще ладно, а вот вульгарность тебе вовсе не к лицу!..

Сюзи вышла.

– Сгодится ли она Доку? – сказала с сомнением Фауна. – Уж больно ершистая. Всегда у нее словцо за щекой...

Сюзи внесла на подносе бутылки с пивом.

– А почему бы тебе не составить Сюзи гороскоп? – предложила Бекки.

– Это что, гадать по звездам? – спросила Сюзи. – А зачем?

– Чтоб узнать, выйдешь ты замуж за Дока или нет.

– Люблю шутки, но не такие.

– А никто и не шутит, – сказала Бекки.

– И вообще, не верю я звездам... Кончайте-ка эту песню про Дока. Он ученый, колледж закончил, одних книжек прочитал незнамо сколько, и не каких-нибудь там комиксов... Я ему не ровня.

– Ну, хватит, милочка! – сказала Фауна. – Взгляни еще раз на этот стенд. Да, да, на золотые звездочки. Особенно вон на ту, у которой внутри еще одна. Так вот, она замужем за профессором Станфордского университета. У него этих книжек мильон. А она, кроме комиксов, и вправду ничего в руках не держала. И что ты думаешь? Укажет какой-нибудь гость на полки с книгами: «Неужели очаровательная хозяйка все это прочитала?», а она только улыбнется этак спокойно, таинственно... А когда спросят ее что-то мудреное, она, знаешь, что делает? Это, между прочим, совсем легко – ты, Сюзи, можешь научиться... Так вот, она повторяет с важным видом чьи-нибудь умные слова, и все думают, что она сама такая умная. Собственный муж не догадывается, что она читать-писать толком не умеет. Так-то... А ты говоришь – Док... Неужто Доку нужна жена, которая больше него знает? О чем же ему тогда с ней говорить? А говорить-то должен он, а не ты. Ты больше помалкивай.

– Куда ей, – сказала Бекки, – у нее язык прежде ума брякает.

– Да, язычок придется придержать, – сказала Фауна. – Иначе не видать золотой звезды... А насчет гороскопа – мысль хорошая. Когда у тебя день рождения, Сюзи?

– Двадцать третьего февраля.

– А в какое время суток ты родилась?

– Не знаю. Вот год, по-моему, был високосный.

– Могу спорить, что она родилась ночью, – оказал. Агнесса. – Я всегда верно угадываю.

Фауна сходила к себе в комнату за звездной картой приколола ее к стене булавками, потом вытащила из стола свою учительскую указку.

– Ага, вот ты где. Под созвездием Рыб. Значит ты Рыба.

– Кто, я?

– Ну да.

– Чепуха, не верю, – сказала Сюзи. – Терпеть не могу рыбу, от одного вида тошнит.

– Кто ж тебе велит на нее смотреть, – оказала Фауна. – И все-таки ты Рыба, если не наврала свой день рождения... Ну-ка, прикинем. Рыба посвящена Юпитеру, Сатурн здесь ни при чем... А в каком же доме у тебя Венера?.. [5]

– Все равно не верю.

– Расскажи ей, Мейбл, как мои гороскопы сбываются, – попросила Фауна, продолжая вычислять что-то на бумажке.

– Да, прямо чудеса, – начала рассказывать Мейбл. – Завела я как-то щенка. Ну, Фауна и составила ему гороскоп. И выходило, что на третий год, в день своего рождения, в десять часов утра, щенок должен лопнуть.

– Ну и как, лопнул? – спросила Сюзи.

– Лопнуть-то не лопнул, видать, по ходу дела что то сместилось в гороскопе, а все одно, погиб. В третий свой день рождения, ровно в десять утра, взял да и загорелся. Жарко было, я еще, помню, лимонад пила...

– Где бы это записать, что не пиво, – сказала Фауна.

– От чего же он загорелся? – спросила Сюзи.

– Не знаю, верно, от жары. Жалко, хороший был кобелек. Не слишком, правда, смышленный. Никак не могла отучить его дома гадить. Подойдет, бывало, к Джо Элеганту, задерет ножку...

– Так, наверное, Джо его и поджег! – воскликнула Сюзи.

– Неправда! – сказала Мейбл. – Джо тогда в больнице лежал.

В этот миг Фауна подскочила на стуле.

– Вот те раз!

– Что такое? – спросила Бекки. – Что там у нее?

– Знаешь ли ты, Сюзи, кто будет твоим спутником? – внушительно сказала Фауна. – Спутником твоим будет Рак!

– Это что, болезнь что ли? Не надо мне таких спутников!

- Не остри так глупо, – сказала Фауна. – Рак – это вроде краба. Суженый твой родился в июле. Ну-ка, теперь подумайте, кто у нас спец по всяким крабам?
- Джо Ангуро, – сказала Бекки, – он рыбой торгует.
- Да нет же, Док!.. Ну, все, если у него день рождения в июле – спета его холостяцкая песенка! Агнесса, когда у Дока день рождения?
- Не знаю. Пусть Мак спросит.
- Да, обязательно надо выпытать. И чтоб Док не догадался, для чего.
- Мак узнает, – уверенно пообещала Агнесса. – Он из Дока что хочешь вытянет.
- Только пусть поскорее, – сказала Фауна. – Ну а теперь, дорогие мои, спать! – Фауна воткнула карандаш себе в гриву. – Да выспитесь хорошенько. Во-первых, сегодня приходит в порт эсминец с богатенькими моряками. А во-вторых, вспомните, что у нас за день сегодня?
- Получка! – хором воскликнули воспитанницы.

Фауна пошла к себе, прибрала волосы. Минут через пять она отправилась с последним обходом: вынесен ли мусор, не горит ли где свет. В темной Комнате досуга краснел огонек чьей-то сигареты.

- Эй, кто там?
- Я, – ответила Сюзи.
- Чего не спишь?
- Думаю.
- Ну, теперь я точно знаю – не будет от тебя в заведении проку. О чем думаешь, о гороскопе?
- Угу.
- Док тебе нравится?
- Я его в самое больное место ранила. Но и он хорош – сам меня довел...
- Хочешь, я его обработаю?– спросила Фауна. – С моей помощью будет твой.
- Зачем? Ему не нужна жена, а если и нужна, то уж, наверное, не такая, как я.
- Э, люди сами не знают, что им нужно. Приходится подталкивать. Какой мужчина в здравом уме станет жениться? Однако женятся.
- Может, по любви.
- Да, бывает и так. Однако это самые скверные браки. Если мужчина женился по любви, девять шансов против одного, что эта женщина ему не пара. Поэтому я устраиваю все за людей сама.
- Как это?

– Понимаешь, если мужчина кладет глаз на женщину, то причина тут вовсе не в ней, а в нем самом. Например, она ему напоминает покойную мать; или она брюнетка, а он боится блондинок; или он хочет жениться в отместку другой женщине; или не уверен в своих мужских способностях и хочет увериться. У меня был знакомый, специально это дело изучал, так он говорит: мужчина влюбляется не в женщину, а в тот образ, который создает в душе... Так что лучше всего, когда брак устраивает кто-то третий, на трезвую голову. По-моему, ты Доку подходишь.

– Почему?

– Потому что на него не похожа. Ну, хочешь его захомутаем?

– Не надо. Не хочу я никого хомутать. Особенно Дока.

– Но все же так делают.

– Знаешь, Фауна, – тихонько сказала Сюзи, – ты тогда про мою жизнь все верно угадала. В шестнадцать лет это со мной случилось. Ты знаешь, он разговаривал со мной, как будто я для него единственная... С тех пор я и слов таких не слышала...

– Ничего, – Фауна обняла Сюзи за плечи, – бог даст, еще услышишь. Если я это дело слажу, я твою звездочку красным кружком обведу. Ну что, пойдём спать?

– Пойдем, – сказала Сюзи. – И все-таки не надо хомутать Дока...

Сюзи подождала, пока Фауна уляжется, и прокралась наружу. В Западной биологической все еще горел свет. Сюзи перешла улицу под фонарем, поднялась на крыльцо, постучала пальчиками в дверь. Док не отвечал. Тогда она вошла: Док сидел за столом, глаза красные от бессонницы, – перед ним, в ряд, чашки из прозрачного стекла. Вид у него очень усталый, кожа на щеках, под бородой, кажется серой.

– Поздно работаешь... – сказала Сюзи.

– Да уж. Выкинул из-за тебя первую серию зародышей, пришлось переделывать заново. А это долгая волынка.

– Прости, пожалуйста. Слушай, Док, ты должен написать свою книжку. Что уж там за книжка, не знаю, а должен!

– Наверное, ты в тот раз угадала. Не могу я ее написать, кишка тонка.

– Глупости, – сказала Сюзи, – еще как можешь, нужно только захотеть.

– Хм, в том-то вся и штука, что я, наверное, не хочу.

– Зато я хочу.

– Ты? А при чем здесь ты?

Сюзи покраснела и долго разглядывала свои ладони, не зная, что ответить, потом промолвила:

– Понимаешь, все ждут, все хотят, чтоб ты написал. Не напишешь – всем будет обидно!

– Ну, это для меня не аргумент, – усмехнулся Док.

Сюзи попробовала зайти с другой стороны:

– Получается, ты просто трус и слабак.

– Ладно, я трус и слабак. Но это мое личное дело!

– Все равно ты должен написать!..

– Ничего я не должен.

– Я бы тебе помогла.

– Чем, дуреха?

– Чем? Подтолкнула бы тебя хорошенько под зад. Может, тебе как раз этого и не хватает.

– Слушай, оставь меня в покое. – Тут Док взглянул на часы. – Опять!! Ах ты, чертова баба! Опять из-за тебя время проворонил!

– Сам виноват, недотепа. Нечего на других сваливать.

– Убирайся отсюда! – рыкнул Док. – Шагай обратно в свою шлюшню!

На пороге Сюзи обернулась:

– Господи, бывают же такие дураки! – и громко хлопнула дверью.

Спустя немного времени раздался робкий стук в стекло.

– Я же сказал, убирайся! – крикнул Док.

– Это не Сюзи. Это я. – В дверь просунулся Мак.

– Что, подслушивал?

– Ничего я не подслушивал... Как ты думаешь, недвижимая собственность на Консервном Ряду – это хорошее вложение капитала?

– Не знаю, не думаю.

– А она девушка ничего, – сказал Мак.

– Ты же говоришь, не подслушивал!

– Чего подслушивать, и так все – слышно. Знаешь, умные люди говорят, брать жену из заведения хорошо по трем причинам.

– Постой, ты о чем? – удивился Док.

– Во-первых, – Мак загнул палец, – она будет тебе верна: она и так уже все в жизни перепробовала. Во-вторых, она тебя насквозь видит, значит, в тебе уже не разочаруется. А в-третьих, – Мак загнул третий палец, – если она глаз на тебя положила, то причина тут только одна.

– Какая?

– Нравишься ты ей! – сказал Мак. – Ну, я пошел...

– погоди, присядь. Давай выпьем чего-нибудь.

– Извини, не могу, выспаться надо. У меня завтра дело важное. Спокойной ночи.

Некрашенная сосновая дверь закрылась за Маком, но Док еще долго смотрел на нее, и казалось его усталым глазам, что древесные волокна извиваются как живые...

19. Благостный четверг (1)

Человек так устроен, что все крупные исторические события на своем веку – убийство эрц-герцога в Сараево, Мюнхенский договор, Сталинградскую битву – жаждет увязать, по дням и по часам, с событиями собственной жизни. Американец точно помнит, что именно делал в то время, когда японцы разбомбили Пирл-Харбор; а некоторые даже утверждают, что имели предчувствие.

Четверг, о котором речь, несомненно, был для Консервного Ряда поворотным моментом. То, чему предстояло произойти, готовилось исподволь, в течение жизни нескольких поколений, всем ходом внутреннего развития... Теперь кто-нибудь непременно вспомнит, что у него было предчувствие. Старожилы скажут, что ощущение было такое, словно назревает землетрясение...

Итак, был четверг. В Монтерее выдался один из тех нудных дней, когда воздух настолько чист и светозарен, что за добрых двадцать миль, как в линзе телескопа, видны крыши домов Санта-Крус на другом берегу Монтерейского залива, и видны исполинские секвойи на склонах горы за Уотсонвиллом, а если взглянуть на восток, то откуда-то из-за Салинаса выплывет гордая вершина пика Фремонта... Солнце улыбалось золотой улыбкой. Красная герань так пламенела, что казалось, воздух займется вокруг. Дельфиниумы голубели ярче самого синего неба.

Такие дни повсюду редки. Люди на них нарадоваться не могут. Мальчишки ни с того ни с сего издают радостный щенячий визг; черствый бизнесмен отправляется за город – присмотреть дом с участком... Старики посиживают, глядя куда-то вдаль, – смутно припоминают, что в молодости все дни были такими... Кони валяются на зеленом лугу... Куры кудахчут, хлопают крыльями на солнцепеке.

Четверг был как раз таким волшебным днем. Мисс Уинч, которая до полудня всегда пребывала не в духе и этим кичилась, вдруг мило раскланялась поутру с почтальоном.

Джо Элегант встал рано, намереваясь поработать над романом, над той сценой, где главный герой, юноша, выкапывает из могилы свою бабушку, чтобы проверить, так ли она красива, как ему запомнилась. (Роман назывался «Эдипово семя».) Однако, глянув в окно, Джо увидел, как золотится от солнца пустырь, как играет в сердце каждого мальвового цветка алмазик росы, – и тут же выскочил босиком на волю и долго скакал по сырой траве, пока не расчихался.

Мисс Грейвз, исполнительница заглавной партии Принцессы бабочек на ежегодном Празднестве бабочек в Пасифик-Грове, застучала одного пожилого статс-эльфа в окрестностях своего плавательного бассейна... Ну довольно, разве перескажешь все, что случилось в самых разных местах в этот Благостный четверг...

Для Мака с ребятами наступивший день был днем схватки с Судьбой, а поскольку сражаться с ней предстояло Маку, друзья накормили его горячим завтраком, подлив в кофе настоящего

пшеничного виски из запасов Эдди. Элен почистил самые приличные, голубые штаны Мака, до блеска надраил ему ботинки. Уайти I извлек откуда-то отцовскую шляпу – черную, с узкими стильным) полями и лихо заломленным верхом (покойник был не ктонибудь, а стрелочник на Южно-тихоокеанской железной дороге!). Чтобы подогнать шляпу к голове Мака, пришлось напихать сзади под тулью туалетной бумаги.

Мак молчал все утро, но ребята видели, что он страшно волнуется. Он знал, как много от него зависит, и чувствовал в сердце робость и отвагу. Ребята вложили ему в руку прилежно изготовленные лотерейные билеты и проводили за порог, а потом сели на траву у входа и стали ждать.

Мак спустился по тропке, пересек узкоколейку. Проходя мимо старого бойлера, с показной беспечностью пробарабанил пальцами по ржавым трубам... Долго изучал набор отверток в витрине лавки Джозефа-Марии, собираясь с духом, потом наконец вошел.

За прилавком стоял Какахуэте, красивый поджарый парень в лиловой яхтсменской куртке с золотыми галунами. Он листал «Эстрадное обозрение», в глазах горел мрачный, диковатый огонек гениальности.

– Здорово, – сказал Мак.

– Привет, – сказал Какахуэте.

– Джозеф-Мария дома?

– У себя, наверху.

– Мне нужно поговорить с ним лично.

Какахуэте медленно, исподлобья оглядел Мака, потом прошел в подсобное помещение и прокричал оттуда:

– Тіо тіо!

– Чего тебе?

– Тут Мак пришел.

– Зачем?

– Фиг его знает.

Джозеф-Мария в нежно-голубом шелковом купальном халате спустился по ступенькам.

– Доброе утро, Мак. У этих мальчишек никаких манер.

Какахуэте передернул плечами и убрал «Эстрадное обозрение» с прилавка на ларь с картошкой.

– Рано ты, однако, поднялся, – сказал Маку Патрон и выжидательно посмотрел на него.

Мак повел свою речь с учтивой серьезностью:

– Ты здесь у нас недавно, Джозеф-Мария, но у тебя уже много добрых, хороших друзей...

Конечно, во второй части этого высказывания Джозеф-Мария усмотрел небольшую натяжку, однако решил, что беды в ней нет.

– Да, мне здешние люди по душе. Хорошо ко мне относятся... – глаза у него сонно прижмурились – это означало, что он весь настороже, как радар.

– Городишко наш маленький, – продолжал Мак. – Кругозор у нас узкий. А ты свет повидал, все знаешь...

Патрон улыбнулся, признавая собственную мудрость, и ждал, что последует дальше.

– Мы с ребятами хотим спросить у тебя совет, – вкрадчиво сказал Мак, – ты ведь не откажешь.

Патрон ощутил смутное беспокойство.

– Совет? Какой совет? – спросил он осторожно.

Мак глубоко вздохнул и сказал:

– Ты человек торговый, оборотливый, тебе это может показаться чепухой. А может, ты нас и поймешь, как никак уже пожил с нами. Дело тут чувствительное, касается Дока. Понимаешь, мы с ребятами у него в должниках ходим. Не знаем, как расплатиться...

– Много должны-то? – спросил Патрон. Он поднял за нижний конец стоявшую рядом метелку и выломал веточку, ковыряя в зубах. – Иди погуляй, – приказал он тихонько Какахуэте – племянник скользнул вверх по лестнице в мансарду.

– Это долг не денежный! – сказал Мак. – Это долг душевный. Вот уж сколько лет Док нам помогает: заболеем – вылечит, сядем на мель – подкинет денег.

– Да, – согласился Патрон. – Док безотказный...

Он еще не мог понять, куда метит Мак, но чувствовал – опасность где-то рядом.

А Мак – профессиональный обольститель! – от звуков собственного голоса воодушевлялся, делался все увереннее:

– Долго еще можно было бы на Доке ездить, да сейчас ему и без нас тошно...

– А что с ним такое?

– Как, разве ты не знаешь? Он сидит день и ночь как проклятый, бьется над своими целлофаноподами...

– Да-да, ты мне уже говорил, – закивал Патрон.

– Вот мы и хотим с ребятами ему помочь. Не можем смотреть, как наш лучший друг мучается... Он ведь, наверное, и тебе что-нибудь хорошее сделал...

– Да, – обрадованно вспомнил Патрон. – Ты знаешь, что в шахматах нельзя жульничать?

– Знаю, знаю. Док мне объяснял, – нетерпеливо сказал Мак. – Так я вот о чем: дела у Дока – табак. Вот если б ему новый большой микроскоп, он живо бы с этими целлофаноподами разделался, а стоит микроскоп верных четыре сотни...

– Если вы собираете деньги – десять долларов за мной, – поспешно заверил Патрон.

– Благодарю! – с чувством вымолвил Мак. – Я знал, что ты настоящий друг! Но не об этом хотел я тебя просить. Мы хотим помочь Доку сами, одни! Ты нам не десять долларов, ты нам совет дай!

Патрон зашел за прилавок, достал из холодильника пару банок пива, открыл, подал одну Маку.

– Спасибо... – Мак сделал большой глоток, промочил горло. – Благодарь... Теперь послушай, какой расклад.

У нас с ребятами есть кое-какая собственность, мы думаем разыграть ее в лотерею. А на лотерейные деньги купим Доку микроскоп. Вот и решили с тобой посоветоваться насчет лотерейных билетов и всего такого прочего...

– А что же вы будете разыгрывать? – спросил Патрон.

Вот он, ужасный миг! Дрожащей рукой Мак запрокинул банку, втянул остатки холодного, ядреного пива. Потом с душевным трепетом ответил:

– Наш дом, Королевскую ночлежку!

Патрон вытянул из ящика с расческами одну расческу, задумчиво провел по своим черным лоснящимся волосам.

– Да разве эта развалюха стоит четыре сотни?

Господи, неужто пронесло?! В эту минуту Мак любил Патрона как родного, готов был руки ему целовать.

– Может, и не стоит. Но ведь это наш дом! – голос Мака дышал силой и чувством. – Согласен, недорогой товар, но кто же дорогое в лотерею разыгрывает? Да будь это хоть пара старых калош –и ты не грех разыграть, на доброе-то дело!

– Хм, в этом что-то есть, – Патрон впервые взглянул на Мака с уважением. – Ну, и кто ж, по-вашему, должен выиграть?

Теперь Мак уверился в успехе окончательно. Как вести себя с жертвой дальше, он знал.

– Я вижу, тебя не проведешь, – доверительно произнес он. – Если я скажу, что разыгрывать будем по-честному, ты все равно не согласишься... Слушай, что мы придумали...

Патрон подался вперед. В нем не чувствовалось прежней настороженности. Конечно, веревки он из себя не даст, но уже изрядно смягчился.

– Ну? – спросил он с любопытством.

– Лотерея лотереей, а жить-то нам где-то надо. Верно я говорю? Вот мы и решили... только, чур, между нами?..

– Разумеется, – успокоил Патрон.

– Так вот, мы продадим выигрышный билет Доку, или просто ему подсунем, в общем, подстроим, чтоб выиграл Док.

– А зачем?

– Затем, что всем от этого будет хорошо! Док получит микроскоп. А мы будем жить, как и жили, в Ночлежке. Только она теперь докова будет. Это ему вроде страховки, на старость. Вот так мы и отблагодарим его за все хорошее!

– А вдруг он продаст ваш сарай?

– Не продаст. Не захочет же он нас на улицу выкинуть!

На красивом смуглом лице Патрона расплылась одобрительная улыбка: продумано четко, не подкопаешься.

– А ты молодец, Мак. Я тебя недооценивал. Пожалуй, мы могли бы делать кой-какие дела вместе... Лотерейные билеты уже заготовили?

– Да, полночи вчера рисовали. – Мак выложил на стол пухленькую пачку.

– Почем они у вас?

– Да вот, написано – по два доллара.

– Ну что ж, десять долларов за мной, как я и обещал. Покупаю пять билетов. Могу взять еще сколько-нибудь на продажу.

– Штук двадцать возьмешь?

– Чего уж там, давай полсотни. Я их со своим оркестром распространю...

Мак поднимался обратно по тропинке, не чуя под собой ног, глядя вперед и вдаль. Не останавливаясь, прошел мимо ребят в Ночлежку, тяжело опустился на кровать. Ребята вошли за ним гуськом, обступили.

Мак помолчал, потом торжествуя произнес:

– Наша взяла! Он ведь не ведает, что Ночлежка его. Сам купил пять билетов, да еще полсотни «мокрым спинам» продаст!

Бывают минуты всеобщего облегчения и ликования, когда слова излишни. Эдди выбежал, и все в тишине услышали, как вонзилась в землю лопата, откапывая очередной бочонок...

Таково было первое событие в этот Благостный четверг.

20. Благостный четверг (2)

Отправляясь на покой далеко за полночь, Фауна опускала у себя в спальне глухие шторы – и спокойно спала до полудня. Но в утро Благостного четверга шаловливое солнце сыграло с ней шутку. Проникло в комнату через крошечное – с острие иглы – отверстие в шторе и давай показывать на стенке все, что делается в Консервном Ряду, как в цветном кино, только перевернутом. Вот прошагала вразвалку – вверх тормашками! – Могучая Ида в цветастом ситцевом платье и черной беретке... Вот проехал, вертя колесами в воздухе, грузовик Тихоокеанской газозлектрической компании... Проплелся к лавке Джозефа-Марии Мак вверх ногами... А еще спустя прошел по обоям перевернутый Док – вид измученный, в руке откупоренная бутылка пива, и, что самое занятное, пиво не выливается!.. Вначале Фауна старалась снова уснуть, потом раздумала: вдруг пропущу что-нибудь важное? Призрак перевернутого Дока окончательно отбил у нее сон.

Не зря говорится: утро вечера мудренее. Вчера Фауна ломала голову над своей задачей, а сегодня – проснулась с готовым ответом... Фауна подняла шторы и порадовалась, какой прекрасный выдался день. Кровля Вонючего завода, облепленная чайками, переливалась, как жемчужная.

Фауна облачилась в темно-серый вязаный костюм, зачесала назад свои густые непослушные волосы, надела аккуратную шляпку с черными блестками и перчатки. Зашла на кухню, погрузила в сумку шесть бутылок пива, потом, поразмыслив, прихватила одну из сушеных обезьяньих голов, в подарок... Вскоре она уже стояла на крыльце Западной биологической, переводя дух; глядя на нее, вы бы сказали, что она представляет интересы ну хотя бы Красного Креста, а уж никак не «Медвежьего стяга».

Док жарил колбаски, посыпая их тертым шоколадом: получалось нечто пикантное, восточное.

– Что-то ты раненько, – приветствовал он Фауну.

– Да вот подумала: вчерашнего пива надолго не хватит, принесла еще.

– Очень кстати, – сказал Док. – Хочешь колбасок?

– Спасибо, не откажусь, – отвечала Фауна, ибо знала: кто дает тебе, тот тебе должен.

– Смотри, обезьянья голова. У меня их много, привезла из Южной Америки.

– Ну-ка, ну-ка, интересно...

– Знаешь, чудачки говорят, будто это человечьи головы.

– Выдумывают, – рассмеялся Док. – Разве у человека такая форма глаз и ушей? Тем более носа...

– Не все же к людям, как ты, приглядываются... – сказала Фауна. – Я, пожалуй, выпью с тобой пива... Сроду ничего похожего не ела, – подивилась она вкусу шоколадных колбасок. – А ты кузнечиков когда-нибудь пробовал?

– Да, в Мексике, они вроде как перченые...

Фауна не любила ходить вокруг да около.

– Слушай, тебе, наверно, надоело, что все к тебе с просьбами пристают...

– Хуже было б, если б меня все забросили, – с усмешкой сказал Док. – Так что тебе нужно? Кстати, спасибо за давешний торт с пивом...

– Как тебе показалась Сюзи?

– Не как все. Даже не верится, что она работает в «Медвежьем стяге».

– Вот-вот, – подхватила Фауна, – проку от нее никакого; да, понимаешь, полюбилась она мне. Беда ее в том, что она в душе леди, ничем этого из нее не вытравишь.

Док хрустнул жесткой румяной корочкой, задумчиво отхлебнул пива.

– Оказывается, это тоже может быть недостатком...

– Девушка хорошая, – продолжала Фауна. – Мне нравится. Но для дела большая обуза.

– Ну, так выгнала бы ее.

– Не могу! – сказала Фауна. – Ей в жизни и так досталось. И потом, не тот у меня характер, чтоб людей выставять на улицу. Вот если б она сама нашла для себя что-нибудь другое. У нас ведь она все равно карьеры не сделает...

- Она мне столько всего наговорила...
 - Девушка с характером! А в нашей работе характер – помеха.
 - Разом открыла мне несколько горьких истин. Глаз у нее острый, ничего не скажешь...
 - И язычок хорош, не промолчит... Знаешь, Док, у меня к тебе большая просьба.
 - Да, пожалуйста.
 - Ни к кому другому я обратиться не могу: не поймут...
 - Да говори, в чем дело.
 - Дело в том, что я по опыту знаю: если девушка в душе леди, то ни на что другое уже не годится... Теперь дальше. Ты к нам в «Медвежий стяг» не ходишь; у тебя и так женщин пруд пруди. Правда, мое личное мнение такое, что дешевле иметь дело с нами... Но я тебе не указ, живи как знаешь...
 - Не понимаю, куда ты клонишь?
 - Сейчас поймешь... Ты, когда пригласишь к себе девушку, только еще начинающую, ты ведь сперва ее обхаживаешь, говоришь ласковые слова, правильно?
 - Правильно, – Док покаянно улыбнулся.
 - А сам веришь в эти слова, что говоришь?
- Док покусал нижнюю губу.
- Ну... допустим, верю... в ту минуту.
 - А потом?
 - Потом... – Док замялся.
 - Ага! Значит, наговорить с три короба, закружить голову – у тебя язык не отвалится?..
 - Ты могла бы с успехом заниматься психоанализом. – Док вздохнул. – Так чего ты от меня хочешь?
 - Видишь, Док, Сюзи строит из себя недотрогу, мне от нее одни убытки. Не знаю, выйдет ли из нее настоящая леди, но мне хорошо бы от нее избавиться. Так вот, Док, не поухаживаешь ли ты за ней, как за своими красавицами?..
 - Погоди, а кому какой от этого прок?
 - Может, я ошибаюсь, но кажется мне, ты умеешь так вести себя с девушками, что любая недотрога будет довольна. Поухаживай за Сюзи, как за леди, – глядишь, и поведет себя под стать...
 - Ничего не понимаю.
 - Так ведь она тогда уйдет из «Медвежьего стяга». Не захочет больше знаться с девками.
 - А что будет со мной?
 - Ничего. Ты ведь на других своих не женишься.

– Не женюсь, но...

– Ну, пожалуйста, Док, поухаживай за ней! Тебя от этого не убудет. А она, глядишь, сбежит от нас, выучится на машинистку или на телефонистку... Ну как, согласен?

– По-моему, это нечестно.

Фауна переменяла тактику:

– Вчера вечером мы с ней разговаривали, так она и говорит: забыла, мол, когда мужчина последний раз обращался со мной, как с порядочной... Это будет ей очень приятно.

– А может, еще больше расстроит?

– Главное, она потянется к новой жизни!

– А может, ее устраивает старая.

– Нет, что ты! Она ведь в душе леди!.. Слушай, Док, пригласи ее в ресторан, за стол я заплачу. Обниматься-целоваться никто тебя не просит. Просто посиди, поговори с ней ласково...

– Надо подумать...

– Я думаю, ты смог бы.

– Наверно, – нерешительно сказал Док.

– Она девочка славная, – снова принялась уговаривать Фауна, – если отнестись к ней по-людски... Пожалуйста, Док, не в службу, а в дружбу.

– А если она не пойдет?

– Пойдет. Я так подстрою, что не сможет отказаться.

Док глянул в окно, что-то теплое шевельнулось у него в душе. Он вдруг почувствовал себя так хорошо, как давно уже не чувствовал.

– Ладно, подумаю, – сказал он.

– А как надумаешь, я ставлю три бутылки шампанского, – пообещала Фауна.

После завтрака Джо Элегант прочитал Фауне очередную главу своего романа. Потом принялся объяснять мифологическую основу повествования и символический подтекст.

– Понимаете, – говорил он, – бабушка воплощает комплекс вины героя.

– Постой, она же, вроде, померла своей смертью и спокойно лежит в могиле.

– Верно.

– Что же это тогда за комплекс вины?

– Это комплекс в подсознании героя. Я пишу о подсознательной жизни.

- Чушь! – сказала Фауна. – Написал бы лучше о настоящей.
- Уж не собираетесь ли вы учить меня искусству слова?
- Собираюсь. Вот тебе, например, рассказ: парень, девушка, и у них любовь...
- Очень оригинально, – покривился Джо.
- Когда человек что-то говорит, он верит своим словам, даже если считает, что врет...
- Господи, о чем вы?
- Спорим, я скоро избавлюсь от одной особы и прилеплю новую звездочку? На что угодно спорим!
- Кстати, как мой торт? Понравился Доку?
- Еще бы!

На том закончилось второе событие Благостного четверга.

21. Ай да четверг!

Королевская ночлежка сыграла роль ядра, от которого во все стороны пошла цепная реакция. Воспламенившись, Мак с ребятами зажгли весь Консервный Ряд. Что там энергия плутония в сравнении с их энергией! Только отъявленные ленивцы могли взяться за дело так рьяно и столько успеть. Сопевания! Дешети! Планы! Контрпланы! Мак рисовал все новые и новые лотерейные билеты. То, что затевалось как скромное мошенничество, постепенно перерастало в демонстрацию народной любви к Доку. Билеты... Их покупали, продавали, меняли... Посланцы Консервного Ряда появлялись всюду: на станции Южно-тихоокеанской железной дороги, на станции автобусов дальнего следования... Констебль Джо Блейки таскал пачку билетов в нагрудном кармане мундира: нарушил правила стоянки – изволь купить билет, попытаться счастья в лотерее.

Уайти I проник в чудесные, но чуждые пределы Галечных пляжей, Кармела и Сугорья, и успешно сбывал товар среди богатой публики. А его тезка, Уайти II, действовал проще: предлагал билеты всем проезжающим автомобилистам; первый, кто отказался – получил в стекло камнем; и весть об этом разнеслась по дорогам.

Мак с ребятами чувствовали, что делают праведное дело. Заветный выигрышный билет с именем Дока был, разумеется, спрятан: его положили в консервную банку и зарыли на пустыре. По молчаливому соглашению никто ни словом не обмолвился Доку о лотерее. Другим Дока ребята намекнули, что лотерея будет с подтасовкой в его пользу, а посторонним это знать незачем... Словом, налицо был прекрасный пример коллективного доброхотства и щедрости.

Впрочем, в обществе живет не только добрый волшебник, но и злой чертенок, и действуют они нередко разом. Если первый заставлял людей радоваться за Дока, то второй внушал злорадные чувства по отношению к Джозефу-Марии. Патрон себя умником считает, думали все. Живет здесь без году неделя, ходит разряженный, как павлин. Наживается, прохвост, на безответных «мокрых спинах»... Наверняка, Королевская ночлежка отошла к нему вместе с лавкой, а он про это забыл, а может, просто не знает. Как бы то ни было, если Док выиграет Ночлежку в лотерею, у Патрона не хватит смелости ее отспорить.

Приятно обжулить жулика, что там ни говори! Злой чертенок на этот раз выступал в роли правосудного судьи и потому был особенно в ударе. Люди покупали лотерейные билеты у Патрона с большим удовольствием, чем у других; любовались его довольной физиономией, заранее предвкушая, как она потом вытянется.

В другую пору ребята были бы рады подольше растянуть это удовольствие – продажу билетов, – но время!.. Время буквально наступало на пятки. Если Патрон получит налоговый счет до лотереи, тогда пиши пропало. До пятницы дело еще терпит, но в субботу надо обязательно его проверить. Ребята бросили клич: в субботу в Королевской ночлежке будет вечеринка, приходите все, кто хочет, с припасами.

После обеда в Благостный четверг Мак заглянул к Доку.

– У нас с ребятами в субботу вечеринка намечается. Так что приглашаем. R. S. V. P.

– Moi, je reponds oui.

– Чего-чего?

– Приду, обязательно.

Тут Мак вспомнил о возложенном на него поручении:

– Слушай, Док, такое дело. Можно, конечно, у тебя окольным путем выведать, но я лучше напрямик. Когда у тебя день рождения? Я что-то позабыл.

Док содрогнулся:

– Только не надо отмечать! Вы уже один раз отметили, помнишь, еще до войны, – мне до гроба хватит!

– Да не собираемся мы ничего отмечать, – успокоил Мак. – Просто с одним парнем поспорили, на доллар, когда у тебя день рождения. Ну?

– Четвертого июля, – Док назвал первую дату, какая пришла на ум.

– Так ведь это День независимости!

– А я и родился в День независимости, – с радостным облегчением подтвердил Док.

В тот же день, ближе к вечеру, Фауна и девочки наведались в Королевскую ночлежку (как вы помните, Мак пригласил их письмом – «на стаканчик винца, и для важного разговору»). Однако Сюзи с ними не было. С самого утра она казалась молчалива, а потом и вовсе отделилась от компании – пошла гулять на Сосновый мыс, бродила в окрестностях маяка, глядела в озерца, оставленные приливом, срывала скромные, робкие цветы, что растут под самым боком у океана. На сердце было смутно. Хотелось и смеяться и плакать: Док пригласил ее в греческий ресторанчик на пристани. Сюзи ощущала радостное волнение и вместе боязнь, доходящую до тошноты. Док пригласил через Фауну, а Фауна уговорила.

– Нет, нет! Ни за что не пойду, – кричала она Фауне в первом порыве.

- Пойдешь как миленькая, – отвечала Фауна. – Добром не захочешь – палкой погоню!
- Гони! Все равно не заставишь.
- Вон ты как! А я-то, дура, для нее стараюсь...
- Как я пойду? У меня и надеть-то ничего красивого нет.
- А у Дока, думаешь, есть? Если уж его не заботит, в чем он будет, так зачем тебе голову ломать?
- Конечно, ему-то что. У него, поди, суть не в наряде, а в душе. А у таких, как я, – в душе одна пустота, вот и приходится наряжаться. И потом, я не знаю, как себя с ним вести. Снова разозлюсь, наговорю гадостей. Не умею я быть душкой...
- Вот что, детка, – сказала Фауна. – Хочу я тебе дать один хороший совет. А если он не пойдет впрок, можно хоть сейчас звать Джо Блейки, выпроваживать тебя из Монтерея. А совет такой: никогда не начинай драку первая. Бей только тогда, когда тебя ударили. И не думай, что все только и мечтают, как бы тебя обидеть...
- Разве что старый костюм одеть? – заколебалась Сюзи. – Правда, он с пятном...
- Ничего, попросишь Джо Элеганта – выведет пятно и погладит. Скажешь, я велела.
- Так вот и получилось, что бродила Сюзи в Благостный четверг около маяка...

По правде говоря, встреча в Королевской ночлежке была не так уж нужна: гости знали про потерю. Фауна еще раньше сама купила десяток билетов и девочек заставила купить по одному.

Эдди позаимствовал с работы стаканы – на сей раз с разрешения Могучей Иды, которая была в числе гостей. Ида принесла с собой две бутылки виски «Сосновый каньон».

– Недорого купила; да не больно и жаль, – объяснила Ида.

На встрече царил церемонная серьезность. Агнесса и Мейбл сидели как паиньки, колени вместе. Под испепеляющим взглядом Фауны Бекки тоже свела колени – так поспешно, что виски у нее в руке расплескалось.

– Ну, будет дельце! – сказал Мак. – Представляю лицо Дока, когда он выиграет.

– Постойте, – сказала Могучая Ида. – А как же вы ему объясните выигрыш, если он и билета не покупал?

– Мы объявим, – важно отвечал Мак, – что билет на его имя приобрел неизвестный друг... Я только что видел Дока. Он обещал, что обязательно придет в субботу.

– Когда у него день рождения, узнал? – спросила Фауна.

– А как же. Четвертого июля.

Фауна выпустила воздух, как из шарика.

– Вот это да! Вот это я понимаю! Ну все, Док, плакала твоя вольная жизнь. Так уж тебе на

роду написано... До чего же славно все сходится!

– Что сходится? – спросил Мак.

Глаза Фауны подернулись влагой.

– Тут такое дело... – голос ее от волнения звучал хрипло.

– Не хочется мне мешаться в вашу игру, но почему б нам заодно не отпраздновать и помолвку?

– Чью помолвку?

– Они, правда, еще не помолвлены. Но скоро будут.

– Да кто?

– Сюзи с Доком. У них по гороскопу так выходит.

– А если они не захотят?

– Захотят, – сказала Фауна. – Еще как захотят!

Все немного помолчали, потом Мак произнес тихо и торжественно:

– Я же вам говорил, что будет дело. Но это не просто дело, это знатное дело! У нас, почитай, с самой войны таких важных событий не было! А ты уверена, что Док не взбрыкнет?

– Ничего, как-нибудь с ним справлюсь. Только, чур, ему о нашей затее – молчок!.. Я однажды боксера тренировала – был один такой во втором полусреднем весе, по кличке Келли-поцелуйся-со-смертью, – вот с кем было трудно. Однако ничего, справилась... И Док у меня тоже будет в форме.

– А Сюзи? – спросил Эдди.

– А Сюзи уже в форме, хоть сейчас на ринг, – отвечала Фауна.

Расходились молча, но у каждого в груди горело пламя. Нет, никогда еще не бывало на свете такого дня, как этот Благостный четверг. И, между прочим, он еще не кончился!

22. Во всеоружии

В половине пятого Фауна вызвала Сюзи к себе в спальный кабинет для смотра снаряжения. Сюзи бросила ворох одежды на кровать Фауны.

– Что, еще раз погладить захотелось? – спросила Фауна. Взяла в руки серую шерстяную юбку и жакет, аккуратно разложила, придирчиво осмотрела, обнюхала: нет ли пятен, не пахнет ли пятновыводителем. – Что ж, неплохая вещь.

– Это у меня еще с приюта, общественное приданое.

– Другим сообщать не обязательно! – Взгляд Фауны остановился на коричневых туфлях. – Эй! Джо! Элегант! – прокричала она в дверь.

Джо нехотя приплелся.

– Вообще-то у меня сейчас отдых...

– Так на то я и хозяйка, чтоб работники отдыха не знали, – сказала Фауна. – Сбегаешь в мастерскую Уилдока, пусть прибьют на эти туфли новые набойки. Где краска слезла – подкрасят. И хорошенько начистят. Подождешь там, пока будет готово.

Джо проворчал что-то себе под нос, однако взял туфли и ушел.

– Перчатки у тебя есть? – спросила Фауна.

– Нет.

– Ничего, я тебе одолжу. Вот эти – белые. Так, держи еще новый платок – смотри не испачкай помадой! Женщина должна быть во всеоружии: начищенные туфельки, чистые перчатки, крахмальный носовой платок, да чтоб шов на чулках в сторону не съезжал... Такая женщина чего хочешь добьется! Костюм у тебя неплохой, хороший матерьяльчик, чем дольше носится, тем лучше смотрится – если, конечно, при этом каблуки на туфлях не сбиты! Эй там, позовите Бекки!

Вошла Бекки.

– У тебя, помнится, была белая пикейная манишка и манжеты...

– Да, я как раз их только что подштопала и накрахмалила.

– Ты не могла бы одолжить их Сюзи? Пришей их пожалуйста, вот к этому жакету.

– Только пускай потом выстирает!

– Это само собой...

Бекки прихватывала к рукавам манжеты, а Фауна занялась сумочкой Сюзи.

– Ну-ка, вытряхни все ко мне на кровать. Так, аспирин тебе ни к чему. Расческу возьми мою, а свою выбрось. Только у нерях бывает расческа без зубьев. Гигиенические салфетки? Пригодятся. Вот тебе еще моя компактная пудра – время от времени пудри легонько нос. Так, посмотрим на ноги. Хм, не худо... Голову ты, я вижу, помыла?

– Дай ей лучше парик, – посоветовала Бекки, откусывая нитку.

– Не умничай, – одернула Фауна. – Чего сидишь, пришила? Тогда берись за ее прическу, да смотри не начуди. – Потом, повернувшись к Сюзи, объяснила: – Бекки у нас по прическам мастерица... А плащик этот ты лучше не надевай. Тоже в приюте дали? Ну, с плащиком они явно сплеховали. – Фауна в задумчивости постучала по зубам карандашом, потом подошла к шкафчику и вытащила горжетку из двух куниц, которые словно сгрызлись между собой. – Ну-ка, надень. Только смотри, потеряешь или чего с ними сделаешь – убью! Так, что еще? Духов не надо. Побрызгайся немножко вот этой розовой водой – запах чуть старомодный, зато свежий и юный.

Бекки стояла за плечами Сюзи, колдовала над волосами.

– Уши большие, – пожаловалась она. – Ничего, может, я их немножко прикрою.

– Молодец, – сказала Фауна, – ты и вправду мастерица.

В шесть часов вечера, при закрытых дверях, состоялся последний инструктаж.

– Ну-ка повернись, – скомандовала Фауна. – Ноги вместе. Теперь пройдишь. Хорошо! Походка

у тебя что надо. Я же говорю, ты очень даже симпатичная, если постараться.

Сюзи глянула на себя в зеркало и улыбнулась: ой, кажется, я действительно симпатичная. Эта мысль волновала и была приятна, – от волнения Сюзи еще больше похорошела. Но вдруг улыбка исчезла с лица – снова накатил страх.

– Что такое? – спросила Фауна. – О чем я с ним буду разговаривать? Не пойду! С таким человеком, как Док, я себя чувствую не в своей тарелке. Фауна, ты скажи ему лучше, что я заболела! Не пойду!..

Фауна дала ей выговориться, потом спокойно сказала:

– Давай, давай, поплачь еще... Авось красные глаза наплачешь. А я-то стараюсь, привожу тебя в божеский вид.

– Прости меня, пожалуйста. Ты все сделала чудесно. Только я никуда не гожусь, не стоит на меня время тратить. Я уже знаю, как все получится: он загнет что-нибудь непонятное, а я разозлюсь. Не пойду! Мне страшно.

– Еще б тебе не было страшно, – сказала Фауна. – И хорошо, что страшно. Значит, ты и впрямь к нему неравнодушна. Думаешь, ты первая такая? Не было еще женщины, чтоб шла первый раз на люди с мужчиной, который ей нравится, – и не боялась! Может, Док тоже боится.

– Ну да, как же, – не поверила Сюзи.

Фауна вздохнула:

– Эх, мне бы твои годы, твое личико, твою фигурку да мой теперешний жизненный опыт, – ни один бы мужик передо мной не устоял. А что я сейчас? Все знаю, да ничего не могу. Ну да ладно. Буду тебя уму-разуму учить, а ты слушай, запоминай – всего в жизни добьешься!.. Да в том-то и беда, что не станешь ты слушать. Кому нужна чужая мудрость... А пока свою наживешь – глядишь, жизнь уже прожита... Кто знает, может, так и должно быть...

– Я буду слушать внимательно!

– Будешь-то будешь, а прибавится ли от этого ума? Вот скажи, тебе никогда в голову не приходило, что главный наш враг – это язык? Держи рот на замке – убережешься от многих неприятностей.

– Это правильно, – сказала Сюзи. – Но не получается у меня молчать.

– А ты учись – всему на свете можно научиться. Теперь дальше. Что ты, что я – обе любим высказывать собственное мнение. Но если разобраться, какое оно собственное? Мы просто повторяем, что слышали или в кино видели. А промолчать боимся. Вот тебе и второе правило: придержи свое мнение, потому что нет у тебя никакого мнения.

– И много у тебя таких правил?

– Да на целую книжку хватит, – сказала Фауна. – Представляешь, книжка под названием – «В назидание женщинам»... Итак, правило третье. Учись слушать собеседника. Это вроде бы легко, но ведь никто не слушает! Зато если научишься слушать, можешь узнать много интересного... Вот мужчина что-то сказал, тебя это заинтересовало – так ты этого не скрывай! Вникни в его мысли, а не ломай голову, что бы самой такое ловкое вставить.

– Да, – вздохнула Сюзи, – неплохо бы мне этому научиться...

– Погоди, это еще не все. Осталось самое трудное правило, оно же самое легкое.

– Какое по счету?

– Не помню, я уже сбилась. Правило такое. Всегда оставайся сама собой, никем не притворяйся... Не делай вид, будто знаешь то, чего не знаешь: рано или поздно выплывет... И держи еще к этому правилу довесок: никогда не стесняйся спрашивать, за спрос денег не берут. Допустим, Док скажет слово, а ты не знаешь, что оно значит. Так не бойся, спроси! Если хочешь знать, люди больше всего на свете любят учить других тому, что непонятно. Вот и давай им такую возможность!

Сюзи молчала, глядела на свои руки.

– Красивые у тебя ногти, – сказала Фауна. – Как ты за ними ухаживаешь?

– Это меня бабушка научила. Надо вымыть руку и подержать ее в настое из сухих лимонных корок. Потом насыпать на ладонь пудры и вот так пополировать ногти. А лунки делают палочкой из лимонного дерева.

– Ну, теперь поняла? – спросила Фауна.

– Что поняла?

– Я просто задала тебе обыкновенный вопрос.

– А я-то как дуручка попалась, – Сюзи покраснела,

– Почему как дуручка? Мне в самом деле интересно, вот я и спросила... Лучше всего спрашивать, когда интересно.

– Какая ты молодец! – зачарованно сказала Сюзи. – Спасибо за советы. Только вот смогу ли я всему этому научиться?

– Сможешь. Только надо еще кое-что крепко запомнить. Во-первых, ты – Сюзи, и никто другая! Во-вторых, ты чего-нибудь да стоишь! Другой такой в целом мире нет. Почаще повторяй это про себя – полезно. Дальше, запомни, что ты на свете очень многого не знаешь. А чтобы узнать – надо присматриваться к жизни, читать, людей спрашивать. Хуже нет, когда человек никого, кроме себя, не замечает – жалкая это жизнь...

– А что в-четвертых? – с любопытством спросила Сюзи.

– Я горжусь тобой. Умеешь слушать. Четвертое – самое трудное – соображения требует. Итак, ты – расчудесная. Но учти – всем на тебя наплевать. Никто про тебя не думает, все заняты собой. Как же сделать, чтоб тебя заметили?.. Запомни: хочешь обратить на себя внимание, заговори с человеком о нем самом – проверенный способ! Видишь в нем что-то хорошее, красивое, умелое – скажи ему об этом. Однако льстить и притворяться не стоит... Дальше, дерись только тогда, когда у тебя нет другого выхода. Не затевай первая драку, а если дерутся другие, не торопись, не ввязывайся... Самый лучший способ защиты – быть беззащитной... Итак, человек обратил на тебя внимание; и он тут же захочет что-нибудь для тебя сделать. И ради бога, пусть делает. Не гордись: мол, ничего мне ни от кого не нужно, – так только дураки говорят... Потому что для человека в жизни самая большая отрада – дать что-то другому и знать, что дар твой – нужен. Не думай, это не чушь. Это еще как работает! Попробуй, сама увидишь...

– По-твоему, Док клюнет на эту удочку?

– Конечно. Что он, не человек, что ли?

– Слушай, Фауна, – сказала Сюзи, – неужто ты сама ни разу не была замужем?

– Нет.

– А почему?

Фауна улыбнулась.

– Покуда я узнала все то, что тебе наговорила, годики мои ушли...

– Фауна, ты самая лучшая в мире!..

– Ну вот видишь... Я уже и растаяла, как сливочное масло... Я хочу тебе подарить эту горжетку.

– Зачем, не надо.

– Все, я решила. Бери, и никаких разговоров!

– Ладно, большое спасибо... Ты не могла бы записать свои советы, я их наизусть выучу.

– Хорошо, напишу. Да, еще... Прежде чем сказать что-нибудь Доку – скажи это заранее в голове и вроде как подчисть...

– Чтоб без грубых слов?..

– Без грубых слов само собой; вообще, прежде чем что-то сказать, подумай, а стоит ли? Ведь большая часть разговоров – просто шелуха... Ну, теперь вроде все, можешь идти.

– Фауна, что мне для тебя сделать?

– Что сделать? Повторяй-ка за мной. Я – Сюзи и никто другая.

– Я – Сюзи и никто другая.

– Я чего-нибудь да стою.

– Я чего-нибудь да стою.

– Другой такой в целом мире нет.

– Другой такой в целом... Ой, Фауна, я сейчас заплачу, глаза будут красные.

– Ничего, от этого они только краше, – сказала Фауна.

В семь часов вечера Док, в рубаше с расстегнутым воротом, в кожаной куртке, в старых галифе, стоял у дверей «Медвежьего стяга».

– Извини, – сказал он, бросив взгляд на Сюзи, – я забыл позвонить по одному важному делу... я скоро...

Через десять минут он снова вышел из лаборатории. На нем были чистые брюки, твидовый пиджак и галстук, который он уже сто лет не надевал.

Фауна взглянула на Дока у крыльца под фонарем.

– Ступай, золотко, – сказала она Сюзи. – Первый раунд ты выиграла – по очкам...

23. Ночь любви

Из всех греков, рожденных в Америке, только один прозывается Сынок. Сынок держит на монтерейской пристани ресторанчик с баром. Сынок – толстяк и все продолжает толстеть. Родился он в Сан-Франциско, рядом с Сутро-парком, учился в обычной американской школе, и все же в нем непостижимым образом живет тайна Ближнего Востока. Его безупречно круглое лицо отчего-то заставляет подумать о Восточном экспрессе и красавицах-шпионках. Его густой голос звучит заговорщически. Он скажет вам «добрый вечер» – и вы почувствуете, что впутаны в международную интригу. Ресторан доставляет ему друзей и деньги. Пусть самому ему пристало обедать в другом ресторане – на берегу бухты Золотой Рог, где веют ветры с двух морей, – обедать инкогнито, в черной накидке с капюшоном, в обществе балканских герцогинь, – однако и собственное его заведение в Монтерее тоже недурно... Остается добавить, что Сынок знает столько чужих секретов, сколько никто другой в городке: ведь мартини Сынка – эликсир правдивости и одновременно детектор лжи. Истина не просто находится в вине, она еще и выходит порой наружу.

Остановив свой старый автомобиль перед рестораном Сынка, Док выскочил, забежал с другого бока, отпахнул дверцу, протянул руку. «Я сама! Что я, немощная?» – чуть не слетело с уст Сюзи, но тут она вспомнила совет Фауны – и прикусила язык. Она дала поддержать себя под локоть: это прикосновение оказалось волшебным – строптивый огонек в ее глазах погас, зато плечи свободно расправились.

Док растворил перед Сюзи дверь бара и посторонился, пропуская. Завсегдатаи на высоких стульях у стойки дружно обернулись. Взгляды перебежали с хорошенького лица на хорошенькие ножки, немного задержавшись на куницах. Сюзи в страхе приостановилась: вдруг кто-нибудь узнал? Но нет, все смотрят как на незнакомку.

Сынок, обогнув сбоку стойку, выкатился навстречу.

– Добрый вечер. Ваш столик готов. Желаете коктейльчик здесь или подать туда?

– Спасибо, мы, пожалуй, сразу сядем за стол, – сказал Док.

Сынок с поклонами повел Сюзи в ресторанный зал. Сюзи шла своей чудесной походкой, следом, в полшаге – Док; Сынок заговорщически шептал ему в ухо:

– Все сделано, как просила по телефону ваша секретарша. Ведь это была ваша секретарша?..

– Да... – Док едва нашелся от удивления, – у меня работает одна дама...

– А кто ваша прекрасная спутница? Она в наших краях недавно?..

– Да, недавно. – Док догнал Сюзи.

– Сюда, прошу вас. – Сынок подвел их к круглому столику перед камином. В камине потрескивали душистые сосновые поленья. На столике красовалась ваза с дикими ирисами. Как солдатики, стояли в стаканчиках хлебные палочки. По-хитрому сложенные салфетки были как маленькие короны. Это был лучший столик в зале, уединенный и в то же время удобно расположенный, с хорошим освещением.

Сюзи стрельнула глазами кругом. На других столиках цветов не было. Сюзи подошла к столику, и тут с ней случилось невиданное: вместо того чтоб сразу усесться, она подождала, пока Док отодвинет для нее стул; сев, она улыбнулась Доку и сказала: «Спасибо».

Сынок завис над столиком:

– Хорошо, что от вас был звонок заранее... Помпано – рыба редкая, но я достал... Как насчет коктейля? Вино охлаждается...

– Пожалуй, – сказал Док. – Помните, вы как-то угощали меня одним интересным напитком?

– Как же, как же, – сказал Сынок. – Коктейль «Мысли побоку» – мартини с шартрезом вместо вермута. Славная штука.

– И главное, хорошо действует. Нам пару двойных.

– Сей момент, – Сынок сделал кому-то знак. – Я приглашал Тони играть на пианино, как вы велели, но он заболел...

Док испытующе поглядел на Сюзи: может, она знает, что все устроено Фауной? Да нет, непохоже.

Стремительность, с какой появились коктейли, обличала их заблаговременное приготовление. Наверное, даже если бы Док и не заказал «Мысли побоку», то все равно получил бы именно этот напиток...

Начиная примиряться с галстуком, Док улыбнулся Сюзи, а сам подумал: что это за штука в женщине, красота? То ее нет, то она есть. Сюзи, которая сидит перед ним, ни капли не похожа на вчерашнюю, грубую, скандальную.

Док поднял бокал.

– Ты сегодня очень красивая. Спасибо, что составила мне компанию. Выпьем за нас!

Сюзи сделала глоток, чуть не поперхнулась – слезы выступили на глазах.

– Извини, забыл предупредить, – сказал Док, – ходит слух, что этот напиток делают из яда гремучих змей с опиумом.

Сюзи наконец-то обрела дар речи:

– Ничего, даже вкусно. Просто забыла, что надо задерживать дыхание. – Ой, не то говорю, мелькнуло в голове. Забыла все советы. Но Док хорошо, по-доброму улыбается – значит, все в порядке.

Краем глаза Сюзи видела официанта: он похаживал ненавязчиво в некотором отдалении, готовый явиться на малейший зов... Тут Сюзи сделала открытие: когда чувствуешь себя неуверенно – не спеши, не суетись. Она неспешно повернула голову в сторону официанта – официант отплыл в сторону. Нет, действительно, делать все неспешно – это и вправду замечательное открытие! Она медленно подняла бокал, внимательно посмотрела в него на свет, сделала глоток, подержала немного в руке и только потом поставила. Неспешность всему придает смысл, царственный смысл. Люди, не уверенные в себе, озабоченные – вот кто дергается, суетится. Принуждая себя к неспешности, Сюзи чувствовала, как входят в душу неведомые прежде уверенность и спокойствие. Только бы не забыть об этом открытии, сказала она себе. Не спеши, не спеши!

Док дал ей сигарету, чиркнул спичкой: Сюзи тянулась к огоньку так долго, что огонек

спустился к самым пальцам Дока... Ласковое тепло влилось в тело Сюзи. Она чувствовала себя свободно – не развязно, а просто раскованно.

– Они знают... кто я такая?

Коктейль «Мысли побоку» действует на всех. Док ответил:

– Они знают, что ты со мной. Какого им еще черта знать? Ну что, еще по одной?..

Не успел Док подозвать официанта, а коктейли уже подали (Сынок всеми силами споспешествовал интриге; если же это не интрига, а просто человеческий праздник, – что ж, он тоже за).

– Люблю смотреть на огонь, – сказала Сюзи. – Где мы раньше жили, там был камин.

– Какая ты красивая! – сказал Док. – Ну надо же какая ты красивая!

Сюзи не сказала ни того, что ей пришло на язык сразу, ни того, что немного погодя, – опустив глаза, она помолчала, потом вымолвила тихонько: «Спасибо».

В личном сопровождении Сынка показался официант, несший ведро с остуженными бутылками «шабли». Сынок придирчиво оглядел столик, осведомился:

– Ну как?..

– Все превосходно, – сказал Док.

– Можно подавать кушанья?

– Да-да, пожалуйста.

А Сюзи все не могла нарадоваться на свои открытия: не спеши, смотри в оба, поменьше болтай.

Холодный рак в расколотом панцире и помпано были новыми для нее блюдами, она не умела с ними управляться. Поэтому делала все, как Док, но с небольшим отставанием; Док и не заметил, что она за ним повторяет...

Подали шампанское, фрукты и сыр. В этот миг Сюзи пришла какая-то неясная мысль – и мигом переполнила ее существо. Колени задрожали, кровь застучала в висках. Только не надо суетиться, напомнила себе Сюзи. Посмотрела на языки пламени в камине, медленно повернулась к Доку.

– Я отлучусь ненадолго.

– Конечно, пожалуйста, – Док подлетел, помог отодвинуть стул. Не чуя под собой ног, Сюзи царственно прошагала к двери. Док посмотрел ей вслед. Непостижимо, подумал он, но к ее походке больше всего подходит слово «девственная»: походка говорит об одиночестве и о величайшей скромности. Откуда такая перемена? Может быть, это актерская игра; Фауна ее вышколила? Но нет, как ни играй, не сыграешь таких глаз, не сумеешь так чудесно краснеть. Док покрутил шампанское в серебряном ведре и поймал себя на том, что ждет не дождется возвращения Сюзи. Глаза его против воли вперились в темное окно, в котором отражалась дверь туалета.

Тем временем за этой дверью Сюзи намочила бумажную салфетку и приложила ко лбу. Погляделась в зеркало, не узнавая собственного лица. «Терпеть ненавижу рыбу, – громко произнесла Сюзи. – Меня от нее всегда тошнит. Однако сегодня почему-то не тошнит...» И

тут наконец мысль, так поразившая ее за столом, обрела четкость: Сюзи уразумела символ, таинственный и неотвратимый знак Судьбы! Как можно было не понять этого сразу... Судьба не просто указывает путь, а прямо-таки тянет за руку! Перед глазами Сюзи вновь возникли два блюда: на одном клешни рака, на другом рыба. Рак и рыба! Рыба и рак! Гороскоп! Они с Доком съели свои знаки зодиака...

– Боже мой! – вымолвила Сюзи и слепо вверилась Судьбе.

Сынок подошел к столику.

– Ну как? Все в порядке?

– Да, спасибо.

– Все в точности, как вы наказывали...

– ?

– То есть не вы, а ваша секретарша.

– Да, да, – сообразил Док, – все, как я просил...

Когда Сюзи вернулась, жизнь ее была осенена новым смыслом. Человек силен не тогда, когда борется с Судьбой, а тогда, когда действует с ней в согласии: все силы можно употребить в одном направлении.

Док поставил стол поудобнее для Сюзи, хлопнул шампанским, понюхал пробку.

– Ну как? – спросила Сюзи.

– Вполне, – ответил Док.

Сюзи взяла пробку со столика, повертела в руках: какая красивая; незаметно положила в сумочку, на память. Взяла из вазы ирис.

– Ты любишь шампанское? – спросил Док.

– Да, очень, – ответила она (интересно, какое оно на вкус, никогда в жизни не пробовала). Шампанское и правда оказалось чудом.

– Знаешь, – сказал Док, – там в дюнах есть такие маленькие ложбинки, защищенные соснами. Давай как-нибудь, как у тебя будет время, сходим туда. Возьмем припасы – мясо и все такое, разведем костер, сготовим ужин. Вот будет хорошо.

– Это тебе огонь в камине подсказал?

– Да. Как ты все хорошо понимаешь...

– Может, ты мне как-нибудь расскажешь об этих разных штуках, что у тебя в лаборатории?..

– Конечно, расскажу. – Сердце Дока вздрогнуло и потянулось к Сюзи. Однако он страшился

ее незнакомой скромности. Он отвел глаза от ее глаз – посмотрел на дикий ирис у нее в руке. – Знаешь, есть старая валлийская легенда... как один бедный рыцарь сделал живую деву из цветов..

Сюзи уже порядком захмелела. Она два раза проговорила фразу про себя, прежде чем сказать вслух:

– Надеюсь, она не завяла?

Тут-то наконец и вырвался из самого докова нутра нижний голос.

– Знаешь, мне так одиноко... – Док произнес это почему-то спокойно и сам удивился своим словам. И тут же бросился извиняться: – Я что-то не то говорю, я, кажется, немного пьян. – Еще больше смутился. Наполнил бокалы. – Черт подери! Давай, что ли, тяпнем бренди!

Сюзи наполовину отвернулась, на фоне пламени очертился ее профиль.

– Ты хорошо помнишь то место, про которое говорил, – в дюнах?

– Да.

– Можно нам туда заглянуть?

– Конечно. Когда?

– Сейчас, по пути домой.

– Ты туфли испортишь.

– Ну и что.

– Правда, их можно снять.

– Так мы и сделаем, – сказала Сюзи

24. Томительная пятница

Не всякий полагает пятницу днем несчастливым, однако почти все сходятся на том, что это день томительный. В деловом мире в пятницу уже не заключают сделок... Для школьников она вроде запертой калитки, за которой свобода... Пятница, она уже не работница, но еще и не отпускница, – одним словом, ожидательница. Она не годится ни для дел, ни для развлечений... Женщины обзеревают гардероб, прикидывают, что надеть наутро... За ужином уничтожаются недельные объедки...

В «Медвежьем стяге» Джо Элегант объявил, что зажарит на ужин остатки камбалы... «Мокрые спины» вернулись из очередной славной гастрольной поездки; Патрон с великим почетом проводил их в комнаты над лавкой, выдал каждому по бутылке крепкой мексиканской водки – текилы. На всякий случай он держал наготове и снотворное: на «мокрых спин» порой нападала свирепая тоска по родине, и они начинали искать, с кем бы подраться; пусть уж лучше спят.

Док встал в пятницу поздно и тут же отправился в лавку за пивом. За прилавком стоял Джозеф-Мария, веселый и собранный. Сверху волнами накатывало пение.

- Ну как вчера повеселились?– осведомился Патрон.
- О чем это ты?
- В ресторане, спрашиваю, посидели хорошо?
- Да, – Док словно точку поставил.
- Слушай, Док, ты бы поучил меня еще в эти свои шахматы.
- Все не веришь, что в шахматах нельзя жульничать?
- Почему, верю. Просто хочу разобраться получше... У меня, кстати, есть ящик «богемского» пива, из Мексики. Холодное.
- Да, это вещь, – сказал Док. – Самое знатное пиво во всем западном полушарии.
- Тогда я тебе его дарю.
- Что это ты вдруг?
- Так, ничего. Настроение хорошее.
- Ладно, спасибо... – Док начал понемногу беспокоиться.

Дальше – больше. Шагая обратно в лабораторию, он все время чувствовал на себе взгляды. Это все бренди, подумал он. Не надо было вчера пить бренди. Черт знает что чудится! Нервы!

Док сделал яичницу из двух яиц, сдобрил ее приправой из куркумового корня, чеснока и пряностей. Потом взглянул на таблицу приливов и отливов во вчерашнем «Монтерейском глаштате». Так, сегодня в два часа восемнадцать минут приличный отлив, вполне можно набрать хитонов и змеехвосток, если, конечно, к тому времени не задует ветер с моря, не нагонит воды... От «богемского» Док немного успокоился, хотя по-прежнему испытывал какую-то смуту. И любимая яичница с приправой в этот раз показалась не слишком вкусной.

В дверь постучали, вошла Фауна. Щелкнула пальцами на гремучих змей.

- Привет, Док. Как самочувствие?
- Нормально.
- Много вчера выпил?
- Да не то чтобы очень.
- Стол понравился?
- Да, отличный. Ты знаешь, что заказать.
- Еще бы я не знала. Ну как, согласен на дополнительный раунд? Верно я про Сюзи тебе говорила?
- Верно. Кстати, как она?
- Спит еще.
- А я сейчас уйду на промысел – скоро отлив.

– Сказать ей, где ты?

– Не надо, с какой стати... Вот сумочка ее у меня, уволок нечаянно. Ты бы захватила.

– Что, у Сюзи ног нет? Сама придет да заберет.

– Меня дома не будет.

– Ничего, когда-нибудь вернешься.

– Слушай, – сказал Док, – куда ты гнешь?

Так его и разозлить недолго, подумала Фауна, и тут же заспешила домой.

– Пойду я, дел много. Ты на меня не сердисься?

– За что же мне сердиться?

– Ну, пока. Если чего понадобится, скажи.

– Фауна, а можно тебя спросить... – начал было Док и замолчал.

– Что? Спрашивай.

– Ладно, раздумал. Какое это имеет значение...

Когда Фауна вернулась в «Медвежий стяг», Сюзи сидела сгорбившись над чашкой кофе.

– С добрым утром, – сказала Фауна. – Что молчишь? Отвечать надо, когда здороваются.

– Да, прости, пожалуйста. Доброе утро.

– Ну-ка, посмотри на меня.

– Ну, смотрю.

– Ладно, все ясно...

– Что ясно? Ты ведь ничего не знаешь.

– Хорошо, не знаю. И вообще, какое мне дело? Джо, принеси мне тоже кофе! – Фауна катнула к Сюзи круглую жестяную коробочку с таблетками от головной боли.

– Спасибо, – Сюзи положила в рот три таблетки, запила кофе.

– Док на свой промысел отправился, – как бы между прочим сказала Фауна.

– Ты у него была?

– На улице встретила. Ну, как там у вас вчера?

Сюзи подняла голову, широко распахнула глаза – словно душу распахнула.

– Он до меня за весь вечер ни разу не дотронулся, – произнесла она чуть слышно. – Мы с ним гуляли в дюнах, он ко мне даже не прикоснулся.

Фауна улыбнулась.

– Ну, а говорил-то он с тобой хорошо?

– Да, немного говорил, но душевно.

– Это радует, – сказала Фауна.

– Я, наверное, сумасшедшая. Я ему всю свою жизнь рассказала...

– Почему же сумасшедшая. Молодец.

– Сама рассказала, он и не спрашивал.

– Ну, а сам он что говорил, что рассказывал?

– Рассказывал: жил-был давным-давно один парень, сделал себе живую девушку из цветов...

– Это еще зачем, господи прости?

– Кто его знает. Но когда рассказывал, мне это было понятно.

– А еще что говорил?

– Понимаешь, там, в дюнах, больше говорила я, а он слушал. А как замнусь, в словах запутаюсь, он поможет, направит так ласково...

– Да, – сказала Фауна с гордостью, – у него на это талант.

– Ой, чуть не забыла! – Глаза Сюзи чудесно заблестели от волнения. – Я сроду не верила в гадание по звездам, но вчера!.. Знаешь, что нам подали на ужин?

– Шампанское? – спросила Фауна.

– Ни за что не угадаешь. Рыбу и рака. И меня от рыбы даже не затошнило.

– Ну и что?

– Как что! Помнишь, ты говорила, будто я Рыба, а он Рак?

Фауна отвернулась, скрывая улыбку:

– Что-то у меня в носу свербит. Наверное, простуда начинается...

– А может, это неспроста, что мы съели свои знаки зодиака? Может, это судьба?

– Что ж, очень вероятно. Просто так на свете ничего не бывает.

В глазах Сюзи сверкнуло ликование:

– Съели мы свои зодиаки, а он потом и говорит: «Знаешь, мне так одиноко...»

– А вот это на него не похоже! Неужто выдумал, чтоб завлечь?

– Нет, не понарошке он это сказал. Слыхала я в жизни такие речи, чай, отличила бы. Он сказал это как будто против своей воли, даже сам удивился! Ну, что ты про все это думаешь, Фауна? Не молчи.

– Что я думаю? Думаю, что скоро у меня будет еще одна золотая звездочка.

– Да как же это? Если, предположим – ведь ничего, что я так говорю? – предположим, я к нему перееду. Через дорогу. Но ведь все люди знают, где я работала. Не будет ли его это задевать?

Фауна фыркнула.

– Как будто он сейчас не знает, где ты работаешь... Сюзи, дочка, обещай мне одну вещь. Никогда не убегай от призраков, незачем. Будь человеком – никто тебя не обидит... И мужик, который бежит от судьбы, тоже далеко не убежит. Она его сама найдет.

– А Док?

– Что Док? Если он решит, что ты для него не хороша, значит, сам он тебя не стоит.

– Я не хочу его ловить ни в какие капканы...

Фауна улыбнулась своим мыслям и ответила:

– Не волнуйся, мужик – это такой зверь, что сам капкан насторожит, сам приманку положит, да сам в него и попадет. Ты, знай, спокойно жди. Делать тебе ничего не надо. А не будешь ничего делать, так никто потом и не скажет, что ты его в капкан поймала.

– Но ведь он мне пока не говорил... что я ему нужна...

– Ишь чего захотела. Мужики такого говорить не любят.

– Ой, у меня даже дух захватывает...

– Между прочим, – заметила Фауна, – ты за все утро ни одного скверного слова не произнесла!

– Правда? – удивилась Сюзи.

– Не скрою, когда я отдавала замуж своих прежних золотых звездочек, для меня это была большая потеря. А тебя отдать – совсем не жаль. Никакого убытка. Знаешь, что про тебя Патрон говорит: эта, мол, в дело не годится, задница слишком маленькая, а грудь слишком большая...

– Я только не хочу, чтоб люди думали, будто я за Доком бегаю, хочу на себе женить!

– Успокойся, ни за кем ты не бегаешь. И не будешь бегать. Знаешь, что мы с тобой сделаем...

– Фауна посмотрела на Сюзи, что-то соображая. – Уезжай-ка ты сегодня из города, проветришь.

– Куда же я поеду?

– А хоть бы в Сан-Франциско. С поручением – возьмешь один сверток из моего сейфа в банке. А заодно купишь себе кое-какую одежду. Во-первых, шляпку. Во-вторых... купи-ка себе, пожалуй, хороший костюм, чтоб на несколько лет хватило. Походи там по улице Монтгомери, приглядишь, что нынче модницы носят, какой материал в почете... Сразу не покупай, погуляй по магазину для приличия, толком все посмотри. Вернешься завтра.

– Чувствую, ты хочешь меня на сегодняшний день сплавить.

– Верно чувствуешь.

– А зачем?

– Это уж, милочка, не твоего ума дело... Автобуса есть два: в два часа и в четыре. На каком поедешь?

– На четырехчасовом.

– Что так поздно?

– Ты говоришь, Док на промысле? Пока он ходит по берегу, я приберусь у него в лаборатории. Там ведь сто лет женская рука не прикасалась.

– Смотри, еще рассердится!

– Ничего. Я ему поставлю мясо тушиться, на медленном огоньке. Я такое мясо умею, пальчики оближешь.

Сюзи вышла из-за стола и бросилась на шею к Фауне.

– Брось свои телячьи нежности. Иди. Я тебе и так уже свой лучший мех подарила. Не говори мне больше жалостливых слов.

– Что я тебя люблю?

– Ну вот, опять...

– Ладно, ладно, не буду.

25. Брехуня

Док вернулся с промысла в половине пятого. Более сотни хитонов были привязаны нитями к стеклянным пластинкам; в дорожных деревянных ведерках с морской водой копошились сотни змеехвосток.

Умерщвление морских организмов – дело весьма тонкое и сложное. Морской зоолог стремится к тому, чтобы животное сохранило свой прижизненный облик, – но в полной мере этого достичь не удастся. После смерти у животных, так же как и у нас, изменяется цвет. Кроме того, если умерщвлять с помощью грубых средств, сокращаются мышцы; змеехвостки, в яростной борьбе за жизнь, могут отторгать лучи...

В комнате, выходявшей окнами на улицу, Док отцедил из деревянного ведерка часть воды. Пересадила змеехвосток в стеклянную плоскодонную ванночку, влил им немного морской воды. Маленькие животные забились, зашевелили змейками лучей. А когда утихомирились, легли спокойно на дно. Док добавил в морскую воду чуточку пресной. Лучи беспокойно дернулись. Док подождал, потом подлил еще толику пресной воды. Пресная вода – яд для морских животных; если вводить ее постепенно, она действует вкрадчиво, словно морфий. Животное расслабляется, погружается в сон и умирает ненасильственной смертью.

Док уселся ждать, пока подействует яд. И вдруг ощутил какое-то смутное беспокойство. Что-то неладно. Что? Вроде ничего такого не случилось. Самочувствие нормальное, утренняя мнительность прошла. Ах, ну конечно! Подсознание напоминает: ящик богемского пива, подарок, остался у Патрона. Док посмотрел в окно на лавку. Стоп, здесь тоже что-то не так. И вдруг он понял, что: окна – чистые! Док обернулся, оглядел лабораторию. Пластинки не

валяются где попало, а аккуратно стоят на полу. Пол блещет чистотой. И запах... в комнате пахнет мылом.

Док отправился на кухню. Тарелки вымыты. Сковородки отдраены, блестят. Из чугунок на газовой плите вкусный дух. Док приподнял крышку. Тихо побулькивал коричневый мясной навар с луковками и морковками. Белый корешок сельдерея плавает, как рыбешка...

Док вернулся к рабочему столу, снова огляделся. Койка застлана прилежно, без единой морщинки; подвернутая под матрас простыня – чистая. Из-под койки, как по ниточке, торчат острые мыски старых штиблет... Дока вдруг охватило чувство сиротства – и странная теплая грусть.

Бедная, подумал он, бедная девочка. Неужели она хочет меня отблагодарить; надеюсь, я не сделал ей ничего дурного. Господи, уж не подумала ли она?.. Что я ей так вчера спьяну наговорил? Плохого-то ничего не сделал а вот не ляпнул ли чего? Ни за что на свете не хотел я обидеть Сюзи, ни словом, ни делом. Док опять оглянулся по сторонам. Да, чистоту она наводит умеет. И мясо тушеное, наверное, на славу... Док подлил пресной воды в стеклянную ванночку: от новой порции яда змеихвостки едва шевельнулись. Лучи их уже начинали завиваться в мелкую спираль.

Чистота в лаборатории будоражила Дока, вместе с тем он ощущал в себе непривычную тишь: нижний голос молчал, убаюканный где-то в потаенных глубинах. Док подошел к полке с пластинками: так, Бах... не то, Букстехуде – не то, Палестрина – опять не то. Но вот рука его набрела на альбом, который он не заводил уже давно. Еще не поняв толком, что это, Док раскрыл альбом. Усмехнулся, поставил первую пластинку. Зазвучала увертюра «Дон Жуана» Моцарта. Док, улыбаясь, пошел на кухню, помешал в чугунок. «Ишь ты, – сказал он вслух. – Выходит, я воображаю себя Дон Жуаном? Да нет, какой из меня Дон Жуан. Тогда отчего же я чувствую себя таким счастливым и гадким?» Док бросил взгляд на стол, где лежали аккуратной стопкой желтые блокноты и рядом – желтые карандаши. «Что ж, попробуем что-нибудь сотворить...» Но в этот миг суетливо скрипнули доски крыльца – и в лабораторию ворвался Брехуня.

Писать о Брехуне – чистое сумасшествие, но коль скоро он появился, у меня нет другого выхода... Люди, которым случалось с ним общаться хоть сколько-нибудь продолжительное время, потом долго не могли опомниться. Кто поумнее, для своего же спокойствия старался себе внушить, что этот человек им попросту приснился. Назвать настоящее имя Брехуни я не могу по той причине, что оно встречается слишком уж на многих бронзовых дощечках, которые гласят: «Создано на пожертвования такого-то».

Брехуня был с рождения богат, причем настолько, что просто не признавал своего богатства. Ему казалось, что все люди таковы. Он считался ученым, однако талант он был или бездарь – никто не ведал; поинтересоваться этим открыто не осмеливались: ведь он учредил столько научных фондов, финансировал столько разработок, заседал в стольких попечительских советах! Он шутя отваливал миллионы, но при этом был не прочь поесть-попить за счет друзей... Он имел множество ученых регалий, однако некоторые люди втихомолку не без ехидства думали, что регалии ему присуждают лишь в расчете на пожертвования, что он как студент-футболист, которому платят стипендию отнюдь не за успеваемость...

Брехуня был коренастый, как пенек; волосы цыплячьего цвета росли кружком вокруг лысого темени. Глаза у него были блестящие, птичьи. Брехуня интересовался всем на свете. Он изучал окружающую действительность так рьяно, что совершенно разучился судить о ней здраво. Порой Док находил Брехуню забавным, но чаще впадал в отчаяние от его неумной, близорукой восторженности.

Брехуня имел привычку разговаривать ором, ибо считал, что от этого речь яснее.

- Получил мою телеграмму? – проорал Брехуня с порога.
- Нет.
- Я к тебе на день рождения приехал! Всегда помню. Ведь сегодня сожгли Джордано Бруно!
- У меня день рождения не сегодня.
- Правда? Какой же у нас сегодня день?
- Пятница.
- Да? Ну ничего, я подожду.
- Долго ждать придется. День рождения в декабре. И койка у меня всего одна.
- Не беда. Посплю на полу. – Брехуня протопал на кухню, снял с чугунок крышку и принялся поедать тушеное мясо, отчаянно на него дуя.
- Стой, еще не готово! – Док с раздражением понял, что и сам кричит.
- Еще как готово! – громогласно заверил Брехуня, продолжая чавкать.

Док сказал:

- Тут ко мне заезжал Хитцлер. Рассказывает, тебя видели на газоне в университете Беркли, будто ты стоял на карачках, тащил зубами из земли червяка. Что это еще за глупость?
- Это не глупость... Слушай, почему у тебя мясо не готово?
- Я ж тебе говорил!..
- В самом деле?.. Так вот, дорогой мой, это не глупость! Я, видишь ли, изучал, как малиновки добывают червей, так сказать, свой хлеб насущный. И стало мне интересно, какое же усилие они при этом прилагают. Я установил у себя во рту маленький силомер. Вытащил из земли сорок восемь экземпляров. И представляешь, что получается? Получается, что птаха весом в три унции выжимает двадцать две унции – в семь раз больше собственного веса. Неудивительно, что они такие прожорливые. Пока еду добудешь – проголодаешься... Любишь малиновок?
- Не знаю, не особенно, – отвечал Док. – Ты что, так весь мой обед и слопаешь?
- Угу, слопаю, – подтвердил Брехуня. – Только он еще не готов. А выпить, часом, у тебя не найдется?
- Сейчас пива принесу.
- Отлично! Тащи побольше.
- А у тебя случайно не найдется пары монет?
- Не найдется. Ни гроша.
- Что?! Ведь у тебя денег куры не клюют!
- Скажешь тоже...
- Нет, правда, подкинь немного денег.

– Не могу, поиздержался.

– Врешь! – сердито сказал Док. – Все знают, что ты денежный мешок!.. И хоть бы раз за выпивку заплатил... Я уж молчу, что я из-за тебя чуть по миру не пошел. Кто хозяйничал у меня в лаборатории, пока я был в армии? Где банки с препаратами? Я, конечно, не утверждаю, что ты их стянул, но сомнение невольно возникает. Где они? Говори, брал?

– В общем-то, да, – признался Брехуня. Потом прибавил задумчиво: – Эх, жалко, что ты не какое-нибудь заведение...

– Я? Заведение?

– Ну да, учебное или благотворительное... Я бы тебе денег пожертвовал...

– Если бы да кабы... Пожертвуй хотя бы пару долларов на пиво, если хочешь сделать доброе дело... – Док вдруг устало расхохотался: все же смешного здесь больше. – Господи, разве бывают на свете такие люди. Это же сама несуразность в человеческом обличье!..

– А у тебя мясо горит, – заметил Брехуня.

Док подскочил к плите, сдернул чугунок.

– Ну еще бы не горело! – промолвил он с горечью. – Ты же выхлебал весь соус!

– А что, было очень вкусно.

В лавке Док сказал Патрону:

– Мне дюжину пива, баночного.

– А почему свое «богемское» не забираешь?

– Целей будет, – отвечал Док. – У меня в гостях... – Тут ему в голову пришла злая мысль, – у меня в гостях один очень интересный человек! Пойдем ко мне, посидим, выпьем по стаканчику. Бреху... в смысле, мой гость, про шахматы лучше меня растолкует.

– А что, пойдём, – согласился Патрон.

– Может, мне захватить бутылочку?

– Захвати.

Переходя улицу, Патрон спросил Дока:

– Будешь завтра на вечеринке?

– Буду.

Патрон сказал:

– Слушай, Док, ты мне очень нравишься. Только я тебя не понимаю. Разве бывают на свете такие люди, как ты?

– А что во мне, собственно, странного?

– Ты... как бы это сказать... ты вроде своих шахмат. Я совсем не могу тебя понять.

– Ничего удивительного, ведь ни один человек не воспринимает другого как реальное существо. Это еще что. Я вот тебя сейчас познакомлю с человеком, факт существования которого вообще противоречит объективной реальности...

– Ты это... не надо такими словами, – сказал Патрон с беспокойством.

Они поднялись на крыльцо. Брехуня встретил их громкими криками:

– Слушайте, внимайте – благая весть! Род людской скоро исчезнет!

– Позвольте, я вас познакомлю, – сказал Док. – Джозеф-Мария Ривас – Брехуня.

– Почему нельзя сжульничать в шахматах? – с ходу спросил Патрон.

– Как нельзя? Можно! По крайней мере, можно расстроить планы противника. А это почти то же самое... Так о чем бишь я? А-а, вот! Мы скоро выйдем подобно гигантским рептилиям!

– Интересная новость, – сказал Док,

– Это что ж, никаких людей больше не будет? – спросил Патрон.

– Совершенно верно, молодой человек. Люди долго шутили – и дошутились. Открывайте пиво! Человечество, спасая себя, самое себя уничтожило.

– Кого-кого уничтожило? – не понял Патрон.

– То-то, наверное, боги на Олимпе над нами потешаются, – продолжал Брехуня. – Грядет не Армагеддон, а газовая камера. И мы сами этот газ производим...

– Я, между прочим, собирался сегодня поработать над своей монографией... – сказал Док.

– Отлично! Я тебе помогу, – живо отозвался Брехуня.

– Нет уж, спасибо!

Брехуня повел речь дальше;

– Господа, человек разрешил свои проблемы. Он истребил с лица земли всех хищников, научился защищаться от жары и холода, победил почти все инфекционные заболевания. Старики доживают до глубоких лет, молодые и давно умирать не торопятся. Войны, даже самые кровопролитные, не в силах помешать бурному росту народонаселения. А ведь было время, когда маленькая армия за какой-нибудь год могла уполовинить население страны! Голод, тиф, чума, туберкулез тоже действовали на славу... Маленькая царапина от копья – и пожалуйста вам: заражение и смерть. А сейчас? Знаете, сколько раненых в наше время не выживает? Всего один процент! А лет сто назад не выживало восемьдесят процентов!.. Население растет, плодородие земель падает. Так что в обозримом будущем мы просто-напросто погибнем от обилия себе подобных. Если что-то и могло бы нас спасти, так это регулирование рождаемости, однако человечество эту меру явно не приемлет!

– Жуткое дело, – сказал Патрон. – Какого же черта ты радуешься?

– Как тут не радоваться! Ведь это самая удачная шутка творца! Поглощенные выживанием сами себе готовят почву для вымирания!

– Во загнул! – сказал Патрон. – Ни фиги не понимаю.

Док держал в одной руке стакан виски, в другой – жестянку пива. Делал маленький глоток виски и тут же запивал пивом.

– Так, – сказал он, – разум подсказывает не ввязываться с тобой в спор, а чувства зовут в бой.

– Вот и прекрасно, – сказал Брехуня. – Что там, кстати, у вас? Виски?

– Да, «Старая тенисовка», – ответил Патрон. – Налить тебе?

– Если можно, чуть позже. Еще не пора, – сказал Брехуня.

– Твое дело.

– А вот теперь уже пора, – сказал Брехуня.

– Я смотрю, ты не промах, – одобрительно сказал Патрон.

– Итак, чувства победили, – сообщил Док. – Держись, Брехуня! Ибо ты забыл об одном важном обстоятельстве. Да, действительно, существовали виды, которые вымерли из-за своих изъянов, но все это были виды с малой степенью изменчивости! Теперь возьмем леммингов...

– Но это же совершенно особый случай! – поспешно возразил Брехуня.

– А почему ты знаешь, что мы тоже не какой-нибудь особый случай?.. Что делают лемминги, когда размеры популяции превышают размеры кормовой базы? Плынут целыми стаями в море и тонут, тонут, пока количества животных и кормов не уравниваются...

– Я протестую против примера с леммингами!.. Дай ка мне, пожалуйста, бутылку.

– Плевать я хотел на твой протест... Так что же такое миграция леммингов? Болезнь? Коллективный инстинкт? А может, это психическое явление, которое у одной части животных затем и возникает, чтобы другая часть выжила?

– Все равно, это мошеннический аргумент! – завопил Брехуня. – Моя теория вымирания абсолютно правильна! Не слушайте его, – обратился Брехуня к Джозефу-Марии, – он шарлатан!

– Это я и без тебя знаю, – сказал Джозеф-Мария с восхищением.

Сжимая в руке стакан, Док прицелился указательным пальцем Брехуне между глаз, как из пистолета:

– Что ты там болтал? Болезни перевелись? Нет инфекций? Тишь да гладь? А скажи-ка, разве не растет число нервных расстройств? Поддаются они излечению? А может, наоборот, лечение только способствует их росту? Нет уж, теперь молчи! Довольно тебя слушали. Дальше, не станешь же ты отрицать, что склонность к гомосексуализму растет в геометрической прогрессии? Так не есть ли это новое решение извечной проблемы?

– Не верю, где доказательства? – вскричал Брехуня. – Без доказательств это все болтовня, субъективизм. Может, ты еще скажешь, что у меня того психическое расстройство? Эх, ты... – В глазах Брехуни блеснули слезы. – А еще друг... Мой самый заветный, самый преданный друг...

– Кто? Я? Твой друг?!

– А разве нет?

– Еще чего не хватало.

– Ну и бог с тобой. Лучше скажи, ты думаешь сегодня готовить обед?

– Обед? Ты ведь его уже съел.

– Значит, так. Сейчас ты будешь готовить, – распорядился Брехуня, – а наш друг Уильям-Мария сходит еще за одной бутылочкой виски, а потом мы с ним сыграем в шахматы.

– Он не Уильям-Мария, а Джозеф-Мария!

– Кто? Ах да! Итак, друг мой, я научу тебя величайшей из игр. Шахматы! Бесплотное творение разума! Может, сыграем на деньги?

– Постыдился бы, старый мошенник, – крикнул Док из кухни.

– Ну так как, Мария, поставим долларов по десять?

Патрон пожал плечами, как бы извиняясь перед Доком:

– Что делать, за науку приходится платить.

– Тогда давай уж по двадцать пять, – обрадовался Брехуня. – Чего скряжничать? Один ведь раз живем!

Док тем временем открыл банку лосося и банку спагетти, вытряхнул на сковородку, перемешал. Посыпал сверху тертым мускатным орехом. Потом грустно поставил пригоревший чугунок в раковину, отмокать...

Когда уже почти стемнело, Патрон вернулся в магазин и отправил с Какахуэте третью бутылку виски в лабораторию Дока. А сам поднялся наверх и влился в танец «мокрых спин». Танец этот назывался «Тихий океан»: плавные, колышущиеся волны; печально-величавые движения. «Сандунга, – пели „мокрые спины“, – сандунга мама миа...»

В полумраке лаборатории Док и Брехуня тихо окунулись в третью бутылку «Старой теннисовки».

– Слезай с кровати! – сказал Док. – Я хочу полежать.

– Пожалуйста... Чем старше я становлюсь, тем меньше я жду от жизни. Особенно от моих так называемых друзей...

– Уж чья бы мычала!.. Вылебал соус – погубил обед. Приготовили другой – ты и его слопал. Выпил все пиво, две бутылки виски... Выжил меня с моей кровати, раздавил две пластинки; а еще – не отпирайся, я видел! – прибрал в карман мою авторучку! Я уже молчу про то, что ты нагрел Патрона на двадцать пять долларов. Разве ты имел право врать, что конь в определенных позициях может скакать на три клеточки по прямой? Это, по-твоему, честно?

– Да, ты прав... – сказал Брехуня, любовно обнимая подушку. – Ладно, не грусти, ложись на пол, располагайся как дома. На вот, выпей, станет лучше. Ну как, полегчало?

– Полегчало, полегчало, отвяжись...

– Слушай, а вон то заведение через дорогу, с красным фонарем, оно еще работает?

– Что?! – Док так и подскочил от ярости. – Ах ты старый козел! Чего удумал! Ну-ка ложись спать!

– А в чем, собственно, дело? Почему я должен отказывать себе в женских ласках? Если к тому же цена сходная... О, я уже слышу, как звенят их голоса, вижу, как зыблется их белая плоть...

– Ты заткнешься или нет?

– Что с тобой, дорогой мой? Что-то я не припомню, чтоб ты сам чурался любовных утех. Ты, бывало, не только через дорогу, ты на край света побежишь...

– Слушай, пошел ты к чертовой матери! – сказал Док. – Только, чур, за порог – ни шагу.

26. Буря приближается

В то время, когда Док и Брехуня ссорились из-за проблемы, которую ни тот, ни другой толком не понимал, Мак сидел в кабинете-спальне Фауны. Сидел он вальяжно, держал в руке вазочку из венецианского стекла в виде бутона, полную виски; но на душе у него было смутно. Он рассказывал Фауне о трудностях, с какими давно не сталкивался.

– Ты не подумай, – говорил Мак, – что мы не умеем устраивать вечеринки. Вот, например, как дошла до нас весть, что Гай погиб, мы в его честь такой траурный вечер устроили! Лучше, чем родео в Салинасе! Жалко, самого Гая не было, – вот бы порадовался...

– Слышала я, после того траурного вечера трое вслед за Гаем отправились...

Мак пожал плечами:

– В наше время трудно обойтись без жертв... В общем, были у нас вечера... Но этот случай особый. У всех сердца пылают участием, все хотят сделать Доку подарок. К тому же намечается двойное событие! У нас в Ночлежке расставлены брачные силки! Чувствительная история! Уж так мы растроганы, так мы рады... Да вот беда, нет у нас приличной... – Мак замялся.

– Одежды? – подсказала Фауна.

– Вот-вот. Должно же быть по одежке ясно, кто есть кто. Если лучшие друзья Дока будут одеты как бродяги, то как прикажете одеться бродягам?

– Понимаю, – кивнула Фауна. – Вы, поди, хотите быть при полном параде, в смокингах?

– Боже упаси, – сказал Мак. – Просто приличные штаны и пиджак из той же материи, да еще галстук. Кстати, без галстука вообще никого на вечер не пустим! Да чтоб настоящий был галстук, а не какая-нибудь легкомысленная бабочка! Как-никак серьезное, торжественное событие...

Фауна почесала карандашом макушку.

– Эх, старею я, – продолжал Мак. – Как знать, будут ли еще вечера на моем веку...

– Что делать, все стареем, – откликнулась Фауна и задумчиво постучала карандашом по зубам (она тоже мучалась с одной задачей и хотела просить у Мака совета). И вот эти две трудности столкнулись у нее в уме и родилось решение – торжествующий огонек зажегся в глазах. – Так, кажется, придумала!

– Ну-ка, ну-ка, – заинтересованно сказал Мак, – выкладывай. Только не части, а то я нынче

соображаю плохо, всю ночь не спавши.

Фауна встала и взяла в руки палочку, которой управляла движением звезд, а также шлепала по выдающимся частям воспитанниц во время уроков красивой осанки. С этой палочкой ей легче думалось и говорилось.

– По такому случаю надо выпить, – сказала она и налила себе стопку.

Мак повертел в руках вазочку, посмотрел напиток на свет. От красного стекла бурое виски казалось зеленым.

– Слушай, чего я расскажу. Давным-давно жила-была королева, – начала Фауна. – Денег у нее – не счесть. Выбросить сотни две на домашний халат ничего для нее не стоило. А браслетов у нее было! Как все нанижет, рук не согнуть. Так ты знаешь, в чем она ходила на разные торжества – именины там, повешение или еще что-нибудь?

– В чем? В исподнем? – спросил Мак.

– Нет, но почти угадал. Она одевалась дояркой! Она ведь как любила: помоют, почистят корову, а королева сядет на золотой стульчик и давай ее доить... Или вот тебе другой пример. Знаю я одну старуху, богачку – сливки общества. К ней на вечеринку так просто не прорвешься. Так она уже много лет на голове, знаешь, что носит? Дранный платок! Хочешь высмотреть ее в толпе, глянь поверх голов – не видно дранных платка, значит, ее нет.

Дрожащей рукой Мак поднес к губам стеклянный бутон.

– Я, кажется, начинаю догадываться... Ма...

– Верно! – воскликнула Фауна. – Маскарад! Ведь кто маскарад устраивает? Либо тот, кто с жиру бесится, либо тот, у кого ни гроша за душой!

По лицу Мака поползла улыбка.

– С твоего позволения!.. – сказал он, поднимая вазочку.

– Пей на здоровье, – сказала Фауна. – А маскарад, он, знаешь, еще чем хорош? Тем, что люди в сказочном костюме могут от будничной жизни отдохнуть...

– Все, – сказал Мак, глядя на Фауну с благоговением, – сдаюсь. Раньше говорили: если какая загвоздка, обращайтесь к Маку, Мак голова. А теперь я вижу, настоящая голова – это ты, Фауна. Как тебя осенило? Не иначе как божье произволение.

– Ты считаешь, мысль хорошая?

– Не то слово. По-моему, любой корреспондент удавился бы, лишь бы на нашу вечеринку попасть.

– Теперь подумаем, какой будет маскарад.

– Как какой?

– Ну, нельзя же, чтоб все вырядились, кто во что горазд! Балаган получится, а не маскарад.

– Верно. Какие у тебя соображения?

– Может, «Свита Королевы фей»?

– Нет, – сказал Мак. – Это слишком туманно. Получится тот же разнобой.

– А что если «Белоснежка и семь гномов»?

– Хм, в этом что-то есть. Помню, видел я такой фильм. Вообще-то гномы на нас, бродяг, здорово похожи. Эльфа из Элена сделать трудно, а вот гном-переросток из него, пожалуй, выйдет.

– Вот и мне показалось, что получится хорошо. Всем роли подберем.

– Ну вот и порешили... По-моему, за это дело не грех и выпить.

– Ладно, за успех! Только не забудь сказать всем: пусть придумают себе костюм – или гнома, или принца, или принцессы. А то не пустим! Тише, не урони вазочку.

– Я думаю, Доку можно без костюма?

– Вот увидишь, он придет в костюме. И в галстук. На что хочешь спорим.

27. О славнохлопотный денек! [6]

Стоит чему-нибудь в Консервном Ряду случиться, новость распространяется со скоростью света, словно по волшебству. В пятницу, в девять часов одиннадцать с половиной минут, Фауна с Маком приняли свое замечательное решение насчет маскарада; в девять часов двенадцать минут волшебная служба оповещения заработала, а к девяти часам тридцати минутам все жители Консервного Ряда, за исключением тех, кто спал, или был пьян, или в отъезде, уже знали новость. Нашлась одна женщина, которая сказала: «Подумаешь, радость – маскарад... Да некоторым мужикам вообще никакого маскарадного костюма не надо!» (это злобное замечание, впрочем, объяснялось тем, что она уже давно позабыла, как мужик выглядит). Однако все другие, узнав о маскараде, обрадовались как дети. Подумайте, сколько интересного ожидало обладателей лотерейных билетов: вечеринка в Королевской ночлежке; потеря с призом – и с каким; великолепная помолвка, которая войдет в анналы Консервного Ряда; и, наконец, сам маскарад! Любое из этих событий было само по себе прекрасно. Вместе же они обещали вылиться в праздник сродни стихийному бедствию.

Фауна тоже не могла нарадоваться – маскарад устранял главную трудность. Фауна хотела видеть Сюзи в определенном наряде, но боялась, что Сюзи заупрямится. Теперь, слава богу, это будет ее маскарадный костюм. Чем, собственно, наряд Белоснежки отличается от подвенечного?

Найдутся скептики, скажут, что Фауна слишком много брала на себя. Устраивать брак, не сговорившись ни с одной из сторон, не спросив даже, хотят ли они быть вместе! Скептики, конечно, правы. Однако у Фауны имелось твердое, выношенное убеждение, что люди, во-первых, сами не ведают, чего хотят, во-вторых, не знают, как добиться счастья, и, в-третьих, не видят, когда оно само плывет в руки. Кроме того, Фауна принадлежала к тому редкому типу людей, которые не просто обладают убеждениями, но и с полной ответственностью поступают согласно им. Она была уверена, что Док и Сюзи должны соединиться. И поскольку для осуществления счастья у них самих не хватало разума и храбрости, Фауна готова была соединить их лично. А вдруг она ошибается, скажут критики; вдруг этот союз обречен на неудачу? Фауна ответила бы критикам так: «Можно подумать, Доку и Сюзи друг без друга живут счастливо. Так почему бы им не попробовать соединиться? Что они, в конце концов, от этого потеряют? Попытка не пытка. И потом, не зря же Док надел галстук!.. Если же я ошибаюсь, это моя вина, а не их. Ну, будут иногда поругиваться между собой. А скажите, в каких семьях не ругаются? Но ведь они зато кое-что

и приобретут!»

Если бы Фауне сказали, что люди должны хорошенько подумать перед столь ответственным шагом, Фауна бы ответила: «А вот я за них и подумаю сама! Я человек посторонний, значит, могу судить объективно».

А если бы ее обвинили в том, что она сует нос не в свое дело, она бы с легким сердцем промолвила: «Каюсь! Мое любимое занятие!» С Фауной вообще было трудно спорить: она соглашалась с любой критикой, а потом все равно действовала по своей задумке. Астрологией она занялась оттого, что поняла: люди не станут следовать дельному совету мудрого друга, зато с готовностью послушаются далеких звезд, – даром что ученые утверждают, будто звездам нет до смертных никакого дела. Дока, правда, астрологией не проймешь, остается воздействовать силой. На благодарность Фауна не рассчитывала, разве дождешься в наши дни благодарности?.. Док не слышал тоскующего голоса, который пел в его глубинах.

Фауна же из всех его голосов слышала только этот – он звучал для нее как набат, – и понимала главное: беды Дока – от одиночества...

С утра в субботу Фауна приказала девушкам принести к ней в спальный кабинет все платья, какие только у них найдутся. На кровати выросла довольно внушительная гора нарядов (правда, некоторые из платьев были таковы, что стоит в них показаться на улице – тут же загребут за бродяжничество).

Среди прочих пришла к Фауне и Мейбл. Надо заметить, что Мейбл была просто создана для своей нынешней профессии. В любом обществе и во всякую эпоху она быстро бы сориентировалась и стала тем, чем была. Дело здесь не в непреложности Судьбы, а скорее в некоторых свойствах натуры Мейбл. Где бы ни была рождена Мейбл – в лачуге или в замке, – натура все равно взяла бы свое... Мейбл позвала Фауну к себе в комнату, затворила дверь.

– Моя бабка была родом из Англии... – начав так, Мейбл выдвинула нижний ящик стола и достала пакет в оберточной бумаге, сплошь оклеенный широкими полосами липкой ленты, чтобы не проходил воздух. – Бабка это за- вешала матери, а мать мне, – говорила Мейбл, разрывая бумагу. – Да никому из нас это не понадобилось. – Мейбл развернула пакет, сняла несколько слоев папиросной бумаги, – и наконец извлекла на свет платье. Подвенечное платье из кипенно-белого полотна, расшитое белыми же веточками и цветами. Шитье было такое тонкое и искусное, что цветы казались живыми. Лиф был облегающий, а юбка пышная-препышная. Мейбл открыла какую-то коробочку, вынула серебряный венец и положила на кровать рядом с платьем. – Я думаю, она их не испортит. Вот только платье не залила бы чем-нибудь. Венец я почищу – вон как потускнел – чистое серебро!

Фауна на мгновение потеряла дар речи. Пальцы ее гладили дивную легкую ткань. Чтоб Фауна растрогалась – такое бывало раз в сто лет! Но именно это случилось с ней при виде платья.

– Господи! – проговорила она, задыхаясь от волнения. – Вот уж будет Белоснежка так Белоснежка! Еще немного, и я сама поверю в свои предсказания... Мейбл, я дарю тебе мои серьги из черного янтаря!

– Не надо.

– А я говорю – надо!

– Ну ладно, – согласилась Мейбл.

А Фауна уже прикидывала:

- Платье, пожалуй, будет впору.
- Не впору, так подгоним.
- Слушай, а ты сама замуж не хочешь? Я могу потом и тебя выдать.
- Спасибо, мне и так хорошо... Тут, кстати, еще и фата есть!
- Фата – это замечательно, но согласится ли Сюзи ее надеть? Вдруг поймет, куда мы клоним?..
- Да ничего она не поймет. Она, небось, и не знает, что такое фата...

Если б только люди относились к международным делам, к внутренней политике, даже просто к своей работе с такой же истовой заботой и вниманием, как к маскараду – о, тогда наш мир был бы верхом совершенства!.. Наружность Консервного Ряда была самая спокойная, однако внутри все бурлило...

В одном из углов Королевской ночлежки Уайти II с великим тщанием обучал маленького Джонни Карриага искусству прятанья билета в руке. Джонни одолжили у отца, Альберта Карриага, вернее, взяли напрокат, поскольку Альберт получил за использование своего первенца шестьдесят два цента, как раз на галлон вина. Джонни решили нарядить Купидоном. Костюм состоял из бумажных крылышек, лука со стрелами и колчана. Колчан был тайником для выигрышного лотерейного билета. Хотя почти весь Консервный Ряд знал, что лотерея обманная, соблюсти при обмане достоинство было вопросом принципа. Опасаясь, что Джонни использует стрелы по назначению, на них насадили резиновые присоски.

Уайти II вырезал из бумаги полоску точно такого размера, как лотерейный билет.

- Ну-ка, Джонни, попробуй еще раз, – говорил Уайти II. – Нет, так не пойдет! Краешек видно. Смотри, как надо. Кромочку немножко загибаешь, вот так. Еще раз! Вот, теперь другое дело! Молодец! Теперь давай попробуем, как ты вынешь билет из колчана. Делаешь движение луком, чтоб все смотрели на эту руку, и говоришь...
- Знаю, я уже выучил! Я бог Купидон, красивый собой, пронзаю сердца беспощадной стрелой.
- Вот здорово! – восхитился Эдди. – Откуда только Мак эти стихи взял?
- Откуда, откуда... – передразнил Уайти II. – Сам сочинил! Ну вот, поднимаешь, значит, правой рукой лук, а левой в это время достаешь билет из колчана. Ну-ка делай!..
- Я бог Купидон, красивый собой... – заверещал Джонни, одной рукой потрясая луком, другой – вытаскивая билет.
- Так, недурно. Однако придется еще потренироваться. Да не смотри ты на левую руку! Смотри на лук! Теперь суешь руку с билетом вот в этот кувшин, как будто роешься в других билетах. Только смотри свой билет не выпусти! Ну, тренируйся!
- Дядь, дай тридцать пять центов.
- Что?!
- Дай, а то расскажу.

– Слышь, Мак, – сказал Уайти II. – Мальчишка шантажирует!

– Ладно, дайте ему сколько просит, – отозвался Мак. – А потом я ему дам раза в два больше, или вообще ничего, смотря как будет работать.

– Только чур не мелочью! – сказал Джонни. – Мелочь можешь себе оставить.

– Ну и дети пошли! – изумился Эдди. – Никакого уважения к старшим. Да скажи я такое своему отцу...

– А твой отец тоже устраивал обманную лотерею? – спросил Джонни.

– Слушай, Джонни, – сказал Уайти II. – По-моему, ты плохой мальчик. Знаешь, куда потом попадают все плохие мальчики?

– Знаю. Я там был, – сказал Джонни.

– Да дайте вы ему тридцать пять центов! – крикнул Мак.

Кто знает, какие чаяния и вожеления дремлют в душе любого из нас! За сломанным носом и недобрый глазом может скрываться самое нежное сердце, за позой, за мифами и символами Джо Элеганта – горячее желание быть человеком. Дайте людям возможность хотя бы на один вечер быть кем они хотят – и вы узнаете самые сокровенные тайны!

Тему «Белоснежка и семь гномов» для маскарада выбрали в какой-то мере из-за Элена. Уж больно подходила ему роль гнома-переростка. Но когда Элен узнал всю сказку до конца и у него сложилось о ней самое ясное представление, на какое он был способен, он вдруг заявил, что желает быть Прекрасным принцем. Он уже представлял, как вышагивает в белых шелковых штанах по колено и в камзоле, поглаживая рукой эфес короткого меча.

Ему предлагали лучшие роли гномов – Ворчуна и Добряка. Однако Элен не хотел расставаться с мечтой. Или он нарядится Прекрасным принцем, или вообще не придет. На том и дружба врозь.

– Ладно, – сказал Мак, – поступай как знаешь. Хотел я тебе помочь с костюмом гнома, но Принца мне не осилить. Хочешь быть Принцем – сам ломай башку над костюмом...

– Ну и подумаешь, – сказал Элен, – обойдусь без твоей помощи. Ты, небось, сам хотел быть Прекрасным принцем. Завидно, вот и злишься.

– Ничего не завидно, – сказал Мак, – я буду деревом.

– Как это?

– А так. Где действие сказки происходит? В лесу. Вот я и буду деревом – чтоб не выделяться...

Элен вышел и уселся под кипарисом. Он был мрачен и немного испуган: мысли не приходили, а когда он пытался их искать и вроде бы находил, они с кудахтаньем разбегались. И все же решение Элена было непоколебимо. Нельзя подводить народ. Человеку, осужденному на президентство, не пристало рядиться в гнома... Поэтому спустя время Элен зашел с черного хода в «Медвежий стяг» и попросил Джо Элеганта помочь с костюмом.

– Поможем. В лучшем виде, – заверил Джо, зловредно улыбаясь.

По всему Консервному Ряду открывали чемоданы – запах нафталина тек на улицу с обеих сторон и густо стоял посередине. Во всяком доме сказочный сюжет переиначивали в расчете на свой гардероб. По негласному уговору никто не наряжался Белоснежкой.

Утром Док проснулся в Западной биологической на полу, ломило каждую косточку. Немного полежал, пытаюсь найти ту часть, которая сильнее всего болела. Самое обидное и противное было то, что вчера он сам, чуть ли не силком, в порыве пьяной щедрости уложил Брехуню на единственную койку. А может, виной не щедрость, а проклятая тяга к самопожертвованию, самоистязанию? Приподнявшись на ноющем локте, Док поглядел на Брехуню: тот сладко спал, похрапывал негромко и уютно; желтые волосы вокруг зеркально-розовой макушки напоминли гало вокруг небесного светила.

– Подъем! – в ярости крикнул Док.

Глаза Брехуни открылись – тускло блеснули.

– А что на завтрак?

– На завтрак? Я думал, у порядочных людей бывает похмелье.

– Да, опохмелиться бы не мешало, – с достоинством произнес Брехуня. – Может, выпьем пивка?

– Что, голова болит?

– Болит.

– Суставы ломит?

– Ломит.

– Чувствуешь упадок сил из-за пониженного давления?

– Чувствую. Я вообще чуть жив.

– Тогда я рад! – Док потер руки. – За пивом пойдешь ты!

Тусклые глаза отчаянно округлились.

– Плачу половину, только иди сам!

– Не пойду, – отрезал Док.

– А если я тебе одолжу твою долю?..

– Все равно не пойду.

– Ладно, подай мне брюки, – уныло промолвил Брехуня. Покопавшись в кармане, протянул Доку две монетки, в двадцать пять и в десять центов.

– Мало, – сказал Док.

– Господи! Сколько же тебе надо?

– Два доллара.

– Да ведь это на шесть бутылок!

– Вот и хорошо. Хоть раз выпью за твой счет!

Брехуня еще глубже запустил руку в карман брюк и вытащил две бумажки по одному доллару.

– Ладно, – вздохнул он, – придется списать на культурный отдых...

Док надел брюки и рубаху и отправился в лавку. Взяв пива, он не спешил домой. Быстро осушив одну бутылку, принялся смаковать другую, Джозеф-Мария тем временем рассказывал ему о маскараде...

В лаборатории Док поставил четыре оставшихся бутылки на стол.

– А где сдача? – спросил Брехуня.

– Вот где, – Док похлопал себя по животу. К Доку начинало возвращаться хорошее настроение. Вид у Брехуни был ошарашенный. – Что, старая шельма, поддел я тебя? – спросил Док с ликованием. – Ты для меня загадка. Миллионер, а дрожишь над каждым центом, норовишь выпить на дармовщину. Отчего это так?

– Дай пива. А то я сейчас умру.

– Умирай, только подольше. Приятно смотреть, как ты умираешь... Так почему ты такой скупердяй?

– Моей вины тут нет! – принялся объяснять Брехуня. – Такое уж сейчас умонастроение. Можно это назвать американским умонастроением. Наши проклятые налоговые законы порождают новый тип психики. Я говорю не о психических расстройствах, а именно о новом психическом типе. Еще два-три поколения – и мы произведем новый человеческий вид... Теперь можно пива?

– Нет.

– Если у человека водятся деньги, и он хочет что-то купить, он уже не думает как простачок: «По карману ли мне это?» Он думает, как бы с помощью самой покупки убавить налоги. Вся нация обрекается на нечестность, потому что честность наказуема... Но в моем случае все гораздо страшнее... Дай, пожалуйста, бутылку, тогда доскажу...

– Нет уж, ты прежде доскажи.

– Не я составлял эти налоговые законы, – трясась, сказал Брехуня. – Только отдельные индивиды способны творить, но закон не позволяет жертвовать деньги личностям. Группам, организациям – пожалуйста. Но что способны создавать группы? В лучшем случае бухгалтерские книги. Чтобы получить часть моих пожертвований, индивид должен примкнуть к какой-то группе, потерять свою индивидуальность и способность к творчеству. Не я устанавливаю законы. И я ненавижу эти законы, которые душат щедрость и превращают благотворительность в бизнес. Как ни прискорбно, я вынужден поступать, как все. Знаю, тебе нужен микроскоп, но не могу тебе его подарить! Из-за налогов микроскоп, который стоит четыре сотни, обойдется мне в тысячу двести долларов. Потому что если я подарю его какому-нибудь институту, мне снизят налоги на тысячу шестьсот. Так что видишь, сколько я на тебе потеряю... Даже если тебе за научные изыскания присудят премию, ее почти всю съест налог! Ей-богу, я не против налогов. Однако я принципиально против законов, из-за которых благотворитель не может дарить от полноты сердца, а должен все время заниматься изменной бухгалтерией!.. А теперь дай мне пива, или я... – Брехуня был весь в испарине.

– Славная речь, – сказал Док. – Извольте, ваше пиво.

– А что у нас на завтрак?

- Бог его знает. Сегодня в Королевской ночлежке маскарад, «Белоснежка и семь гномов».
- Зачем это?
- Не знаю.
- Я буду рыжим гномом, – оживился Брехуня.
- Нет, ты больше похож на остывающую звезду. Волосы у тебя вокруг лысины – как гало...

Когда с пивом было покончено, они решили, что другого завтрака им и не надо. Док отправился в лавку и принес еще шесть бутылок пива, на этот раз – в порыве щедрости – своего, «богемского».

– Вот это я понимаю – пиво! – одобрил Брехуня. – Мексиканцы – великий и благородный народ. Сколько они всего нам дали – Пирамиду Солнца, и теперь еще вот это пиво. Немногие цивилизации могут похвастаться такими достижениями... Ты что-то начинал мне вчера рассказывать про свою монографию, а потом переключился на какую-то девчонку... Может быть, ты меня с ней познакомишь?

– Да, это будет очень занятная монография. В ней проводится мысль, что между эмоциональными реакциями цефалопод и человека существует некоторый параллелизм. Я собираюсь проследить патологические изменения при этих реакциях. Ты ведь знаешь, телесные покровы у осьминогов полупрозрачные. С помощью соответствующего оборудования можно, вероятно, наблюдать процесс этих изменений... А простые организмы и явления порой дают ключ к пониманию более сложных. Считали же, например, что dementia praecox [7] – чисто психическое явление. А потом оказалось, что у него есть физические симптомы...

- Ну и что же ты не пишешь свою монографию?
- Да как-то не могу решиться. Только приступлю, сразу страх сковывает.
- А чего бояться? Не получится, так не получится. Что ты от этого теряешь?
- Да вроде ничего.
- А если получится, что это тебе даст?
- Не знаю...

Брехуня благожелательно посмотрел на Дока, потом спросил:

- Ты достаточно залил в себя пива? Не полезешь опять со мной воевать?
- Да когда я с тобой воевал?
- А вчера, забыл? Я, между прочим, до сих пор на тебя в обиде.
- Прошу прощения. Так что ты хотел сказать?
- Ты меня точно не будешь прерывать?
- Не буду.

– Хорошо. Знаешь, кого ты мне напоминаешь? Женщину. Женщину, у которой детей никогда не было, а слова, что младенцам говорят, она выучила... Чувствуется в тебе какая-то незавершенность! Такое впечатление, что ты что-то подавил в себе, чего-то тебе не хватает.

Питаешься хорошо, а какого-то жизненного витамина недостает... И сыт, и голоден.

– Не представляю – чего мне может не хватать? Все у меня есть – свобода, покой, любимая работа...

– А вот есть ли у тебя... Помнится, вчера вечером на каждом слове у тебя всплывала девушка по имени Сюзи...

– Господи, да о чем ты говоришь! Ты хоть знаешь, кто такая Сюзи? Неграмотная бродяжка, проститутка. Я сходил с ней в ресторан, потому что Фауна попросила. Да, она мне показалась занятой... Ну, скажем, как новая разновидность осьминога – но не более. Сколько я тебя, знаю, Брехуня, ты всегда был дурак. А теперь ты еще и в романтики записался?

– Какая же это романтика? Твоя болезнь – это самый прозаический голод... Ты, наверное, оттого и не можешь обрести внутреннюю цельность, что никогда не отдавался целиком другому существу.

– Тьфу, какой заумный бред! – вскричал Док. – И зачем я тебя только приютил на свою голову?

– Тогда объясни, почему ты кипяتيشся?

– Что я тебе должен объяснить?

– Если мои слова бред, то почему ты кипяتيشся? Разве стал бы ты так яростно опровергать заведомую неправду?

– Знаешь, – сказал Док, – мне иногда кажется, что у тебя не все дома.

– Знаешь, – сказал Брехуня, – что я сейчас сделаю? Я куплю бутылку виски!

– Да не снится ли мне это?! – воскликнул Док.

28. Новый Кубла Хан, или видения во сне [8]

Мало кто помнил о том, что Королевская ночлежка, где так давно живут Мак с ребятами, обязана своим именем Элену. А между тем это именно он, охваченный ликованием по поводу обретения дома, придумал вдохновенное название, в котором соединилось обыденное с романтическим; название привилось, и пошла молва о Королевской ночлежке по всему штату. Ночлежка оправдывала свое имя; она не только служила ребятам штаб-квартирой, но и бывала зачастую местом прямо-таки сказочных событий.

Само по себе здание не слишком впечатляло: тесовые стены, толевая крыша без потолка; двадцать шагов в длину, десятков в ширину; два квадратных оконца и две двери, по одной на каждую сторону. В это простое помещение Мак и ребята поставили кое-какие замечательные предметы, сам подбор которых говорил об оригинальности ума, предприимчивости и, в какой-то мере, о незадачливости. Огромная чугунная плита посередине, в превосходном состоянии и напоминавшая видом Колизей, готова была поспорить с ним в долговечности. Рядом с печкой стояли напольные часы, в которых некогда жила собака, а теперь Эдди сказал, что это будет его гроб. Над каждой кроватью был устроен полог (легче сделать полог, чем починить крышу); кровать Гая содержалась в том порядке, в каком он ее оставил, уходя на войну: лоскутное стеганое одеяло сложено вдвое, видна серая холщовая простыня. На тумбочке – ящичке из-под яблочек – книга Гая, «Правдивые рассказы об удивительных

похождениях, в пустыне», раскрытая на шестьдесят второй странице рукой хозяина; а под ящиком, на черной бархатной тряпочке покоилось главное достояние коллекции Гая – набор шестерен от коробки передач «виллиса» выпуска 1914 года. На полочке над кроватью в красивом граненом стакане всегда стоял букетик цветов: покойник их любил (особенно цветки горчицы, сурепки и одного сорта георгин – он их ел). Никому не разрешалось ни сидеть, ни тем более спать на постели Гая. Пусть его имя в списках погибших и жена давно получила страховку, – когда-нибудь он все же вернется, думали ребята.

Так вот, в Королевской ночлежке и прежде случались праздники, однако такого грандиозного, который вот-вот должен был разразиться, не было никогда. Ночлежку заново побелили снаружи. Кровати сдвинули к стенам и убрали все стены сосновыми ветками, так что комната напоминала беседку. Плиту решили использовать в качестве бара, набив топку колотым льдом. Возле одной из дверей (не парадной) устроили небольшие подмости: занавесом служила холстина, которой маляр закрывает мебель от краски, а ходом для актеров – дверь. Ведь, не считая самой лотереи, ожидалось еще представление... Сосновый шатер освещался китайскими фонариками; гирлянда таких же фонариков над узкоколейкой озаряла тропинку к дому... В общем, ребята постарались на славу и были собой довольны.

Мак придирчиво оглядел место будущего действия и произнес слова, которые у всех остались в памяти: «Страна волшебных грез!»

Джозеф-Мария Ривас отрядил на вечер самую лучшую, можно сказать, призовую команду музыкантов – ансамбль «Мокрые спины» в первоначальном составе; две гитары, маракасы, трещотки, кастаньеты, гаитянский барабан и, наконец, контрабас размером с гребную шлюпку. Позже, в назначенный час, к ансамблю должен был примкнуть со своей трубой Какахуэте Ривас, пока же он тихо репетировал свое соло на морском берегу.

К вечеру ребята устали от приготовлений, но были довольны. По примеру Мака они все нарядились деревьями – хозяевам не следует выделяться. Одно их печалило: с ними не было Елена. Жажда стать Прекрасным принцем пересилила чувство товарищества. Никому ничего не сказав, Элен отдал себя в руки Джо Элеганта.

– Он ведь, чудила, застал меня врасплох, – уже в который раз оправдывался Мак перед ребятами. – Дурак дураком, а вон какой чувствительный! И чего я не сварганил ему какой-нибудь королевский балахон! Мне без Елена как-то не по себе – никто не мешается, не бубнит...

Обычно гости являются на маскарад робкие, трезвые и битый час не могут раскочкаться, бродят потерянно. Консервный Ряд, однако, намного превосходит все известные культурные центры по той быстроте, с какой разгорается здесь веселье. Вечеринка должна была начаться ровно в девять вечера. Сигнал для гостей подаст Какахуэте – протрубит песенку «Свисти, чтоб спорилась работа...».

По меньшей мере часа за два до сигнала по всему Консервному Ряду – в кафе Могучей Иды, в «Медвежьем стяге», наконец, просто в частных домах – провели основательную застольную разминку. Так что праздник должен был грянуть сразу в полную силу. Мак с ребятами несли на себе тяжелейший груз ответственности, который помешал им размяться так, как требовала душа. Все же кое-что они сумели перехватить и теперь ждали гостей, не сводя

глаз с минутной стрелки будильника на плите.

«Медвежий стяг» утопал в мишуре. Свита Белоснежки состояла из самых популярных дам Монтерея (да что там Монтерея – всей этой части штата). Дамы облачились в полупрозрачные одеяния красного, желтого и зеленого цвета, в руке у каждой – бутылка виски, перевязанная лентой под цвет платья. Фауна нарядилась ведьмой. Это была ее собственная придумка. Кроме метлы, никакого костюма и не требовалось; однако чтобы выглядеть еще убедительнее, она соорудила островерхую черную шляпу и черный махровый балахон. Такой костюм хорош для сюрприза: когда наступит великий миг, Фауна сбросит балахон, вместо метлы возьмет волшебную палочку и предстанет в виде доброй тетушки-феи.

Кафе Могучей Иды превратилось в страну гномов. Восемь Добряков, четыре Кашлюна, шесть Простаков и девятнадцать Ворчунов, сгрудившись у стойки, задушевно пели на два голоса песню «Страдная пора».

Джозеф-Мария решил нарядиться вампиром Дракулой. Он не видел фильма про Белоснежку, но был уверен, что вампиры есть в любом кино.

Тем временем Док и Брехуня яростно и бестолково спорили о мозаичной болезни табака, все больше запутываясь... За прорывом плотины последовал форменный потоп: посреди комнаты, в мусорном ведре с колотым льдом покоились шесть бутылок, оставшихся от купленного Брехуней ящика шампанского!

Док и Брехуня начисто запамятовали, что будет какая то вечеринка. Труба Какахуэте пропела сигнал к сражению, но они его не слышали из-за собственного ора. Весь цвет, вся молодость Консервного Ряда весело двинулась по озаренной китайскими фонариками тропинке к Ночлежке, а Док с Брехуней продолжали орать друг на друга...

Наконец Док сказал обычным, унылым голосом, который прозвучал оглушительно:

– Может, мне чем-нибудь другим в жизни заняться? Вот взялся за проблему осьминогов, и ничего у меня не ладится. Может, уехать куда-нибудь?

– Чушь, молодой человек! – сказал Брехуня. – Вы на пороге замечательной карьеры. Вас ждут почести.

– Почести меня не волнуют...

– Почем ты знаешь? У тебя же их сроду не было.

– Все равно, не пытайся меня удержать.

– Очень нужно. Ступай на все четыре стороны, ты у меня и так в глазах двоишься. Ты понимаешь, что ты оставил нас без обеда?

– Да я же купил целую гору котлет. И ты их все слопал – даже не дал разогреть.

– Все равно, мой юный друг, ты не имеешь права морить себя голодом...

На крыльцо взлетел Эдди, распахнул дверь:

– Док! Чего сидишь! Сейчас начнется! Потеряя!

Док выхватил изо льда бутылку шампанского и рявкнул:

– Брехуня, слушать мою команду! Сабли к бою!

Чуть ли не под руки поволокли они Брехуню по тропинке к Ночлежке.

А там уже полукругом стояли перед занавесом – только Дока и дожидались – гномы, звери, лесная нечисть...

– Ну, теперь, все в сборе, – сказал Мак и заглянул за занавес. – Как ты там, Джонни?

– Холодно, черт побери!.. – отвечал Джонни.

В этот миг вошел Элен с задранном носом и с гордым огнем в очах. С самого утра Джо Элегант трудился над его костюмом, стремясь отомстить всему человечеству.

Основу костюма составляла серая ночная рубаха, на которую были нашиты червы, бубны, пики и трефы. К солдатским ботинкам приделаны желтые помпончики. На шее и плечах красовался бумажный воротник, напоминавший колесо, на голове – картонный шлем с плюмажем. Рубаха подпоясана ремнем, на ремне длинные ножны. Правой рукой Элен гордо салютовал детской кавалерийской сабелькой.

Свою месть человечеству Джо запечатлел на одном определенном месте. Зад у рубахи был кругло вырезан, так что виднелась соответствующая часть Элена, разрисованная красными и синими кругами, под мишень.

От вида Элена захватывало дух. Элен не вертел головой по сторонам, не искал одобрения. Он и так чувствовал, что костюм удался – по наступившей тишине. Он лихо повел саблей – в пар-р-радное положение, вольн-а! и сложил руки на эфесе. В горле у него сперло от волнения.

– Я... – вымолвил он хрипло. – Я Прекрасный принц. – Тут все разглядели, что щеки у него нарумянены, а ресницы густо накрашены. – Я защитник баб... то есть дам! – И он горделиво оглянулся по сторонам, ожидая аплодисментов – он знал, что заслужил их.

У Мака на глазах выступили слезы.

– Молодчина, Элен, – сказал он. – У тебя самый лучший костюм. Кто тебе помогал?

– Джо Элегант, – отвечал Элен. – Мировой парень.

Мак незаметно мигнул Уайти II.

– Прямо сейчас?.. – тихо спросил Уайти.

– Да, – так же тихо ответил Мак. – Душу вышиби из этого паршивца!

Элен повернулся к ним, смутно улавливая разговор, и важно объявил:

– Мистер Джо Элегант шлет наилучшие пожелания! Лично быть не может, уехал из города по делам! Так, кажись, все правильно передал, ничего не забыл...

– Ладно, мы его еще отблагодарим, пусть только вернется, – мрачно пообещал Мак.

Гости ошарашенно смотрели на Элена. Никто не смеялся, потому что Мак свирепо скалился и сжимал кулаки.

– Давайте дальше, чего застряли, – прорычала Могущая Ида.

Мак овладел собой, выскочил к занавесу и, повернувшись лицом к гостям, повел речь:

– Дорогие сограждане! У нас на Консервном Ряду живет один человек. Наш самый лучший

друг! Уже много лет мы пользуемся его щедростью, не давая ничего взамен. И вот мы узнали, что нашему другу нужна одна штука и стоит она изрядно. Мы с огромным удовольствием разыграем в лотерею нашу собственную Королевскую ночлежку, а на вырученные деньги купим Доку микроскоп. Выручка составляет триста восемьдесят долларов! Прошу открыть занавес!

– Мак, ты с ума сошел! – вскричал Док.

– Молчи, – сказал Мак. – Занавес!

Холстину отдернули в сторону, и все увидели Джонни, в доспехах из алюминиевого листа на голом теле, с голубыми бумажными крыльями за спиной.

– Я бог Купидон! Я красивый собой! – завопил Джонни, потрясая луком. Выигрышный билет при этом выскользнул у него из ладошки и полетел на пол. Джонни мотнулся за билетом, голая: – Вонзаю сердца! Беспощадной стрелой! – Сцапал билет, повернулся к Маку: – А что теперь делать?

Мак махнул рукой, чертыхнулся, потом прокричал:

– О Купидон! Этот ли билет вытянула из кувшина твоя неподкупная рука?

– Этот! – отвечал Джонни, хотя к кувшину и близко не подходил.

– Давай сюда, гаденыш, – прошипел Мак, – билет, говорю, давай... Друзья мои! Уж не обманывают ли меня глаза? Какая приятная неожиданность! Да, так оно и есть. Друзья, я счастлив объявить вам, что Королевская ночлежка переходит в собственность Дока!

Хмель наполовину выскочил из Дока. Он придвинулся к Маку:

– Да ты рехнулся!

– Черта с два! – подмигнул Мак.

– Откуда ты узнал, что Ночлежка ваша? Я же вам этого не говорил.

– Погоди, как наша?

– Ли Чонг никому не сказал, только мне. Видно, боялся, что вы отколете что-нибудь в этом роде...

– Так, давай отойдем в сторонку. – Мак потянул Дока за рукав.

Они вышли наружу и встали под китайскими фонариками. Док стрельнул шампанским и дал бутылку Маку. Мак сделал губы хоботком, втянул сверкающую пену.

– Повтори, Док, я не понял.

– Ли Чонг хотел, чтоб у вас с ребятами был дом. Он переписал его на ваше имя и внес налоги на десять лет вперед.

– Так чего же он нам не сказал?

– Боялся, заложите или продадите и останетесь без дома.

Мак был потрясен.

– Док, можно тебя попросить об одолжении? Не говори ничего ребятам.

– Конечно, не скажу.

– Дай честное слово.

– Честное слово. А теперь давай выпьем.

Мак вдруг расхохотался.

– Так ты нам сдашь Ночлежку, а, Док?

– Само собой.

– Только бы ребята ничего не прознали. А то они с меня шкуру спустят.

– А не проще ли забыть эту лотерею, как будто ее и не было?

– Нет уж, пусть будет все как есть! Ли Чонг поступил мудро. Разве можно за ребят поручиться? Да я бы и за себя не поручился...

С самого приезда Брехуни организм Дока работал на пределе. Питался Док никудашно, спал урывками, был постоянно на взводе и принимал в огромных количествах алкоголь. Лотерея вывела его из состояния пьяного дрейфа, но это была не трезвость, а лишь отдаленное ее подобие. В голове немного прояснилось, но зато в окружающем мире все подернулось фантастической дымкой. Док вернулся в Королевскую ночлежку; в мигающем свете фонариков отплясывают гномы, лесная нечисть, деревья и ни с чем не сообразный Элен. А может, это сон? Во всяком случае, происходящее плохо вплетается в ткань действительности. Под оглушительную музыку танцует Брехуня, прижимая к животу бледную брюнетку, как будто она – кишечная колика. Омерзительная картина. И настолько же фантастическая, как все остальное.

Человеку, непривычному к буйному веселью, от веселья в Ночлежке стало бы не по себе. Эдди вальсировал под звуки румбы, обнимая невидимую партнершу. Могучая Ида боролась в партере с Уайти II, то и дело открывая необозримые пространства своих розовых панталон. Вокруг борцов двигались стремительной змейкой гномы и звери, исполняя танец конга – три шага, подскок, три шага, подскок. Джонни Карриага расхулиганился: взобравшись на ящик, разил во все стороны стрелами. Одна из стрел Купидона вонзилась, вернее сказать, причмокнулась точно между лопатками миссис Альфред. Потом Джонни сшиб крылом китайский фонарик, от которого загорелись три гнома, и пришлось заливать их водой из чаши для пунша.

Мака с Доком втянуло в поток танцоров. Комната у Дока перед глазами начала медленно поворачиваться, а потом подниматься и опускаться, словно палуба корабля на донных волнах. В ушах стоял музыкальный рев и лязг. Элен выбивал ритм саблей на плите. Джонни тщательно прицелился и поразил его в самое яблочко мишени. Элен взвился в воздух и всей тяжестью рухнул на дверцу – из топки брызнула ледяная крошка... Кто-то из гостей втиснулся в напольные часы и теперь никак не мог вылезти...

Снаружи казалось, что Королевская ночлежка дышит, всходит, будто хлеб на опаре...

Док сделал ладонь рупором и проорал в самое ухо Мака:

– А где Фауна с девчонками?

– Успеется, – прокричал Мак в ответ.

– Повтори, не понял!

– Успеется, придут! – И потише прибавил: – И вправду, поторопились бы, пока мы тут пожар не учинили.

– Что? – опять не понял Док.

– Неважно, – махнул рукой Мак.

В это мгновение Уйти I, пробившись сквозь толпу к Маку, прокричал:

– Идут, Мак, идут!

Мак помчался к оркестру, взмахнул обеими руками, останавливая. Джонни пустил последнюю стрелу в контрабас, да так удачно, что вышиб один из ладов.

– Тихо! – яростно воскликнул Мак.

Музыка смолкла – на комнату обрушилась тишь. И тут для Дока началась самая фантастическая часть сна.

Нежно шепнула труба, приглушенная рукой виртуоза, и стала выводить – это сумасшествие какое-то! – «Свадебный марш» из «Лозэнгина»; Док изумленно вслушивался, а лукавая медь уже принялась шалить с мелодией, плавно скользнула в минор, сменила ритм – и полились сладостные стоны блюза... Танцоры стояли неподвижно и походили на чучел. Док разглядел, наконец, откуда льется музыка: в углу комнаты Какахуэте Ривас, прильнув к трубе, умягчает звук влажной губкой. [9]

Потом в этом сне отдернули заляпанный краской занавес и в дверь въехала ведьма верхом на помеле – Фауна.

Господи, подумал Док, рассказать кому-нибудь, не поверят, подумают, что мне в психушку пора.

– У нас! сегодня! счастливое! событие! – пролаяла Фауна. Пошарила в толпе глазами. – Док, подойди сюда.

Док нерешительно двинулся к сцене.

Следом за Фауной вошли четыре девушки из «Медвежьего стяга» в ослепительных нарядах. Встали по две с каждой стороны двери, лицом друг к дружке, подняли руки с бутылками в лентах – получились воротца.

Фауна спешила с метлы и, скинув черный балахон, оказалась в облегающем вечернем туалете из серебряной парчи. А помело у нее в руках чудесным образом превратилось в серебристую волшебную палочку, увенчанную золотой звездой. Фауна привстала на цыпочки, как будто готовилась лететь.

– Я твоя крестная фея! – крикнула она Доку. – А сейчас придет твоя невеста – Белоснежка!

В воротца из бутылок вошла преображенная Сюзи – в свадебном платье, в серебряном венце с фатой. Прелестная, юная и взволнованная. Пухлый рот чуть приоткрыт.

– Принимай свою суженую, Док! – воскликнула Фауна.

Док потрянул головой, желая наконец проснуться. Ведь это все сон, наваждение – венец, фата, непорочность. Док вскрикнул:

– Что все это значит?

Бывает так, что два человека, стоя порознь, разом проникают в мысли друг друга. Сюзи увидела лицо Дока – и прочла его мысли. От стыда и досады у Сюзи вспыхнула шея, густо покраснели щеки. Сюзи зажмурилась.

А Док понял страдание Сюзи, и все у него в душе перевернулось. И какой-то чужой, но знакомый голос вдруг произнес:

– Крестная фея, я принимаю... свою... суженую...

Сюзи открыла глаза и посмотрела в глаза Доку. И тут же лицо ее почерствело, во взгляде сверкнуло ожесточение, пухлые губы строптиво сжались. Сюзи сняла венец с фатой, какое-то мгновение глядела на них, потом тихонько положила на ящик из-под яблоч.

Безумная труба грянула «Свадебный марш» в ритме самбы, и пошла, побежала за ней гитара.

– Слушайте, вы, доброхоты, – сказала Сюзи, перекрывая музыку. – Я согласна жить с последним бродягой в канализационном люке и быть ему хорошей женой! Согласна выйти за подлеца и ему услуживать! Но за Дока ни за что не пойду! – Сказав так, Сюзи опрометью бросилась в дверь за сценой.

Фауна устремилась следом. С этой стороны Ночлежки тропинки не было. Сюзи очертя голову сбежала с откоса, Фауна – неуклюже за ней. На узкоколейке они остановились, посмотрели друг на друга.

– Ах ты чертова зазнайка! Почему это ты за Дока не пойдешь? – свирепо выкрикнула Фауна. – Почему?

– Я его люблю, – ответила Сюзи.

29. О, горе нам!..

Одна из наиболее частых реакций организма на шок – летаргия. Если после автомобильной аварии один седок корчится и стонет, а другой сидит тихо, смотрит в пространство, так и знайте: тихий пострадал гораздо сильнее. Сообщество людей также может испытать шок с последующей летаргией. Именно это приключилось с обитателями Консервного Ряда. Люди погрузились в себя; заперли двери на засовы; перестали ходить друг к другу в гости. Всякий чувствовал себя виноватым, даже если сам был причастен к маскараду всего лишь как зритель.

Мак с ребятами остро переживали свое роковое невезение. Еще раз попытались сделать что-то доброе Доку и опять потерпели неудачу. Куда теперь деваться от презрения к себе?

Могучая Ида сделалась грозно-молчаливой. Посетители ее кафе выпивали, боясь проронить слово – так страшила их покаянная ярость, тлевшая в недрах Иды, под бугристыми мышцами.

Фауна скорбела как потерявший хозяина сеттер. На ее веку, богатом самыми фантастическими начинаниями, случались и раньше провалы, однако такая катастрофа впервые!

Даже Патрон испытывал легкие угрызения неведомого чувства. Прежде ему всегда удавалось свалить вину на обстоятельства или на неприятеля, а теперь его собственный обвиняющий

перст, словно пистолет в комедии, нацелился в его собственное сердце. Чувствовать за собой непонятную вину было довольно занятно, но вместе и болезненно. Джозеф-Мария вдруг сделался доброжелателен и заботлив к окружающим – пугая людей, хорошо его знавших. Разве можно обольщаться улыбкой тигра?

Что же касается Дока, в нем происходило переустройство настолько глубокое, что и самому было невдомек. Он был словно часы, разобранные на столике часовщика – все камни, все пружинки, все маятники отдельно, оставалось лишь снова все собрать.

У человеческого существа есть множество лекарств от душевной боли и от кручины, среди них ярость – не самое последнее. Док в пух и прах разругался с Брехуней и выпроводил его, запретив появляться впредь. Потом яростно отчитал рассыльного за то, что упало качество обслуживания (хотя на самом деле за последние десять лет оно не менялось ни в лучшую, ни в худшую сторону). Наконец он сказал кому-то, что работает и не желает видеть никого с Консервного Ряда и вообще никого не желает видеть. Док сидел над своим желтым блокнотом. Сбоку лежал ровненький ряд карандашей, заточенных Сюзи. В глазах у Дока застыли потрясение и уныние.

Сюзи была виновницей и одновременно жертвой упадка, охватившего Консервный Ряд. Не станем утверждать, что невзгоды закаляют характер, ведь часто они его разрушают. Однако если определенные черты характера, переплетенные с определенными мечтами, испытать огнем, то иногда...

Элла, официантка и хозяйка кафе «Золотой мак» в одном лице, что в десять утра, что в полночь чувствовала себя одинаково усталой. Усталость была ее естественным состоянием. Элла не только с ней мирилась, но еще и думала, что все люди живут так же. Она попросту не могла представить, как это ноги могут не болеть, спина – не ныть, и как это можно стряпать и оставаться веселой. В завтрак вид жадно жующих ртов отбивал у нее аппетит – сразу на весь день. Часов около десяти вечера поток посетителей иссякал, Элла принималась за уборку: мыла пол, стирала со столиков, выметала крошки из-под стойки.

Джо Блейки вошел в «Золотой мак», как всегда, выпить с утра кофе.

– Только что зарядила кофеварку, – сказала Элла. – Подождешь?

– Конечно, подожду. Элла, ты случайно не знаешь, что вчера вечером стряслось на Консервном Ряду?

– Нет. А что?

– Да я и сам не знаю, – сказал Джо. – Была какая то вечеринка. Я, разумеется, на нее пошел. А пришел слишком поздно – все уже кончилось. И никто не желает рассказывать, что там случилось.

– Нет, ничего я не слыхала, – сказала Элла. – Думаешь, драка была?

– Да что-то не похоже. О драке бы мне рассказали, про драки они болтать любят... Все ходят с такими лицами, словно чего-то стыдятся. Если что узнаешь, шепни мне, ладно?

– Ладно. А вот и кофе готов.

Вошла Сюзи. На ней был костюм из серого твида в елочку, строгий, но очень элегантный – купила в Сан-Франциско.

– Привет, – сказал полицейский.

– Привет, – сказала Сюзи. – Мне чашку кофе.

– Сейчас. Одежка твоя хороша, ничего не скажешь, – одобрила Элла.

– В Сан-Франциско купила, – сказала Сюзи.

– Ты что, уезжать собралась?

– Нет, зачем же.

– Слушай, – сказал Джо, – может хоть ты мне объяснишь: что там вчера у вас на Консервном Ряду произошло?

Сюзи пожала плечами.

– Ага, и ты, значит, говорить не хочешь?

Сюзи снова пожала плечами.

– Дело нечисто! – сказал Джо. – Обычно начнут рассказывать, не остановишь. Вот что, Сюзи, если там кого-нибудь убили, ты лучше сразу скажи. Знаешь, что бывает за недачу свидетельских показаний?

– Никого там не убили... – Сюзи повернулась к хозяйке: – Тебя Элла зовут?

– Да вроде.

– Помнишь, Элла, ты говорила, у тебя не было помощницы ?

– У меня ее и сейчас нет.

– Возьми меня. Хоть на пару недель, для пробы. В кино сходишь, отдохнешь.

– Не по адресу обратилась, сестренка. И так еле свожу концы с концами. Помощнице платить нечем.

– А я буду за кормежку работать. Ем я немного.

Джо Блейки отвернулся от разговаривающих – стало быть, слушает в оба уха.

– Что это у тебя вдруг за причуда? –спросила Элла

– Никакая не причуда. Просто хочу работать. За кормежку.

Джо медленно повернулся к Сюзи.

– Может, все-таки расскажешь, какие у тебя... планы?

– Планы? Жизнь новую хочу начать. И уезжать для этого не собираюсь.

– Чем же твое решение вызвано? – спросил Джо.

– Тебя не касается, – ответила Сюзи. – Разве это против закона?

– Хм, может, и против. Нет ничего опаснее благих намерений, – пошутил Джо.

– Ну, пожалуйста, Элла, – взмолилась Сюзи. – Возьми меня на работу.

– Что скажешь, Джо?.. – спросила Элла.

Джо еще раз оглядел Сюзи, заметил, что у корней волосы другого цвета.

– Отрациваешь?

Сюзи кивнула.

– А что, Элла, – сказал Джо. – Возьми ее, попробуй.

Элла хмуро улынулась.

– Прямо в этом костюмчике?

– Я схожу переоденусь. Быстро, за пятнадцать минут... Знаешь, Элла, я и готовить могу. Жаркое у меня – блеск...

– Ладно, ладно, сперва переоденься...

Джо Блейки подждал Сюзи на улице, пошел рядом.

– Смотри, не подведи Эллу, – сказал Джо мягко, как будто без нажима.

– Не подведу, не волнуйся.

– По-моему, это ты волнуешься.

– Слушай, Джо, помнишь, ты мне как-то денег предлагал, на дорогу?

– Но ты же решила остаться!

– Решила. А не на дорогу можешь дать? Взаимы.

– Сколько?

– Двадцать пять долларов.

– А где ты будешь жить?

– Я тебе сообщу.

– Хорошо, дам, – сказал Джо. – Что мне, впервой девушек выручать... Потерять я ничего не потеряю.

– Ты не сомневайся, я верну.

– А я знаю, что вернешь, – сказал Джо.

Бойлер, который вот уже много лет стоял преспокойно среди мальвовых зарослей на пустыре между «Медвежьим стягом» и Королевской ночлежкой, был самым первым бойлером на Вонючем заводе, а Вонючий завод был самым первым консервным предприятием во всем Монтерее. После того как поняли, что сардины можно класть сырыми в жестянки с маслом или томатным соком и в запаянном виде готовить на горячем пару, в Монтерее расцвела невиданная доселе промышленность. Вонючий завод начал с маленького оборотного капитала; отчаянно сквалыжничая, первым пробился к успеху; и первым канул в Лету. Первый бойлер, вырабатывавший пар для сардин, был славным детищем предприимчивости Уильяма Рандолфа – инженера, пожарного и одновременно хозяина завода. Бойлер достался ему даром. Это был котел паровоза, что когда-то бегал между Птичьей долиной и океанским

побережьем. Паровоз сошел однажды ночью с рельсов и, пробив ограждение эстакады, воткнулся в болотце. Железнодорожная компания сняла с паровоза колеса и клапаны, а облое его тело осталось торчать в грязи.

Уильям Рандолф нашел паровоз, доставил в Монтерей и посадил котел на бетонное основание посреди нового тогда Вонючего завода. Долгие годы паровозный котел исправно поставлял пар низкого давления для варки сардин; лишь трубы изредка разрывались и заменялись новыми.

В 1932 году, в пору расцвета и расширения Вонючего завода, пожалели денег везти котел на новое место, так и бросили на пустыре. Старик Рандолф был еще жив и, – хоть давно отошел от дел, по-прежнему не любил бесхозяйственности. Он снял с заброшенного бойлера все трубки, – остался только цилиндр: шесть шагов в длину, полтора человеческих роста в диаметре. Сохранилась, правда, еще дымовая труба; да топочная дверца – что в длину, что в ширину полметра – болталась на ржавых петлях.

Как временное пристанище бойлер использовали многие, однако первыми постоянными жильцами стали муж и жена Мэллой. Мистер Мэллой, человек мастеровитый, не только срезал торчащие концы трубок, но и сумел обустроить бойлер. Например, под дымовой трубой он сложил из кирпичей печурку для защиты от зимних ночных холодов.

В качестве дома бойлер обладает и недостатками, и достоинствами. Конечно, кое-кому не понравится влезать на четвереньках в топочную дверцу. Вогнутый пол затрудняет ходьбу и расстановку мебели. Третий недостаток заключается в отсутствии освещения и некоторых других удобств... Достоинства же у бойлера такие: он совершенно влагонепроницаем, уютен и обладает прекрасной вентиляцией. С помощью вьюшки и топочной дверцы можно как угодно отрегулировать подачу свежего воздуха. Бойлер хорош еще и тем, что в нем ни пожар, ни землетрясение не страшны. Да и бомбежка, наверное, тоже. Так стоит ли печалиться, что нет туалета, электричества и водопровода?..

В Приморском Кармеле, где отдыхает богема из Сан-Франциско, было высказано мнение, что Сюзи неспроста избрала домом бойлер. Мол, бойлер – символ материнской утробы, откуда Сюзи предстояло родиться для новой жизни. Может, и так, но прежде всего это утроба отвечала требованиям экономии. В «Золотом маке» Сюзи бесплатно питалась, а в бойлере бесплатно жила.

С деньгами, которые ей одолжил Джо Блейки, Сюзи отправилась в Пасифик-Гров, в универсальный магазин Холмана. Там купила молоток, пилу, набор гвоздей, два листа фанеры, банку нежно-голубоватой побелки и кисть, тюбик хорошего клея, пару розовых занавесок с оборками в голубой цветочек, три простыни, две наволочки, два полотенца, губку для посуды, заварной чайник, две чашки с блюдцами и коробку пакетиков с чаем. Рядом, в магазине «Дешевые товары», Сюзи приобрела подержанную походную койку с матрасом, тазик, кувшин, ночной горшок, два солдатских одеяла, зеркальце и керосиновую лампу. На этом капиталы иссякли; однако уже через неделю Сюзи из чаевых вернула Джо Блейки два доллара с четвертью.

Консервный Ряд, покрывшись стыдом, словно не видел того, что происходило у бойлера, не слышал поздно вечером стука молотка. Не то чтобы люди потеряли к Сюзи интерес, просто они стеснялись любопытничать. Фауна претерпела десять дней, затем, уступая всегдашней страсти совать нос в чужие дела, отправилась к Сюзи с тайным визитом (дело было во вторник вечером, «Медвежий стяг» закрыт из-за отсутствия клиентов). Стоя у окна Комнаты досуга. Фауна видела слабое мерцание из приоткрытой топочной дверцы бойлера; из трубы лениво тянулся смолистый дымок. Фауна тихо вышла на «Стяга» и двинулась сквозь мальвовые заросли к бойлеру...

- Сю-зи... – позвала она еле слышно.
- Кто там?
- Это я, Фауна.
- Чего тебе?
- Ничего. Хотела узнать, все ли у тебя хорошо.
- Да, у меня все хорошо.

Фауна встала на колени, просунула голову в топочную дверцу. Бойлер было просто не узнать. Облые стены нежно голубели; с каждой стороны на месте окна висела приклеенная занавеска с оборками. В комнатке царил дух приятный и женственный. Слабый красный свет печурки озарял койку, на которой сидела Сюзи. В изголовье стояло что-то вроде туалетного столика, с зеркальцем, тазиком и кувшином. Рядом, на полу, – большая жестянка из-под компота, а в ней пышный букет из люпинов и маков.

- Как славно ты здесь устроилась, – сказала Фауна. – Может, пригласишь меня войти?
- Конечно, входи. Только не застрянь в дверях.
- Ты уж помоги, пожалуйста.

С помощью Сюзи Фауна протащила через дверцу.

- Присаживайся на койку, – оказала Сюзи. – Стула пока нет, но скоро будет.
- Хочешь, мы свяжем тебе крючком коврик?
- Спасибо, – сказала Сюзи, – но я хочу все делать сама... Может быть, выпьешь чаю?
- Да, пожалуй, – рассеянно сказала Фауна. Потом спросила: – Ты больше не сердишься?
- Нет, – отвечала Сюзи. – Ты знаешь, мне здесь очень хорошо. У меня ведь ни разу в жизни не было своего угла...
- Да, ты здесь здорово устроилась. Хочешь, одолжу тебе любую мебель, ну и вообще... Можешь ходить мыться к нам в ванную.
- Спасибо, в «Золотом маке» есть душ.
- Слушай, что ты все «спасибо» да «спасибо»... Ты и так уж меня положила на обе лопатки. Лежачего не бьют.
- Извини, я не хотела обидеть.
- Вкусный чай! Позволь я тебе кое-что скажу. Хочешь слушай, хочешь нет. Я, конечно, наломала дров. Но и ты хороша. Как тебе Дока не жалко? Ты что, до гибели его хочешь довести?

– Постой, ты о чем?

– О том. Поселилась у него под самым носом. Выглянет он в окошко, сразу видит тебя, – говоря так, Фауна заранее жалась в ожидании взрыва, однако взрыва не последовало.

Сюзи поглядела на свои руки.

– А ногти у меня действительно ничего. На работе целый день руки в воде, так вечером я их мажу кремом. Чтоб кожа не грубела... Ты же сама мне сказала не убегать от судьбы, вот я и не убегая. Сначала мне, правда, хотелось спрятаться, зарыться куда-нибудь. А потом я раздумала прятаться – вспомнила твои золотые слова. Чего мне скрываться? Кто хочет, пускай смотрит.

– Но разве этому я тебя учила? – робко попыталась возразить Фауна.

– погоди, дай досказать. Ты там что-то говорила про Дока. Так вот, запомни хорошенько и другим скажи, чтоб мне десять раз не повторять: до Дока мне никакого дела нет. Все, забудьте! Встретила я его, пришлось не по вкусу – плохая оказалась... Может, и не будет больше в жизни такой встречи. Ну, а если будет – если найдется для меня парень, – я уж постараюсь быть хорошей. И с виду, и в душе. Чтоб никто про меня худого слова сказать не мог. Но это все фигня. Главное, я хочу жить спокойно, чувствовать себя человеком. Понятно?

– Понятно. Только ты, пожалуйста, не выражайся.

– Я уже давно не выражаюсь.

– А кто только что сказал «фигня»?..

– Ладно, ты меня с толку не сбивай. Ты поняла, что я тебе сказала?

– Конечно, конечно! Я только не понимаю, почему ты не хочешь помощи от друзей.

– Потому что хочу всего добиться сама. А если не смогу, разве я чего-нибудь стою?

– Но ты же одолжила денег у Джо Блейки.

– Правильно. Ведь он не друг, а полицейский! Он даже хотел меня выслать из Монтерея. Как отдам ему долг, может, и станем с ним друзьями.

– Я смотрю, ты себя не жалеешь.

– Что делать, – пожала плечами Сюзи, – пожалеешь, больше навредишь.

– Вот-вот, всегда ты такая была, – вздохнула Фауна. – Поэтому в «Стяге» толку из тебя и не вышло...

– Я знаю, кто я была, – сказала Сюзи. – И кем хочу стать, тоже знаю.

– Женой Дока? – выпалила Фауна.

– Тьфу ты! Да усвой же ты наконец: с этим кончено. – Ну, я, пожалуй, пойду... – уныло промолвила Фауна. Поставила чашку с блюдцем на туалетный столик, опустилась на четвереньки и поползла к дверце. – Подтолкни меня, Сюзи.

Фауна выдавилась из бойлера, словно паста из тубика.

– Обожди, Фауна! – послышалось вслед. Фауна развернулась, снова просунула голову в дверцу. – Ты, пожалуйста, не обижайся, – оказала Сюзи. – Лучше тебя у меня никогда друга не было. Я не с тобой свожу счета, а сама с собой. Помнишь, я всегда на всех набрасывалась? Так, оказывается, злиться-то надо было на себя... Вот полажу сама с собой – глядишь, и с другими сумею поладить.

– А что если Док придет с повинной головой?

– Нет уж, мне такой добычи не надобно. Пусть он хоть вообще без головы придет... Что

разбилось, того не склеишь... Вот если понравится мне другой человек, сумеет доказать свою любовь – я этого человека сделаю счастливым...

– Знаешь, я по тебе скучала, – сказала Фауна.

– Ничего, разберусь со своими делами, будем почаще видеться. Я тоже тебя люблю, Фауна.

– Перестань. Не смей мне таких слов говорить, – Фауна всхлипнула и захлопнула топочную дверцу.

30. На свет появляется президент

Совесьть – удивительное и таинственное порождение сознания; именно она повинна в том, что наш жизненный путь столь неисповедим, столь комичен и столь мучителен. Зародилась она, вероятно, в смятенной душе тех первобытных индивидуалистов, на которых сообщество воздействовало силой своей нелюбви. Кто знает, может, совесьть пускает корешки и расцветает в чувствилище нашем благодаря питающим ее выделениям некоей таинственной железы? Кто знает, не оттого ли человек обрекает себя на муки совести, что чувствует в них средство возвестить равнодушной вселенной о своем существовании? А может быть, мука есть величайшее наше наслаждение?.. Как бы то ни было, мы предаемся мукам совести так же радостно самозабвенно, как кошки – любви; от сознания своей вины готовы выть, как волки на луну; ни одного человека в мире не удостоим таким жгучим презрением, как самого себя...

Если и жил на свете смертный, которому недоступны были подобные муки и радости, то это Элен. Для пробуждения совести требуется известная самоуглубленность, а откуда ей взяться у человека, начисто лишённого рефлексии? Жизнь для Элена была чем-то вроде проходящего поезда для мальчишки, который с открытым ртом, с волнением в легком сердце смотрит изумленными глазами на летящие мимо вагоны.

Элен никогда себя ни в чем не винил, ибо был и впрямь невинен, как младенец. Его воспитание и образование Мак описал следующим образом: «Четыре года отсидел в простой школе, четыре – в исправительной, ни там, ни там ничему не научился». Даже исправительная школа, где порок и преступление относятся чуть ли не к числу обязательных предметов, не смогла испортить Элена. Вышел он оттуда таким же чистым душой, как и поступил. Впрочем, некоторые преступные деяния были бы ему по силам – не хватало лишь сосредоточенности, и неизвестно, как бы сложилась его жизнь, если б судьба не дала ему в друзья Мака с ребятами и Дока. Мака Элен почитал величайшим человеком в мире, а Дока вообще не относил к разряду смертных. Иногда он вместо Бога молился Доку.

Но теперь Элен начал меняться. Мало-помалу в нем копилась сосредоточенность. Возможно, давало всходы коварное семя, посеянное в душе гороскопом Фауны. После первого бурного несогласия он больше ни разу не заговаривал о своем будущем, что само по себе было весьма подозрительно.

Элен не хотел быть президентом Соединенных Штатов. Если б был хоть какой-то способ избежать злой напасти, он бы им воспользовался, но гороскоп не оставлял никакой лазейки. И как узник, помаявшись немного, начинает обживать и даже по возможности украшать темницу, так и Элен, будучи не в силах сбросить оковы грядущего президентства, стал думать, как исполнить предназначение достойно и красиво. Ответственность – это бремя, которое возвышает человека.

Элен стал готовить себя к государственному поприщу. Он прочел попавшийся под руку журнал «Тайм», сначала один раз, потом другой – от корки до корки. И подумал: все, что там написано, – бред (отсюда видно, что, страдая растрепанностью мыслей, он все же обладал здравым умом).

Элен купил «Всемирный альманах» за 1954 год, изучил биографии президентов и стал размышлять над тем, что делать, если англичане снова вздумают насильно забирать на службу к своему королю американских моряков, или если вновь возникнет вопрос о какой-то «Директиве номер 40 за 1954 год»...

С той поры как Элен внутренне смирился с высоким назначением, жизнь его стала мучительной. В иное утро он просыпался счастливым, думая, что президентство всего лишь кошмарный сон. Но тут же пересчитывал пальцы на ногах и – покорялся судьбе и долгу. Труднее всего в этом новом состоянии было одиночество. Он ни с кем не мог обсуждать президентские заботы. Судьба выделила его – и поставила над обыденным. Нет, не гнев владел им, когда он чуть было не поднял руку на Мака, а стремление защищать слабых и униженных, в данном случае Дока. И вовсе не из пустого тщеславия восстал он против друзей, отказавшись пойти на маскарад гномом. Хочешь не хочешь, он должен был блюсти достоинство своего высокого ранга; будущий президент мог нарядиться лишь Прекрасным принцем, и никем иным!

В обычное время кто-нибудь из ребят непременно заметил бы страдание и усталость на физиономии Элена, а также печать благородного мученичества во всем его облике, – и Элену дали бы две ложки лучшего в мире лекарства – горькой соли. Но сейчас для всех его друзей – и мужчин, и женщин – настала пора невзгод, и располагавшая к душевной чуткости.

Попытки Элена понять, что же случилось на маскараде, не дали плодов. Элен помнил, как во всей красе и величии явился в Ночлежку, а потом... потом случилось что-то непостижимое, имевшее ужасные последствия. Незыблемый дух Королевской ночлежки – подобно граниту, что на своем веку выдерживает несметное число ударов, но в какой то миг разрушается разом, – этот дух в одночасье испарился.

Мак, которому обычно и горе не беда, впал в тоску; очи его потускнели; отважная душа обескрылела. А уж если с Максом приключилось такое, то можно себе представить состояние ребят – ни дать ни взять выброшенные на берег медузы.

«Что случилось?» – раз за разом спрашивал Элен, но все только взглядывали на него молча и тут же отводили глаза, не желая ничего объяснять. Несколько первых дней Элен еще надеялся, что это просто невиданно затянувшееся похмелье, но вот уже пора бы им снова возжаждать, а все словно дремлют! Элен начал опасаться за своих друзей.

Усевшись под кипарисом, Элен попытался не просто собраться с мыслями, но и задуматься. Подошло время великих дел – и оказалось, что он один обладает нужной для них духовной статью. Когда он, наконец, встал, отряхнул со штанов черно-зеленые кипарисовые чешуйки и направился в Королевскую ночлежку, он был уже не прежний Элен, которого звали за глаза Беспамятным, Пеньком, Дурачком. Его могучие плечи расправились под высоким грузом ответственности; глаза излучали спокойную нравственную силу.

В Ночлежке царил печальный сумрак, пахло плесенью. Ребята лежали на кроватях как неживые. Мак, очевидно, чувствовал себя хуже всех, потому что уставился в свой полог совершенно пустыми глазами. Он не стонал, не метался, но какая-то тайная скорбь ела его прямо на глазах.

Элен присел в ноги к Маку, ожидая, что Мак лягнет его ногой в стоптанном ботинке, но Мак не шевелился.

– Мак, ты что лежишь как колода? – тихо сказал Элен. – Вставай.

Мак ничего не ответил, только прикрыл глаза, – из-под ресниц выкатились две слезы и быстро высохли на горячих щеках.

– А если я тебе врежу, тогда встанешь? – еще тише спросил Элен.

Мак вяло покачал головой: мол, не надо.

Элен не мог больше сдерживаться, бросил козырную карту – будь что будет.

– Я был вчера у Дока. Сидит с карандашом, ни слова не написал. Ничего за день не сделал. Ничего не придумал. Хватит валяться, Мак, Доку нужна помощь!

– Нужна, как собаке пятая нога, – отвечал Мак заупокойно. – Не сердись на меня, Элен. Я больше не могу. Я в нокдауне.

– А что случилось, Мак?

– Помнишь, как мы в тот раз отмечали его день рождения? Когда за лягушками ездили, – глухо сказал Мак. – Все у него в лаборатории порушили-поломали. Так вот, это все цветочки...

– Какие цветочки? – с интересом спросил Элен.

– Я в том смысле, что тогда поломали вещи – проигрыватель, пластинки, посуду. А теперь хуже – теперь мы душу ему поломали! Я себя чувствую, как медведь, который хотел погладить человека по башке, провел лапой, а у того мозги вон. Все, сдаюсь... – Глубоко вздохнув, Мак перевернулся на другой бок, закрыл лицо руками.

– Нет, ты не сдавайся! – приказал Элен.

– Уж как-нибудь без тебя разберусь, ладно?

– Ладно, разбирайся, – обрадовался Элен.

– Сам и разбирайся! – разозлился Мак. – Что ты ко мне пристал?

– Понимаешь, Док должен поехать в Ла-Джоллу, – принялся объяснять Элен. – На следующей неделе начинаются приливы. Он наловит восьминогов и напишет книжку. Но мы ему должны помочь, Мак!

– Эх, – вздохнул Мак. – Помню, как-то Фауна рассказывала про одного боксера полусреднего веса, его звали Келли-поцелуйся-со-смертью. Так вот, я – Мак-поцелуйся-со-смертью. За что ни возьмусь, все на корню чахнет.

– А ну-ка, встань!

– И не подумаю.

– Встань, тебе говорят!

На этот раз Мак просто промолчал.

Элен вышел на пустырь, огляделся. В зарослях высокой травы лежал проломленный дубовый бочонок из-под дегтя. Элен вырвал крепкую бочарную доску и вернулся с ней в Ночлежку.

Встав у постели Мака, он хорошенько примерился, размахнулся – и ударил Мака так сильно, что у самого от натуги лопнули штаны. И тут только он по-настоящему понял, как сильно хворает Мак: даже не пошевелился, только крякнул!

Элен мужественно поборол охвативший его ужас; потом вспомнил свой высокий страдальческий жребий – ехать в Вашингтон, есть проклятых устриц...

– Ладно, Мак, – произнес он негромко. – Придется мне самому это дело уладить.

Сказав так, он повернулся и ушел, спокойный и величавый.

Мак перелег на бок, подпер голову рукой.

– Нет, вы слышали, что сказал этот болван? И главное, виноват опять буду я: зачем раззадорил? Ну все, теперь беды не миновать... Милая мама, готовь белый саван, сын твой в смертельной тоске...

– Гляжу я на тебя, – сказал Уайти II, – тебя и вправду отпевать пора.

31. Тернистой тропой величия

Когда человек сворачивает с привычной дороги, он обычно еще долго с сожалением оглядывается назад. Так было и с Эленом, который, не столько по собственной воле, сколько по воле судьбы, оказался вдруг на нехоженой тропе. «Придется мне самому это дело уладить», – заявил он Маку. Легко сказать, да трудно сделать! Посидев под гостеприимными ветвями черного кипариса, он вдруг понял, что не представляет, какое дело надо улаживать. И с невольной тоской пустился в воспоминания о минувших днях, когда имел счастье быть идиотом, когда все его любили и привечали, когда за него думали другие. Правда, в расплату за бездумную жизнь приходилось безропотно сносить насмешки, но все равно – славное, душевное было время...

Когда-то, давным-давно, Док ему сказал: «Люблю с тобой, Элен, посидеть, поговорить. Ведь ты как колодец. Тебе можно верить самые сокровенные тайны. Ты ничего не слышишь и не помнишь. А если б и запомнил, все равно бы не уразумел... Да ты, пожалуй, лучше колодца! Какой колодец умеет так внимать? Ты как исповедующий священник, но без епитимьи...»

То было в прежние бездумные дни, когда Элен еще не знал ответственности... Но в новом своем высоком звании он должен судить о событиях, выбирать линию действий, другими словами, мыслить!

И он предпринял такую попытку, втайне от всех и слегка стыдясь. В доброе старое время, посидев под черным кипарисом минуту-другую, он улегся бы, положил локоть в изголовье и быстро заснул. Но сейчас он обхватил колени руками и стал мучительно думать. Его ум тщетно пытался выкарабкаться из непонятицы – точно муравьишка из ловчей ямы своего врага, муравьиного льва. Нужно было до чего-то додуматься, принять какое-то решение. Сон не шел к Элену; он хотел было отвлечься, почесаться, но, как на грех, нигде не чесалось. Он должен уладить какое-то дело. Да что это за дело, черт подери?.. Как пришло заветное решение, он так и не понял, потому что клюнул носом, – да тут и проснулся, как будто его кто толкнул, и в тот же миг перед ним забрезжил путь! Путь был не вполне достойный, граничащий с мошенничеством, но другого, как говорится, бог не дал.

Вы, конечно, помните, что с Эленом было очень приятно общаться: задаст он собеседнику вопрос, а ответ не слушает. Люди за ним это знали – и платили откровенностью. Что если,

подумал Элен, что если не только спрашивать, но и слушать, не подавая, конечно, виду! Путь не совсем честный, но зато ведет к благородной цели.

Слушать мало, надо еще запоминать, а потом свести все ответы вместе. И дело прояснится. Задам каждому вопрос или пару, думал Элен, глядишь, придет решение.

Изнемогши от умственных усилий, Элен улегся, подложил руку под голову и заснул крепким сном честно поработавшего человека.

32. Поход за истиной

Джо Элегант вернулся из отъезда с опаской, готовый в любое мгновение улепетнуть еще куда-нибудь, если понадобится. Он ждал кары за свою проделку с костюмам Элена, но никто его не трогал. В благодарность он три дня подряд делал воздушные пирожные, да такие, что можно язык проглотить. Все-таки ему не терпелось узнать, как приняли его костюм, только боязно было спрашивать. Поэтому, когда в его закуток пожаловал сам Элен, он обрадовался.

– Посиди, – оказал Джо, – сейчас принесу пирога...

Пока Джо не было, Элен рассматривал работы Анри Художника, висевшие на стене. Одна относилась к раннему периоду, когда мастер выполнял картины исключительно из птичьих перышек, другая – к более позднему периоду ореховых скорлупок. Потом Элен посмотрел на ломберный стол с портативной пишущей машинкой, за которым Джо сочинял в свободное время роман. Сбоку от машинки лежала аккуратная стопка бледно-зеленых листков с ярким зеленым же шрифтом. Один листок торчал в машинке, только что начатый: «Дорогой Антоний Уэст! Все это время я думала только о вас...»

Джо принес Элену изрядную толику пирога и стакан молока, и, покуда Элен угощался, Джо то и дело взглядывал на него искоса своими влажными глазами. Наконец спросил:

– Ну и как?

– Что как?

– Как костюм?

– Отлично. Все удивились.

– Еще бы. А Мак что-нибудь сказал?

– Чуть не заплакал, сказал, костюм лучше всех.

Джо Элегант улыбнулся с тихим злорадством.

– Как ты думаешь, что случилось с Доком?– спросил Элен, нарочно придав лицу самое тупое выражение.

Джо по-докторски положил ногу на ногу, по-докторски пошелестел зелеными листками и докторским голосом ответил:

– То, что с ним происходит, имеет два аспекта – общий и частный. А всякое частное, как известно, содержит в себе общее...

– Как-как?

– Его угнетенное состояние имеет под собой много причин, но все они сводятся к одной. Либи́до влечет Дока в одну сторону, а нравственное чувство – в другую. Морская стихия, с ветрами, приливами и отливами, для Дока мифологическая субстанция. Он связан с ней тем, что добывает морские организмы. Он относит их к себе в лабораторию и прячет от чужого глаза, как чудесный клад Нибелунгов, а стережет клад дракон Фафнир...

«Он их не прячет, а продает», – хотел сказать Элен, но тут же прикусил язык: нельзя выдавать свое внимание.

– У нас в школе учительница была, – Берта Фафнир, сказал он вместо этого. – В День благодарения на доске индюшек рисовала. Юбки у нее нижние крахмальные, шур-шур...

Джо слегка нахмурился: мол, прошу не перебивать, и продолжал:

– Духовный экстракт мифа – символ. Для Дока символ – та книга, что он жаждет написать. Вроде бы все ясно. Однако если копнуть глубже, то окажется, что его тяга к науке – лишь фальшивое воплощение иной, подлинной тяги к чему-то другому. Символ ложен, путь неверен! Отсюда тщетность усилий, отсюда душевная травма и попытки самообмана. «Нужен микроскоп, чтобы написать книгу, – говорит он себе. – Нужно поехать в Ла-Джоллу к весенним приливам». Никуда он не поедет, ничего он не напишет!

– Почему?

– Потому что избрал заведомо ложный символ. А корень неудач заложен в самой мифологической субстанции. Ведь водная стихия – воплощение материнского начала. Мать мертва и в то же время жива. А он достает из материнского лона чудесный клад и хочет присвоить... Понял теперь, в чем дело?

– Понял, – кисло сказал Элен.

– Ему не хватает любви, понимания, – сказал Джо.

– Этого всем не хватает, – сказал Элен.

– Я бы, наверное, сумел ему помочь, да он не примет моей помощи.

– А я думал, ему поможет Сюзи...

Джо пренебрежительно качнул уголками рта: экая, мол, нелепица.

– Нет, это был бы для него лишь очередной самообман, очередной ложный символ...

– А если она ему нравится? У каждого свой вкус! – возразил Элен.

– Глубокая мысль.

Совсем рядом с пристройкой Джо Элеганта располагалась Комната досуга, – туда и направился Элен. В кресле, положив ноги на стул, сидела Бекки, читала свою почту. Она была членом Общества друзей по переписке и получала множество посланий со всех концов света. В данный момент она держала в руках тонкий листок рисовой бумаги – письмо из Японии. «Дорогой друг! – говорилось в нем. Полюсиль твой интереса записоська. Как вы позивать Калифольния? Японский девуська тозе делать завивка но без обесцьцветка. Мой подруська Мицу Мицуки иметь зелани под Запад ходить. Будет пробовать если твой прислать маленьки балоньсик перекись водород для бризгать».

– Привет! – сказал Элен.

Бекки отложила письмо.

– В Японии когда-нибудь был?

– Нет.

– Вот и я не была. Как Мак поживает?

– Хорошо. Как ты думаешь, что случилось с Доком?

– Его треплет любовная лихорадка, – отвечала Бекки. – И еще бы не трепала – такого-то мужчину!

– Сидит, молчит, как будто его по голове огрели...

– На то она и любовь, – сказала Бекки. – Эх он, бедолага. Если б он сох по мне, я бы подошла к нему, положила руку на его горячий лоб и сказала б: «Док, милый...»

Дверь Фауны распахнулась.

– Так, что здесь за голоса? Привет, Элен. Ты бы поискал себе кого-нибудь другого, поздоровее Бекки...

– Я к тебе за делом, – сказал Элен. – За делом? Что ж, тогда заходи. Садись. Выпьешь стопочку? Дело секретное? Дверь закрыть?

– Да, – проронил Элен, отвечая разом на все три вопроса.

От стопочки взгляд его просветлел.

– Как ты думаешь, что с Доком? Любовь?

– Похоже на то. Раньше я еще сомневалась, но когда он галстук надел... Или потом, на маскараде, когда сказал, что согласен взять Сюзи...

– Пьяный был, вот и сказал, – попытался возразить Элен. – Пьяный человек все что хочешь скажет.

– Все, да не все!

– Значит, он по Сюзи сохнет?

– Ну да. Не была б она дура, поехала бы с ним в Ла-Джоллу, была б ему помощница. А там, глядишь, и пошло бы у них дело на лад...

– Док хочет написать книгу, – вспомнил Элен.

– Нет, ему сейчас не до книг. Он в таком состоянии. что о своих бумажках и думать не может.

– Он вообще ни о чем думать не может.

– Вот именно, – поддакнула Фауна. – Пока он будет думать о Сюзи, он не сможет как следует задуматься о книжке. Такое мое мнение.

– Значит, если б она поехала с ним в Ла-Джоллу...

– Да, это решило бы дело. Только она не поедет, не согласится...

– А может, он ее и не пригласит.

– Ерунда. Была бы умная, и спрашивать не стала б – поехала и все тут... – сказала Фауна. – Ну ладно, что толку нам с тобой разговаривать... Еще выпьешь?

– Не могу, – сказал Элен. – Мне еще к одному человеку надо.

Когда Элен вошел в лавку, Джозеф-Мария Ривас, по случайному совпадению, тоже читал письмо. Читал и ругался себе под нос по-испански. Письмо было от некоего Джеймса Петрилло и содержало в себе недвусмысленную угрозу: если правительству не под силу выдворить «мокрых спин» из страны, говорилось в письме, то с этим вполне справится профсоюз музыкантов. Патрон прямо-таки вспотел от беспокойства. Обычно он вступал в пай с тем, кого не мог подмять под себя, однако Петрилло не оставлял ему мирного исхода. Мысли Патрона невольно клонились в сторону убийства.

– Как живешь? – спросил Элен.

– Паршиво, – отвечал Патрон.

– Не тебе одному плохо, – утешил Элен. – Вон Док, сидит как в нокдауне. Как думаешь, что с ним случилось?

– Бог его знает. У меня своих забот полон рот, – сказал Джозеф-Мария. – Да, кстати, забавное вчера дело приключилось. Возвращаюсь я поздно вечером домой, иду по пустырю мимо бойлера, там еще неподалеку фонарь горит, и вдруг под фонарем чья-то тень – шмыг. Сразу смотрю в оба – кто там околачивается? Ба, да это же Док!

– Не может быть, – сказал Элен.

– Может! – Скользя глазами по полкам с овощами и пирамидами консервов, Патрон остановил взор на рекламном плакатике, где красивая девушка тянула кока-колу. – Знаешь, что я тебе скажу? – произнес он раздумчиво. – До маскарада я считал, что Сюзи – так себе, как все прочие из «Медвежьего стяга». Но потом она показала характер, стала жить в бойлере. И теперь мне кажется, не зря Док на нее глаз положил: есть в ней что-то этакое, особенное, чего я не разглядел... Ну не беда, я еще за ней приударю.

– Не вздумай! – сказал Элен. – Она докова!

– Глупости, – сказал Патрон. – Женщина не может быть ничьей собственностью. Свистну у ней под окошком, и все дела...

– А у нее нет окошек, – радостно вспомнил Элен.

Патрон улыбнулся. Яд злополучного письма понемногу улетучивался из души.

– Да, есть в ней что-то особенное, – повторил он. – Надо получше приглядеться.

– Смотри не вздумай к ней липнуть! – предостерег Элен.

Джозеф-Мария потупился – именно в этот миг во взгляде его просквозил коварный пращур-индеец. Потом снова улыбнулся, сказал уступчиво:

– Хорошо, не буду, – и прибавил: – Я слышал, она в «Золотой мак» устроилась...

Представьте себе узкую, длинную и высокую залу, с сигаретным автоматом у самого входа, с выложенным мелким кафелем полом; в дальнем ее конце – потемнелая деревянная стойка с круглыми вертящимися стульями; на стойке – музыкальный автомат (вернее, та его часть, куда бросают монету), касса, вазончик с бумажными салфетками, а также запас соли, сахара, перца, горчицы и кетчупа; весь простенок зеркало, а под зеркалом, на прилавке, кофемолка, электросковорода, тостеры, лотки с пирожными, пирогами и пончиками, горка упакованных в целлофан готовых завтраков, пирамидка консервированного супа, нагреватель для консервов; на свободном кусочке стены сразу три расписания: киносеансов, автобусов и соревнований по боксу; а вот дверь с окошечком и полкой, ведет на кухню...

Таково было кафе «Золотой мак» в своем лучшем и неизменном виде. Оно было мрачно-добропорядочным, что для посетителей оборачивалось сочетанием скучной и клеклой еды с довольно хорошим кофе. Где было «Маку» тягаться с новыми веселенькими ресторанчиками, которые росли в Монтерее, как грибы после дождя, и тщеславились своими низкими потолками, настенно-рекламной живописью, стерильными скатертями и плавучими подсвечниками. Да «Маку» и не нужно было ни с кем соперничать. Ведь немало людей и так предпочитали его всякого рода скороспелкам, весьма уважая за холодные клеклые пончики, жилистое мясо и консервированный суп. К заведениям, где стены украшены рыболовными сетями, а в меню, что ни название, то прямо какой-то анекдот, эти посетители относились с недоверием. Принятие пищи было для них хоть и привычным, но все равно достаточно торжественным обрядом, не допускавшим легкомысленности.

Первый прилив посетителей был с семи до восьми тридцати, второй – с одиннадцати тридцати до часу тридцати, третий – с шести до восьми. В промежутках заглядывали любители кофе, бутербродов и пончиков. А совсем вечером было еще две волны – в девять тридцать, когда в кинотеатре кончился первый вечерний сеанс, и в одиннадцать тридцать, после второго сеанса. В половине первого ночи «Золотой мак» закрывал свои лепестки, правда, по субботам кафе работало до двух ночи, обслуживая тех, кому в это время уже надо опохмелиться.

Приход Сюзи в «Мак» оказал довольно любопытное, но, впрочем, объяснимое действие на Эллу. Долгие годы она отгоняла от себя хворь и усталость суровым усилием воли; над беспросветностью своего существования старалась не задумываться, чтоб не раскиснуть от жалости к самой себе... Сюзи стала не просто хорошей помощницей, но и душой заведения: шутила с зеленщиком и мясником; весело насвистывала над тостером; никогда не забывала, что мистер Гарригас любит сельдереевый суп с пеной и, главное, помнила, что его зовут Гарригас. Первые два дня Эллу присматривалась, как Сюзи работает, а когда Сюзи предлагала ей пойти домой, прилечь, она язвительно отказывалась. Потом воля ее поколебалась, и, словно почуяв слабинку, ожили, стали одолевать хвори – ломота в суставах, боли в животе; прихлынула усталость. Лишь окончательно развалившись, Эллу призналась себе в своей ветхости. Она отлучилась отдохнуть один раз – невелик грех; потом второй, третий – оказывается, это очень приятно; и сама не заметила, как прирастала не на шутку – тут уж не до раскаяния. Теперь, когда Сюзи после первой вечерней волны посетителей говорила Элле: «Ступай домой, отоспись!» – Эллу воспринимала это уже как нечто вполне естественное. А Сюзи не только с честью выдерживала натиск вечерних завсегдатаев, но и привлекала своей веселой обходительностью все новых посетителей.

Стрелка часов переходит одиннадцать, а у Сюзи уже все готово: четыре кофеварочные машины заправлены свежим кофе; гамбургеры, переложенные вощенной бумагой, лежат в холодильнике и ждут, когда их закажут и разогреют; помидоры нарезаны ломтиками для бутербродов; в ящичке под электросковородой запасен нарезанный хлеб. В одиннадцать тридцать с последнего сеанса повалит, как на приступ, народ.

Кажется, у Сюзи восемь рук. Она подает бутерброды. Многослойные, из трех тонких гренок – с цыпленком, салатом, ветчиной и майонезом; простые – с плавленым сыром. Булочки с запеченным в середине сыром. И кофе, кофе, кофе. Тарахтит касса, на поролоновую подушечку падает сдача.

– Хозяюшка, давай встретимся в субботу!

– Давай.

– Значит, договорились?

– Договорились. Мужа тоже с собой взять?

– Разве ты замужем?

– Пока да. Не выгнал бы муж за такие разговоры!

– Уж больно ты красивая...

– Да и ты вроде собой недурен. Держи сдачу.

– Оставь себе.

– Спасибо. Что? Булочку с сыром? Сейчас будет готова. Простите, девушка, с вас еще восемьдесят шесть центов за бутерброды с тунцом...

В доли мгновения между заказами она пускает в ход еще три руки из восьми – швыряет грязные тарелки в мыльную воду, мгновенно протирает губкой.

– Мистер Гелтейн, постойте! Зонтик забыли!

– Ах, да. Спасибо. – Еще двадцать пять центов чаевых: Сюзи бросает монетку в банку с прорезью в крышке и с надписью «Для Джо Блейки».

Наутро, когда Джо заходит выпить кофе, перед ним на стойке появляется стопка монеток по двадцать пять центов – Джо расписывается за их получение в бухгалтерской книге. С каждым днем долг Сюзи уменьшается...

Элен вошел в «Золотой мак» без пяти двенадцать ночи в стоял, привалившись к стене, пока не освободился вертящийся стул у стойки.

– Привет, Элен, – сказала Сюзи. – Что будешь?

– Кофе.

– Тогда за счет заведения. Как дела?

– Нормально.

Посетителей становилось все меньше, вот и совсем никого не осталось. Резвые руки Сюзи уже готовили «Золотой мак» ко сну: отскребали гриль, мыли прилавок, вытирали обмазанные горлышки бутылок с кетчупом. Сюзи увидела, что Элен взял веник и подметает пол.

– Эй, ты что?

– Быстрее закончишь. Нам с тобой по пути. Я тебя провожу, ладно?

– Ладно, – сказала Сюзи. – Понесешь мой портфель.

– Какой портфель?

– Шутка.

– Ха, ха, – оказал Элен.

Они прошли по улице Альварадо, ныряя то в темноту – у закрытых магазинов, то в огнистый неон – у ночных баров. Достигнув залива, немного постояли у чугунного парапета, посмотрели на рыбацкие лодки, дремлющие в черной воде. Потом снова зашагали, пересекли узкоколейку, миновали военный пакгауз и, наконец, вошли в Консервный Ряд. И тут только Элен нарушил молчание:

– Ты, наверное, очень умная...

– ?

– Скажи, что, по-твоему, случилось с Доком?

– А я почему знаю.

– Ты на него в обиде?

– Слушай, зачем суешь нос куда не след?

– Не бойся, – поспешно сказал Элен. – Все знают – я тупой.

– Ну и что мне за радость от этого?

– Я – тупой! – счастливо повторил Элен, словно не знал большей добродетели. – Док любит со мной разговаривать. Потому что я все слышу, а ничего не понимаю...

Несколько времени они шли молча. Потом Элен заговорил робко и воодушевленно:

– Док для меня столько сделал! Раз меня судили, его и спрашивают: какой у Элена облик, маральный или нет, замарать, значит, хотели. А он судье отвечает: к Элену такие слова отношения не имеют. Вот как заступился! В Другой раз у меня ногу разнесло – чуть не отняли, – а он ее разрезал, посыпал каким-то порошком – теперь хожу с ногой.

Сюзи молчала. Шаги, и без того гулкие, дробно отдавались в железных кровлях мертвых консервных цехов.

– Док в беде, – сказал Элен.

Шаги заполнили улицу.

– У кого беда, все идут к Доку. А как он в беде – так помочь некому.

Шаги грохотали.

– Я должен ему помочь, – сказал Элен. – А как – не знаю...

– От меня-то ты чего хочешь?

– Пойди к нему и живи с ним.

– Нет уж!

– Если б с тобой что-нибудь случилось, он бы тебе помог!

– Как видишь, ничего со мной не случилось... И с ним ничего не случилось, ты все выдумываешь.

– Нет, не выдумываю! Неужели ты не можешь сделать для него доброе дело?

– Могу. Если бы с ним приключилась настоящая беда – заболел бы, или ногу сломал, – я бы ему носила суп.

– Если он сломает ногу, он не сможет поехать в Ла-Джоллу, – мрачно заметил Элен.

– Не волнуйся, ничего он пока не сломал, – сказала Сюзи.

Поравнялись с заведением Могучей Иды.

– Хочешь пива? – спросил Элен.

– Спасибо, не хочу. Ты куда, разве не в Ночлежку?

– Нет, мне надо еще к одному человеку.

– Послушай, что я тебе скажу. Однажды, когда я была маленькая, я сделала родителям в подарок пепельницу...

– Ну и как, им понравилось?

– Она им просто была не нужна.

– Они что, не курили?

– Угадал. Спокойной ночи...

Элен был близок к нервному истощению. За всю свою предыдущую жизнь он ни разу не напрягал извилин дольше двух минут кряду. Теперь же, на исходе четвертого часа умственных усилий, запас психической прочности стал стремительно иссякать. А ведь поход не кончился! Предстояло повидать еще двух человек, а потом удалиться под сень черного кипариса, чтобы просеять песок в поисках золотых крупинок. Пока ничто не предвещало удачи. В сознании Элена, как в калейдоскопе, возникал пестрый узор; но только он пробовал повернуть его так, чтобы увидеть смысл, узор неузнаваемо менялся. В голове стоял легкий звон.

Ночь выдалась кошачья. Мимо Элена то и дело крался какой-нибудь здоровенный кот, искавший соперника; кругом сидели и невинно охорашивались кошки, как бы ни о чем таком и не ведая. В свете уличных фонарей серебристо мерцали безмолвные корпуса консервного завода. На прибрежных скалах – напротив океанологической станции – залиvisto лаяли морские львы. И тихо плыла в поднебесье щемящая мелодия «Мемфисского блюза», рожденная где-то на берегу трубой Какахуэте...

Элен помедлил, вкушая тайну ночи... Потом случайно бросил взгляд в сторону жилища Сюзи – как раз в этот миг какая-то фигура отделилась от бойлера, мелькнула под тусклым фонарем и скрылась в темноте. По общему виду и повадке Элен без труда опознал Патрона. Ладно, меня это не касается, подумал Элен. Подошел к Западной биологической, поднялся на крыльцо, постучал в дверь.

Док, расположившись на кровати, проверял зоологическую амуницию: сетки, ведра и

стеклянные банки, склянки с формальдегидом, горькой солью и ментолом, резиновые сапоги и перчатки, стеклянные пластинки и леску. На столе – новый небольшой походный аквариум, оснащенный маленьким насосом для продувки и электромоторчиком на двух батареях. Док хмуро смотрел, как бегут кверху белые струйки мельчайших пузырьков воздуха.

– Входи, гостем будешь, – приветствовал он Элена.

– Вот, шел мимо, вижу свет, дай, думаю, зайду, – объяснил Элен.

– Молодец, – сказал Док. – Я уже устал сам с собой разговаривать – дурацкое ощущение. Изливать душу другим тоже не тянет. Ты для меня – находка.

– Слушай, вспомнил! Что такое ос... астрофизика?

– Тебе это очень надо знать?

– Нет, я просто так спросил, из интереса... Я ее хотел учить.

Док поморщился.

– Давай лучше про астрофизику не будем. Ты уж извини.

– Я принес тебе пинту виски.

– Спасибо, ты настоящий друг. Давай выпьем.

– Давай, – согласился Элен. – Ты правда едешь в Ла-Джоллу?

– Правда. Что мне еще остается. Не зря же я столько про это болтал.

– Многие думают, что ты не поедешь.

– Тогда тем более надо ехать, – вздохнул Док.

– А ты разве не хочешь?

– Не знаю... – блекло сказал Док. Он встал с койки и отсоединил проводок электромоторчика от батареи. Нечего зря тратить энергию... – Знаешь, разобрал я себя по винтикам, как сломанный «форд». Разложил на траве все части, а где неисправность, не пойму. И сумею ли снова собрать, не знаю...

– Не бойся, я тебе помогу, – сказал Элен. – Я в «фордах» разбираюсь.

– Может, ты и в людях разбираешься? – насмешливо спросил Док.

Элен испуганно потупился: неужто его раскусили?

Но Док добродушно сказал:

– Эх ты, механик...

Тогда Элен, сам пугаясь своей дерзости, спросил:

– Как ты думаешь, Док, что с тобой?

Док, к счастью, посчитал вопрос разумным и естественным.

– Бог меня знает, – ответил он. – Скорее всего я пустился искать оправдание своему существованию. Решил внести вклад в науку, выпестовать теорию. Детей-то пестовать не

пришлось... А теперь мне кажется, эта теория, даже если я ее и создам, – хилая плата за никчемную жизнь. Но раз уж за дело взялся, отступить не годится.

Элен порылся в осколках своих мыслей.

– Мак говорит, что он с Фауной виноват. Говорит, из-за него на маскараде плохо вышло.

– Нет, – сказал Дож, – он тут ни при чем. Я сам все испортил.

– Думаешь, надо было тебе Сюзи ловить?

– Ловить? Пожалуй. Я с тех пор много думал и многое понял. Те два дня, что она была рядом, я чувствовал себя другим человеком. Никогда в жизни мне так хорошо не было. Постоянная боль ушла, в душе точно оконце распахнулось.

– И все из-за Сюзи?

– Да. Знаешь, я всегда гордился, что у меня широкий ум, свободный от всяких предрассудков. И какова же оказалась мне цена? Я стал самым гнусным образом взвешивать! Задатки Сюзи. Воспитание. Жизненный опыт. Кругозор. Даже стал прикидывать, какая у нее может быть наследственность... А между тем многие мои знакомые, у которых безупречный набор перечисленных свойств, премерзкие люди!.. Вот говорю это и только яснее понимаю, какого дал маху...

– А исправить нельзя?

– Каким образом?

– Возьми букет гвоздик да и постучись к ней.

– Начать сначала? Довольно глупо.

– А чем иначе бабу проймешь?

– Гм, может, ты и прав: все гениальное просто. Ты видел Сюзи?

– Да. Она живет в бойлере, у ней там очень красиво. Работает в «Золотом маке».

– Ну и как она? Что хорошего оказала?

Опять покопавшись в осколках мыслей, Элен вспомнил последние грустные слова Сюзи:

– Когда она была маленькая, сделала родителям в подарок пепельницу... – тут Элен остановился: речь явно звучала нелепо.

– Ну и что?

– А пепельница-то им не нужна...

– Это Сюзи сама тебе рассказала?

– Ага.

– Давай-ка выпьем.

– Не могу. У меня важное дело. Одного человека повидать надо.

– В такую-то поздноту?

Элен кивнул. Потом сказал покаянно:

– Эх, Док, ты для меня столько добра сделал, а я...

– Что ты?

– Виноват я перед тобой...

– Виноват? В чем?

– Помнишь, ты говорил, я хороший, потому что ничего не вижу и не знаю?

– Помню. И что?

Элен взглянул на Дока со страхом и стыдом.

– А я нечаянно увидел.

– Что увидел?

– Ты только не сердись, ладно?

– Да что такое?

– Джозеф-Мария ошивается у бойлера...

Сроду еще Элен не испытывал такой усталости. И что самое обидное, результат всех этих небывалых умственных усилий был именно такой, какого он больше всего боялся – то есть никакой. Отправляясь в поход, Элен надеялся узреть свет истины. Вместо этого он узрел совершенно непонятную картину – вроде тех, что Анри Художник делал из ореховых скорлупок. Элену хотелось надолго уснуть, а лучше и вовсе не просыпаться в этом чуждом, неприветливом мире. Эх, не справился с делом, только напортил!.. Как же тогда в Вашингтоне?!

Он устало пересек пустырь и поднялся по тропинке к Королевской ночлежке. Он хотел незаметно проскользнуть в темноте к своей постели и спрятать свое поражение под покровом сна.

Но не тут-то было: Мак и ребята не спали – ждали его.

– Где тебя черти носят? – сердито спросил Мак. – Мы уж обыскались!

– Я гулял, с людьми разговаривал, – сказал Элен уныло.

Мак попытался сесть поудобнее и тут же издал стон.

– Ну, ты мне и врезал! Как я еще жив, не знаю...

– Прости! – сказал Элен. – Хочешь потру?

– Спасибо, не надо! Так что там у тебя на уме, горе луковое? Я же вижу по лицу – что-то задумал.

– И с кем же ты, интересно, разговаривал? – спросил Уайти II.

- Со всеми.
- Нет, правда, с кем?
- Ну, с Джо Элегантом. Потом с Фауной. С Сюзи. С Доком.
- С Сюзи? Где же ты ее видел?– спросил Мак.
- В «Золотом маке». Зашел выпить кофе.
- Смотри, ребята, какой богатый – кофе пьет!
- Мне Сюзи подала даром.
- Ну и что же она тебе сказала?
- Сказала, что в детстве сделала пепельницу...

Мак хохотнул.

- Ценные сведения. А насчет Дока что-нибудь говорила?
- Да, что-то говорила.
- Что? Это же самое главное, дурья твоя башка!
- Не надо на меня злиться. А то я сам разозлюсь.

Мак осторожно перенес вес тела на другую ягодицу.

- Пойду спать под кипарис, – сказал Элен тоскливо: со всех сторон окружает вражда!
- Постой, так что она говорит насчет Дока?
- Говорит, не нужен он ей. Вот разве только... Все, я пошел.
- Что «разве только»?
- Вот разве он заболеет, или сломает ногу...
- Тьфу ты! – сплюнул Мак. – Я думал, чего дельное скажешь. И я тоже дурак, нашел кого спрашивать... И зачем я тебя одного отпустил?
- Я же никому плохого не сделал.
- Но и хорошего, поди, не сделал. Могу спорить, ты сейчас думаешь, какого микроба наслатъ, чтоб Док заболел. Ну, сознавайся!
- Ничего я не думаю. Я устал. Спать хочу.
- Кто ж тебе не дает. Иди спи.

Элен поспешно, не раздеваясь, улегся на кровать, однако не спалось; мозг все сильнее накалялся; прищипоренная совестью, неслась куда-то душа... И лишь когда стал напевать рассвет, Элен забылся.

33. Судьба стучится в дверь

После того как Элен ушел. Док долго сидел в оцепенении. В горле было сухо, в груди свербило... Верхний голос наставлял: «Не забывай, ты ученый с умом деятельным, методическим и точным. Допускать можно лишь то, что поддается измерению, что зримо, слышимо, осязаемо. Законы науки, вот твои законы – им и подчиняйся. Их преступая, ты не только совершаешь грех, но и навлекаешь на себя беду: безначалие, анархия воцарятся в твоей душе!» Дик невольно ежился...

Средний голос злорадствовал: «Сколько лет, сколько лет я тебе говорю, что ты сам себя обманываешь! Попробуй-ка, примени свой хваленый аналитический ум...»

Нижний голос, в самом нутре, тоже не молчал, мучал своей всегдашней заунывной песней, но замешивалась в нее новая нотка, почему-то уверявшая, что мука – на пользу.

Под влиянием среднего голоса Док стал думать: «Что ж, проанализируем положение. С одной стороны, я – мужчина, которого ждет научная работа, с другой – эта девушка. Даже если предположить, что первое время нам будет хорошо вместе, все равно, наш союз не может быть удачным, ни за что на свете! Мало того, что Сюзи малограмотна, она еще обладает буйным нравом. И, как полагается невежде, смело берется судить о вещах, о которых не имеет понятия; и других берется учить. Через пару месяцев она нахватается разных ужимок и примется изображать из себя светскую даму... А я только зря лишусь свободы. И весь мой ум окажется ни к чему – я буду все равно что за шахматной доской с заведомо слабым партнером. Надо одуматься, пока не поздно. Сюзи мне совершенно не подходит. И совершенно мне не нужна!»

Однако средний голос и на это возражал глумливо: «Ну вот, опять себя обманываешь! Ты ведь прекрасно знаешь, что она тебе нужна. Больше всего на свете! Пощупай, как мчится твой пульс, послушай, как оглушительно бьется сердце. А все почему? Потому что лязгнула дверца бойлера. Ты еще не успел понять, что это значит, а уже екнуло, закололо в груди. И то, зачем бы это дверце хлопнуть в три часа утра?..»

Тут нижний голос сказал: «Нет на свете только плохого. Хорошее и плохое всегда едины. В мужчине и женщине – даже в самых близких – есть друг для друга и хорошее, и плохое... Дай мне волю! Или, клянусь, я буду терзать и мучать тебя до конца дней твоих! Выпусти меня! Чувствуешь красные сполохи в глазах? Это ярость! Дай же ей волю, иначе она сглохнет тебя, сведет с ума! Ты слышал лязг дверцы? Посмотри на часы!»

Док посмотрел на часы – семнадцать минут четвертого. «Ах он, сукин кот!» – произнес Док с расстановкой. Резко щелкнул выключателем – погасил свет, приблизился к окну, глянул на пустырь, на тусклое обширное пятно света от уличного фонаря. Потом вышел за дверь, спустился по ступенькам на цыпочках. Крадучись пересек освещенную улицу и нырнул в густую тень...

Патрон в это время сидел на толстой ржавой трубе и ломал голову над задачкой, словно школьник. Никак не сходилось с ответом. По условию, молодой мужчина, симпатичный, модно одетый и, главное, денежный, предлагает услуги женщине. У женщины – ни особенной красоты, ни достатка; живет в бойлере, работает в кафе за кормежку. Мужчина к тому же знает, как действовать – подход у него, может, и не научный, зато испытанный. Он приступает со сладкими речами, с обещаниями, с посулами, в решительный момент применяет силу, ведь бабы любят сильных мужчин... Почему же не тот ответ?.. Патрон пощупал распухшие пальцы на правой руке. Ей-богу, эта Сюзи просто ненормальная! Речей слушать не стала, а полез в бойлер, отпихнула, да как даст этой чертовой дверцей – прямо по пальцам! Теперь, поди, четыре ногтя сойдет. Вот зараза! Так размышлял горько Патрон и не слышал, как подобрался Док.

Док схватил Патрона за воротник модной полосатой рубахи и рывком поставил на ноги. Патрон, не задумываясь, провел мастерскую подсечку, от которой Док вместе с ним рухнул наземь. Не расцепляя объятий, бойцы покатались в мальвовые заросли. Джозеф-Мария норовил поддать Доку в пах коленкой, а Док тискал его горло своими сильными, чуткими пальцами. Патрон вдруг понял, что противник выискивает опасную ложбинку под кадыком – изо всех сил впился ногтями в белое пятно докова лица, но пальцы Дока нашли, ущупали-таки губительное место. Разноцветные разводы заплясали у Патрона перед глазами, красным туманом заволокло мозг. Страшные пальцы вдавливались все глубже, еще несколько мгновений – и конец. Он видел, как это бывало с другими! Сдаться! Скорее сдаться! Патрон обмяк, обливаясь холодным потом: что будет? О счастье, Док ослабляет хватку...

Патрон лежал недвижно, в помутненном сознании слабо колыхалось: что если опять попробовать в пах, или головой под челюсть? Но если промахнусь, снова эти ужасные пальцы... Он был чуть жив от слабости и страха. Он даже боялся подать голос: вдруг Док не так поймет и придушит... Наконец прошептал:

– Сдаюсь. Твоя взяла..

– Попробуй еще только подойди к этой девушке, убью на месте, – яростным шепотом отозвался Док.

– Все, больше не буду. Богом клянусь!

В лавке при тусклом свете дежурной лампочки Патрон пытался открыть бутылку виски, но ему мешали разбитые пальцы – пришлось поручить бутылку Доку.

Док ощущал ту слабость и дурноту, какая обычно наступает после припадка ярости. К тому же он чувствовал себя идиотом. Быстро глотнув из бутылки, он передал ее через прилавок Патрону. Тот хлебнул и отчаянно закашлялся, согнувшись чуть ли не пополам. Док обежал прилавок, постучал Патрона по спине. Оправившись от кашля, Джозеф-Мария посмотрел на Дока, как на диво:

– Ну, ты даешь! Где ты научился этому приему? Ты хоть думал, когда его применял? Ты что, хотел меня убить?

– Убить? Наверное. – Док смущенно рассмеялся. – Я думал, ты пошел в гости к Сюзи.

– Пойти-то пошел... – усмехнулся Джозеф-Мария. – Слушай, ей-богу, я не знал, что у вас с ней...

– Да ничего у нас с ней нет, – скавал Док. – Дай-ка еще хлебнуть.

– Я вижу, с тобой шутки плохи, – сказал Джозеф-Мария. – Только зря ты кипятился. Она меня выставила, как щенка. Видишь, дверцей чуть не оттяпала пальцы. Так что я тебе не соперник. Она, как говорится, твоя.

– Она меня и видеть не хочет... – пожаловался Док.

– Как? И тебя?! Интересно, по какой же причине?

– Почем я знаю...

Облокотившись о прилавок, они обменялись долгим взглядом. Потом Патрон сказал:

– Ну и история... Что же ты теперь будешь делать, Док?

Док усмехнулся:

– Элен говорит, снеси ей букет цветов.

– Хм, в этом что-то есть... Однако черт ее знает, что ей нужно. – Патрон сделал маленький, осторожный глоток – сильно поморщился: виски прошло по больному месту. – Судя по всему, она просто чокнутая. Значит, и ухажера ей надо чокнутого. А ты не пробовал забыть ее ко всем чертям?

– Пробовал. Сто раз.

– Что, не выходит?

– Не выходит. Я понимаю, что я просто-напросто дурак, но ничего не могу с собой поделаться.

– Да, это с нашим братом бывает. Ничем здесь не поможешь... Пстой-на, – глаза его сверкнули, – я теперь вспоминаю, что она мне сегодня сказала... ну, когда я с ней через эту чертову дверцу разговаривал. «Мне, – говорит, нужен мужчина, чтоб у него душа была смелая и просторная». А я говорю: «Док, что ли?» А она: «Нет уж, у него душа жидкая. Хлюпик он».

– Молодец, верно говорит... – вздохнул Док.

– А вот мне так не кажется, – сказал Патрон. – Когда ты меня за горло держал, если б я не сдался, ты б меня... того?

– Возможно. Мне и самому сейчас не верится, что я на такое способен. Однако поди ж ты... Выходит, сам себя не знаю.

– Выходит, не знаешь. Вот я и говорю: человек, который может убить голыми руками, никак не хлюпик! Давай ка эту бутылку прикончим, а потом я тебе помогу.

– Как это?

– Так это. До рассвета еще час. Рванем на Маячную улицу, там в палисадниках цветов видимо-невидимо!

34. Хорошая сидячая ванна

Джо Элегант, к счастью для себя, был в «Медвежьем стяге» поваром, а не вышибалой, поэтому поздней ночью его услуги не требовались. Он рано ложился, зато ставил будильник на четыре утра. И каждое утро по три-четыре часа без помех занимался любимым делом.

Стучала портативная машинка – росла стопка зеленых листков с зеленым текстом. Роман назывался «Эдипово семя» и подвигался довольно быстро. Герой романа родился с глубокой душевной травмой, которую вся последующая жизнь лишь усугубляла. Он жил в непрерывной борьбе с мифологической субстанцией и ее духовным экстрактом – символом. Только он вырывался из цепких объятий первой, как тут же получал увесистый пинок под зад от второго. Дух книги был самая утонченная и алая меланхолия; действующие лица обитали в сыроватых таинственных комнатах, где даже в рисунке обоев крылась мрачная загадка, в мире блеклых запахов и туманных грез. Во всем романе не нашлось бы ни одного персонажа, которого наши психиатры не захотели бы взять под наблюдение. У героя были старые тетушки, по сравнению с которыми маркиз де Сад мог показаться юным причетником...

Рукопись была уже толщиной с доброе полено, и воображению Джо нередко рисовалась книга в суперобложке с фотографией автора сзади: вольная поза, расстегнутый воротничок, тонкая непроницаемая улыбка, перстень с ядом на безымянном пальце небрежно вынесенной вперед руки. Джо уже заранее знал, кто из критиков даст на роман благожелательную рецензию, а кто будет ругать... Машинка стучала: «Поверхность пруда нежно кудрявилась азоллой. Посередине, на чистой воде, плавала большая дохлая рыба брюхом кверху...»

Джо Элегант вздохнул, откинулся на спинку стула, почесал живот. Потом, зевая, отправился на кухню и поставил кофейник. Пока вода греется, вышел на минутку во двор. Было великолепное утро. Громко хлопая крыльями, сновали над заливом пеликаны, промышляя томкода – американскую тресочку. В небе висели пухлые розовые облака... Джо увидел перед дверцей бойлера огромный букет, подкрался, обследовал его. Каких цветов тут только не было – тюльпаны, розы, жонкилии, ирисы... Чей подарок, гадать не приходилось: цветы стояли в большой стеклянной банке для препаратов.

Не нужно думать, что со времен маскарада жизни Джо грозила опасность, однако большого дружелюбия со стороны окружающих он тоже не встречал. Поэтому рад был сообщить Консервному Ряду добрую весть. К Фауне весть прибыла вместе с утренним кофе и печеньем «хворост».

К восьми часам о букете знали и в Королевской ночлежке; в кафе «Ла Ида» ранние посетители смаковали новость вместе с коктейлем из виски и лимонного сока.

Лучшие места для зрителей были, конечно же, в Комнате досуга, окна которой выходили на пустырь. За шторой стоял Мак, уминая Фаунин «хворост». Девушки в своих самых нарядных шелковых халатах сидели у окон. Бекки была в красных сафьяновых туфлях, украшенных страусовыми перьями. В восемь тридцать зрители услышали, как скрипнула дверца бойлера, замахали руками друг на друга – тише!

Сюзи, на четвереньках, высунула голову наружу и тут же уткнулась носом в величественное цветочное подношение. Долго, долго смотрела на букет, потом взяла его в охапку вместе с банкой и втащила внутрь. Железная дверца захлопнулась.

В девять Сюзи вылезла из бойлера и направилась скорым шагом в сторону Монтерея. В девять тридцать вернулась, скрылась в бойлере, а спустя мгновение показалась снова, толкая впереди себя чемодан. Публика впала в крайнее разочарование, но ненадолго, потому что Сюзи подошла к парадной двери «Медвежьего стяга» и позвонила. Фауна мигом разогнала девочек по спальням, выпихнула Мака с черного хода и только потом отворила дверь Сюзи.

Сюзи спросила;

– Можно помыться у вас в ванной?

– Конечно.

Через час, когда плесканье в ванной смолкло, Фауна постучалась:

– Золотко, тебе случайно не дать туалетной воды?

– Да, спасибо.

Спустя несколько минут Сюзи появилась из ванной, чистая и сияющая.

– Хочешь кофе? – спросила Фауна.

– Хочу, но я ужасно тороплюсь. Спасибо за ванну. Нет ничего на свете лучше хорошей сидячей ванны...

Из-за шторы Фауна наблюдала, как Сюзи влезла обратно в бойлер. Фауна удалилась в свой кабинет, накорябала записку и послала ее с Джо Элегантом в Западную биологическую. В записке говорилось: «Она сегодня не работает».

35. В высшей степени комильфо

Док разложил на койке свою лучшую одежду. На стиранных защитных брюках какие-то белесые пятна – кислота, что ли? Белая рубашка желта от времени. А старый твидовый пиджак! Оказывается, локти протерлись до дыр! Галстук, в котором был в тот памятный вечер у Сынка, весь в чем-то липком... Док порылся в чемодане, отыскал на самом дне черный офицерский галстук... Первый раз в жизни собственная одежда была ему не по душе. «Но это же глупость!» – сказал себе Док и тут же прибавил: «Что делать, значит, я глупец...» Размышляя о своем гардеробе и вообще о своей жизни, он начал приходить к выводу, что и то и другое в равной мере нелепы. Но нелепее всего страх – да, да, страх – с каким он думает о предстоящем деле.

Док обратился к гремучим змеям – змеи высунули раздвоенные язычки, внимательно слушая.

– Вы только посмотрите на этого дурака! – Док показал на себя пальцем. – Считается, человек в полном рассудке. Вроде бы даже неглупый, коэффициент умственного развития – 182. Окончил университет, имеет ученую степень. Неплохо подкован в своей области, да и в других не профан. Так вот, этот человек отправляется с визитом к девушке, которая живет в бойлере, несет ей в подарок коробку конфет. И что вы думаете? Он сам не свой от страха! Чего же он боится, спросите вы? Я вам отвечу. Он боится, что не сумеет снискать благоволение этой девушки. Он трепещет перед нею. Отлично знает, что смешон, но, право, ему вовсе не до смеха...

Глаза змей пытливо смотрели на Дока – или это только чудилось?

– И главное, – продолжал Док, – ничего тут не попишешь. Говорят, тело помнит ампутированную конечность. Вот так и я помню эту девушку. Лишившись ее, я лишился цельности и полнокровности. Да, когда она была со мной, я жил действительно полнокровно. Конечно, она не паинька, но даже когда мы с ней воевали, она все равно была моей неотъемлемой частью. Тогда я не понимал, насколько это важно, задним умом крепок... Кстати, я реалист, я знаю, что если все же ее заполучу, то жить с ней будет ох как трудно – еще десять раз пожалею, что вообще ее встретил. Но я знаю и другое. Если я ее упущу, то уже никогда не обрету цельность. Буду жить бесцветно и до конца своих дней скорбеть об этой утраченной девушке. Вы, рептилии, существа благоразумные, вы скажете: «Зачем торопиться? Так ли она хороша? Будто нет в море рыбки получше?» Но это вы так потому говорите, что ваше сердце не затронуто. А по мне, не только нет рыбки получше, но вообще она единственная рыбка в море. Море без нее пусто. Так и зарубите себе на носу!»

Док разделся, встал под душ и терся мочалкой, пока кожа не покраснела, не засадила. Зубы чистил так усердно, что из десен пошла кровь. Потом набросился с ножницами на изъеденные формалином руки: обкорнал ногти чуть не до мяса; яростно расчесал давно не стриженную голову; выбрился так тщательно, что щеки занялись огнем. И вот наконец он был готов, но нарочно оттягивал свой выход.

Щемило не только под ложечкой, но и во всей груди – прямо-таки не вздохнуть. Сейчас бы добрый глоток виски, подумал Док. Но нет, Сюзи учует запах, догадается, что принял для храбрости. Интересно, она тоже боится? Этого никогда не узнать: женщины скрывают чувства лучше, чем мужчины. Господи, какой же я дурак. Так не годится, нельзя так волноваться, голос будет дрожать... И все это, подумать только, из-за какой-то... Нет, не смей ее охаивать! Она не виновата, что ты слаб духом. И не забывай, что это ты идешь к ней, а не она к тебе. Кстати, почему я говорю «ты»? Не «ты», а «я». Боюсь, что ли, этого «я»?..

Вдруг Док понял, что делать. Он подошел к полке с пластинками, отыскал «Искусство фуги». Уж если от этой великой музыки дух мой не укрепит, подумал он, значит, и вправду можно складывать оружие... Он сидел не шевелясь; а Бах сотворил мир, населил, обустроил, а потом восстал против него – и погиб... Когда оборвалась четверная fuga, подобно жизни своего создателя, на середине фразы, к Доку уже вернулась твердость духа. «Бах сражался отчаянно! – сказал он себе. – Его смерть не была поражением. Если б он остался в живых, он бы и дальше вел свою немыслимую борьбу».

– Пойдите, дайте мне подумать еще! – крикнул Док неизвестно кому. – Очень важная мысль! Чем привлек меня Бах? Чего я так жажду? Я жажду рыцарского духа. Чем, как не им, славен человек? – Он внезапно остановился, словно что-то наступило ему на сердце, потом сказал перехваченным голосом: – Господи, как же я не понял? Куда смотрели мои глаза? Восхищаюсь Бахом, а сам не понял главного... Старине Баху было еще не так трудно: у него был талант, семья, друзья. У всех нас что-нибудь да есть. А вот что есть у Сюзи? Что есть у Сюзи, кроме душевной стойкости? Это ее единственное оружие в таком жестоком, таком сложном мире. Но видит Бог, победа будет за ней! Иначе вся человеческая жизнь вообще не имеет смысла...

«А что это такое, победа? – спросил себя Док. – Знаю ли я?» И тут же ответил: «Да, знаю. Если человек не потерпел поражения, это и есть победа!»

И тут же он высек себя за то, что принижал Сюзи.

– Надо же, благородный рыцарь! Спасать собрался, как будто она без меня не проживет. Нет, это я без нее захирею, сгину! В ней мое спасение. Только Сюзи может вернуть мне цельность!

Он больше не чувствовал себя глупцом: в походе к Сюзи глубокий смысл.

– Пока! – сказал он змеям. – Пожелайте мне ни пуха ни пера!

Он встал, взял коробку конфет, молодцевато спустился с крыльца Западной биологической и перешел улицу. Он знал, что из каждого окна следят за ним любопытные глаза. Ну и пусть! Он помахал рукой невидимой публике и свернул на пустырь.

Шагая среди мальв, подумал: «Интересно, как стучать, если дверь железная?» Нагнулся, подобрал с земли какой-то большой ржавый гвоздь и, почти в веселом настроении подойдя к бойлеру, побарабанил гвоздем по круглой железной стенке. Дверца была слегка приоткрыта.

– Кто там? – спросил голос с металлическим призвуком.

– Я, – отвечал Док. – Вроде бы я...

Дверца открылась, Сюзи выглянула.

– Спасибо за подарок – за цветы.

– А вот еще подарок...

Сюзи взглянула на коробку в руке Дока. Потом задрала голову, чтоб посмотреть гостью в глаза, ведь она стояла на четвереньках. Вон как смотрит, подумал Док. С подозрением, с недоверием, а может, только кажется... попробуй-ка выгни так шею.

– Что это, конфеты?

– Конфеты.

– Не надо мне больше подар... – начала было Сюзи потом разом вспомнила все поучения Фауны. – Ладно, спасибо.

Порыв непосредственности у Дока прошел. Сюзи, устав, по-видимому, пялиться вверх, смотрела ему в коленки.

– Вообще-то я с визитом... – проговорил Док деревянным голосом, никак не давался первоначальный, раскованный тон. – Может, пригласишь войти?

– А ты сумеешь?

– Попробую.

– Правда, у меня тесно...

Док молчал.

– Ну ладно, входи, что ли, в самом деле! – сказала Сюзи и скрылась внутри.

Док опустился на четвереньки перед топочной дверцей; сперва бросил внутрь коробку, затем полез сам, счастливо говоря себе: «Человеку, который проделает это с достоинством, в жизни больше ничто не страшно!» – и только подумал, как тут же зацепился брючиной за угол дверцы, рванулся вперед – дверца захлопнулась, защемила лодыжку. Так он и застрял: сам внутри, нога снаружи, ни туда и ни сюда.

– Я, кажется, застрял...

– Подожди, не дергайся. – Сюзи присела верхом на Дока, ловко отцепила брючину от дверцы. – Ну, вот и все. – Сюзи слезла с Дока. – Немного порвалось, но ничего, заштопаем...

Глаза Дока постепенно привыкали к скудному свету. На полу встречались два лучика – один сверху, из дымохода, другой из приоткрытой топочной дверцы.

– Поначалу видно плоховато, – сказала Сюзи. – У меня есть лампа. Сейчас зажгу.

– Не надо, я и так все различаю, – сказал Док, оглядываясь по сторонам. Сердце вздрогнуло от жалости. Крашенные железные стены с бутафорскими занавесками, за которыми нет окон, самодельный туалетный столик с зеркальцем и склянками... Господи, сколь же отважен человек.. Но тут Сюзи нанесла удар по состраданию Дока:

– У нас в «Золотом маке» обедает сварщик. Знаешь, что он сделает? Придет со своим газовым резаком и прорежет с боков окошки! – голос восторженно звенел. – Я вставлю маленькие оконные рамы. На подоконниках – ящички с красной геранью. Придется, конечно, покрасить стены снаружи. Думаю, в белый цвет, а окошки с зеленым обводом. У входа разобью цветничок. Я умею ухаживать за розами..

Сюзи умолкла; церемонная тишина заполнила бойлер...

«А ведь это не бойлер, – вдруг подумал Док с радостным изумлением. – Здесь веет домашним духом».

– У тебя здесь очень хорошо, – сказал он. – Ты просто молодец.

– Спасибо за комплимент.

– Это самый настоящий дом! – Док высказал вслух свою мысль.

– Да, мне здесь спокойно и уютно, – отозвалась Сюзи. – У меня никогда в жизни не было своей комнаты.

– Что ж, теперь есть.

– Сижу я тут иногда и думаю: захотят меня выселить, ни за что не уйду, пусть хоть динамитом взрывают...

Док наконец собрался с духом:

– Сюзи, прости, что на маскараде все так получилось.

– Давай не будем об атом. Ты ни в чем не виноват.

– В том-то и дело, что виноват...

– А я говорю – нет!

– Я бы, кажется, все на свете отдал, лишь бы...

– Ну ладно, если ты еще не уразумел, давай объясню, ткну носом. Ты ни в чем не виноват, но урок я получила хороший. Сама кашу заварила, сама и обожглась. А ты здесь ни при чем, спи спокойно. И запомните все: нечего меня жалеть! У меня все в порядке. Никогда мне еще так славно не жилось. И помощи мне ни от кого не надо – ни от тебя, ни от других. Я хочу всего добиться сама! Унюхал? А если не унюхал, значит, только зря пришел!

В бойлере наступило короткое молчание. Потом Сюзи сочла, что Док действительно все «унюхал», и сказала лучезарно:

– Знаешь, я записалась на курсы машинисток! Занятия в школе по вечерам. В следующую субботу возьму напрокат машинку. Глядишь, научусь печатать.

– Конечно, научишься! Может быть, отпечатаешь мою книжку.

– Значит, решил-таки ее написать?

– Да, ведь это последнее, что у меня осталось. Без книжки мне вообще как... Скоро начинаются приливы, в субботу наконец-то поеду в Ла-Джоллу. Авось, дело пойдет на лад. Ты рада?

– Да. Почему кто-то должен страдать?– И тут же прикрылась церемонностью:– Может быть, выпьешь чашечку чаю? Сейчас быстро согрею на спиртовке.

– Да, спасибо.

Сюзи теперь полностью овладела положением; непринужденно болтая, она наладила спиртовку, поставила маленький чайник.

– Мне в «Маке» дают хорошие чаевые. За две недели отдала долг Джо Блейки. Элла хочет взять отпуск на недельку, она ни разу в жизни не отдыхала. Черт возьми, я спокойно одна управлюсь! Ой, прости, вообще-то я теперь не выражаюсь...

– Ты молодец, – сказал Док, – все ты делаешь правильно... Скажи мне, пожалуйста – только помягче, не обязательно тыкать носом, – что за мужчина тебе нужен? Мне это полезно знать – может, в жизни пригодится...

– А вот и чай, – сказала Сюзи, подавая ему дымящуюся чашку. – Подожди, пусть покрепче заварится. Сахар в чашке на столике...

Док положил сахар, помешал.

– Если б я точно знала, что тебе это действительно важно, без дураков, я бы, может, и сказала.

– Без дураков.

– Тогда ладно, слушай. Кого я ищу, может, его и в природе нет, но хочется верить, что есть. Мне нужен человек с широкой душой. Пусть даже суровый, но настоящий мужчина. И чтоб был у него в душе заветный уголок – для меня. Чтоб никогда меня не обижал. И чтобы я была ему нужна больше всего на свете. Чтоб без меня ему и жизнь – не жизнь. Вот такого мужчину я бы постаралась сделать счастливым!

– Ну, если не считать суровости, ты как будто про меня рассказываешь... – сказал Док.

– Нет уж, себя не припутывай! Было время, я тебя слушала, как дурочка. А теперь поумнела. Спасибо тебе, уму-разуму научил. Сам ведь сказал, что тебе твоя жизнь по душе, я только все испорчу...

– А если я соврал?

– Ну, глаза-то твои не соврали... – Это было сказано без малейшего ожесточения, голос дышал покоем и даже – странно сказать – каким-то весельем. Док был сражен.

– А у тебя счастливый голос, Сюзи.

– Да, я счастливая. А знаешь, кто мне помог?

– Кто?

– Фауна. Она меня научила гордости, а то я не знала, что это такое.

– Как же она тебя учила?! Поучила б заодно меня.

– Она сказала: «Другой такой Сюзи в целом мире нет», – и заставила меня это повторять, а еще сказала, что всякий человек чего-нибудь да стоит. И с тех пор я верю, что это действительно так... Ну ладно, может хватит разговоров?

– Да, – сказал Док. – Я, пожалуй, пойду.

– А то мне пора на работу... Слушай, помнишь, ты мне рассказывал в тот вечер: в дюнах живет человек, мы еще его с тобой искали?..

– Ясновидец? Конечно, помню. Что с ним?

– Джо Блейки посадил его под стражу.

– За что?

– За воровство. Стадил что-то из универсама. Джо не хотел его сажать, но что поделаешь.

– Ладно, что-нибудь придумаем. Ну, я пошел...

– Ты на меня не сердишься?

– Нет. Но мне очень жаль, что все так получилось.

– Мне тоже жаль. Но горевать не стоит – нет худа без добра. Счастливо, Док. Удачи тебе в Ла-Джолле!

Переходя улицу на этот раз, Док думал: хорошо бы никто меня не видел. Вошел в лабораторию, свалился на койку. В сердце стояла боль поражения и утраты. Он не мог думать о будущем. Одно он знал точно: в Ла-Джоллу надо ехать во что бы то ни стало. Только это и привязывает теперь его к жизни, в этом его дело и его вера. Он крепко зажмурился, разноцветные пятна заплясали на сетчатке.

Скрипнули ступеньки крыльца, и змеи забили своими гремучками, однако не слишком сердито. Дверь приоткрылась, заглянул Элен, – при виде докова лица надежда в его глазах померкла.

– Не заладилось? – спросил он робко.

– Не заладилось, – угрюмо подтвердил Док.

– Неужели никак?..

– Никак.

– Тебе что-нибудь помочь?

– Нет, спасибо. Хотя постой! Знаешь Джо Блейки?

– Констебля? Конечно.

– Так вот, Джо забрал в дюнах одного человека. Пойди к Джо и скажи, что этот человек – мой хороший знакомый. Пусть будет с ним поласковее. Я навещу его, как только смогу. Еще скажи, что этот человек совершенно безобидный! – Док перевернулся на бок, порылся в кармане. – Вот тебе два доллара. Попросишь Джо, чтоб он тебя пустил в камеру, и передашь... нет, лучше забеги по дороге в универсам, купи дюжину лакричных леденцов. Отдайшь ясновидцу вместе со сдачей.

– Кому-кому?

– Ясновидцу. Так зовут этого человека, – устало объяснил Док.

– Не волнуйся, мигом все сделаю! – сказал Элен, гордый поручением, и умчался рысцой.

Док снова улегся, но только начал засыпать, убаюканный своим страданием, раздался стук в дверь.

– Кто там? – крикнул Док. – Войдите!

Ответа не было, но постучали еще раз. Змеи неистово затрещали.

– Боже! – сказал Док. – Неужто школьники пришли на экскурсию?

Однако это оказалась телеграмма – длинная-предлинная, с оплатой за счет адресата. В ней говорилось:

ЭВРИКА! ГРЕЧЕСКОЕ СЛОВО ЗНАЧИТ НАШЕЛ. ТЕПЕРЬ ТЫ УЧРЕЖДЕНИЕ. УЧРЕДИЛ ОТДЕЛЕНИЕ ИЗУЧЕНИЮ ЦЕФАЛОПОД КАЛИФОРНИЙСКОМ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОМ ИНСТИТУТЕ. ШЕСТЬ ТЫСЯЧ ГОД ПЛЮС ТЕКУЩИЕ РАСХОДЫ. ЗАНИМАЙСЯ ОСЬМИНОГАМИ. СДЕЛАЮ ТЕБЕ ВЫСТУПИТЬ КОНЦЕ ГОДА ДОКЛАДОМ КАЛИФОРНИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК. ДАЛЬНЕЙШЕЕ ОТ ТЕБЯ. ПОЗДРАВЛЯЮ. НЕ ЗАБУДЬ ОПЛАТИТЬ ТЕЛЕГРАММУ. ЖАЛЬ НЕ УСЛЫШУ ЧТО СКАЖЕШЬ.

Док положил телеграмму на постель и сказал:

– Вот сукин сын!

36. Лама савахфани [10]

– Хорошие леденцы – «Ребьячья нежность»! Ешь! – говорил Элен, сидя на краешке железной тюремной койки и с любопытством глядя на ясновидца. – Раз ты друг Дока, можешь ничего не бояться.

– А что это за Док? Я его не знаю.

– Зато он тебя знает. Считай, тебе повезло.

– Док –это какой-то доктор?.. Но я не знаю никаких докторов.

– Нет, он не взаправдашний доктор. Он ловит разных морских жучков.

– О, тогда я его помню! Однажды я угостил его обедом.

– Ну вот, а он тебя угощает леденцами.

– Боюсь, что я не стану их есть.

– Почему?!

– Скажите моему другу Доку, что в душу мою проник яд жадности. Я очень люблю леденцы. До вчерашнего дня я крал по одному леденцу и искуплял свое маленькое преступление стыдом. Но вчера меня обуял непомерный аппетит, и я взял сразу три. Директор магазина, оказывается, знал, что я беру по одному леденцу, и закрывал на это глаза. Но когда я взял три, он не стерпел. Я на него не в обиде, он поступил правильно: кто знает, что я совершил бы на следующий день. Быть может, у меня возникло бы более опасное желание... И вот я хочу наказать себя: я буду нюхать эти леденцы, но к ним не притронусь.

– Ты что, чокнутый? – спросил Элен.

– По-видимому, – отвечал ясновидец. – Хотя утверждать не берусь. Ведь у меня нет почвы для сравнения: я не знаю, как чувствуют себя другие.

– Ну ты и разговариваешь – навроде Дока, – сказал Элен. – Ни слова не пойму.

– Как он, кстати, поживает?

– Не очень хорошо. Мучается!

– Да-да, я теперь припоминаю. Я еще тогда обратил внимание, что его душа одета саваном одиночества. Еще тогда мне было за него боязно.

– Нет, ей-богу, словечки у тебя – прямо как у Дока! – восхитился Элен. – Знаешь, из-за чего он мучается? Из-за бабы.

– Что ж, этого следовало ожидать. Если человеку холодно, он ищет тепла. Если человек одинок, от этого есть только одно лекарство. Почему же он не возьмет эту женщину в жены?

– Она не хочет с ним жить... пока.

– Что ж, бывает. Такое уж они племя.

– Кто?

– Женщины. А что значит «пока»? Разве потом чтонибудь изменится?

Элен уставился на ясновидца дикими, стоячими глазами. Этот человек разговаривает, как Док. Может, он даст совет? Однако напрямую говорить с ним не стоит.

– Можно тебя спросить?

– Да, пожалуйста.

– Только это не настоящий вопрос... В жизни ничего этого нету... не знаю, как сказать...

– Стало быть, вопрос гипотетический?

– Ну да, вроде как шутка! Дело, значит, такое. Один человек попал в беду, мучается...

– И что же?

– Никак беду не одолеет. А у него есть друг...

– Друг, это, наверное, вы? – спросил ясновидец.

– Нет! Совсем другой парень! – замахал руками Элен. – Не помню, как зовут... В общем, попал человек в беду. Есть один способ, как с ней справиться, но сам он ничего сделать не может. Значит, это должен сделать друг? Как думаешь?

– Да. На то он и друг.

– Даже если тому человеку будет больно?

– Да, даже если очень.

– Даже если нет полной надежды?

– Да. Я не знаю, как обстоит дело с вашим Доком, но знаю, как обстоит с вами... Если вы его любите, то, чтобы помочь, вы должны быть готовы на все – буквально на все. Даже убить его, если его мука неисцелима. Таков высший и горчайший долг дружбы!.. – Элен слушал затаив дыхание. – Я понимаю: то, что вы хотите совершить – жестоко. Убедитесь прежде, что иного выхода нет; затем усвойте – наказание неотвратимо. И последнее: очень возможно, что спасенный вами друг не захочет больше разговаривать с вами... Так что ваш поступок требует настоящей любви, великой любви! Такова ли ваша любовь к другу?

Элен шумно вздохнул.

– Я же говорю, ничего этого нету! Я спросил – вроде как загадку загадал. Гипа... в общем, шутка!

– А по-моему, – сказал ясновидец, – вы любите вашего Дока не на шутку!..

Никто не знает, каким образом человек становится великим. Быть может, величие всегда живет в нас – дремлет в темной бездне души, чтобы в один прекрасный день воспрянуть к свету; а может, оно проникает в тело извне, словно незримые космические частицы? Однако вот что доподлинно известно: величие пробуждается к жизни, к действию лишь силой необходимости; обретается человеком в муках; влечет за собою очищение, возвышение, нравственную перемену, после которой нет пути назад, к невинно-безответственному существованию.

Элен лежал под черным кипарисом, корчился, тихонько постанывал сквозь стиснутые зубы. Ночь длилась; луна зашла, отдав мир в объятия злой черной тьмы; и грудь Элена стеснилась таким безмерным, таким безысходным отчаянием и одиночеством, что Элен возопил о своей великой и страшной участи, как возопил некогда Он, думая, что Бог оставил Его...

Час за часом в душе Элена шла борьба, и лишь к трем часам в сердце настоялась решимость. Элен принял этот свой жребий, как прежде принял проклятое президентство. Он знал, что действует с судьбой заодно – и был спокоен. И, право, только поверхностный и скучный человек не счел бы его в эту минуту прекрасным!

Элен поднял с земли орудие судьбы – бейсбольную битку Уайти II – и выполз из-под ветвей черного кипариса, словно огромный серый кот.

Не прошло и трех минут, как он вернулся под дерево, упал ничком на землю и зарыдал.

37. Главка с булавку

Доктор Гораций Дормоди терпеть не мог ночных вызовов (кто ж их любит?), но Док был приятель, приятелю не откажешь, к тому же по исступленному голосу в телефонной трубке доктор понял – дело нешуточное.

Приехав в Западную биологическую, доктор увидел, что лицо хозяина блее полотна, правая рука висит как плеть.

– Ну, что я могу сказать – явный перелом. Насколько серьезный – пока не знаю. Нужно сделать рентген. До машины дойти сможешь?..

Поглядев на снимок, Гораций сказал:

– Так и есть. Кость перешиблена начисто, срастется нескоро. А теперь Расскажи-ка еще раз, как тебя угораздило?

– Сам не пойму... Может, во сне сунул руку между стенкой и кроватью и повернулся на другой бок?..

– А может, ты все-таки с кем-нибудь подрался?

– Говорю же тебе – я спал! Ну что ухмыляешься? Что смешного?

– Ладно, спал так спал, – примирительно промолвил доктор. – Какое мое дело... Если,

конечно, того, другого, лечить не придется. Судя по повреждениям мягких тканей вокруг перелома, разговор у вас был крутой: похоже, без дубинки не обошлось.

– Бред какой-то! – вскричал Док. – Через день начнутся весенние приливы, мне нужно ехать в Ла-Джоллу!

– Камни ворочать?

– А как же!

– Ну-ну... Валяй... – усмехнулся доктор. – Как гипс, схватывается?

– Схватывается, – подавленно ответил Док.

38. Выкрутасы (2), или празднество бабочек

Когда нам приходится очень плохо, для утешения хочется найти другого человека, которому еще хуже. Так уж, видно, мы устроены: стоит убедиться, что чужая беда злее нашей, настроение повышается.

Вам кажется, что в Консервном Ряду создалось положение, плачевнее и безнадежнее которого не бывает. А вот послушайте-ка, что случилось в это же время по соседству, в городе Пасифик-Гров; отчего всю ночь горели огни в Массонской зале; отчего хотели горожане свергнуть мэра с его приспешниками. А случилось неопишное горе, коснувшееся всех и вся: не прилетели бабочки!

Надо сказать, что благосостояние Пасифик-Грова почти всецело зависит от этого удивительного явления природы, которое к тому же веселит сердце, пленяет воображение граждан и служит средством воспитания молодежи.

В некий день, в разгар весеннего ликования природы, над Монтерейским заливом вдруг появляются необычайные темно-оранжевые облака: то несметные стаи бабочек-данаид летят на окраину Пасифик-Грова, в сосновый бор. Но не просто в сосновый бор совершают они из года в год свое паломничество, а к нескольким заветным соснам. Бабочки буквально облепляют каждый их юный побег и сосут густую смолистую живицу, сосут до тех пор, пока не захмелеют и не отвалятся, а на их место садятся все новые и новые жаждущие, и скоро земля в бору покрывается сплошным золотистым ковром из хмельных бабочек; они лежат на спинках, пьяно размахивают лапками и что-то радостно лепечут на своем языке!.. Около недели длится этот праздничный кутеж; потом для бабочек наступают будни – они трезвеют и улетают прочь, но уже не густыми стаями, а парочками или поодиночке...

Долгое время жители Пасифик-Грова не сознавали, каким сокровищем обладают. Но затем вдруг заметили, что с каждым годом в город съезжается весной все больше и больше туристов – поглазеть на бабочек. А где туристы, там и прибыль. Грех упускать деньги, которые сами текут в руки. Приятно и то, что бабочкам не нужно платить за гастроли... И вот решили справлять ежегодно. Празднество бабочек; а какое празднество без карнавального представления?

Карнавальное представление, кроме своего обычного, имеет и специальное назначение. Как вы, наверное, помните, в Пасифик-Грове установлен сухой закон, который исполняется неукоснительно. Не беда, что во всех аптеках днем и ночью нарасхват тонирующие средства на спирту – зато крепких напитков вы ни в одном магазине не сыщете. Конечно же, горожанам казалось обидным, что бабочки прилетают в этот оазис трезвости не за

чем-нибудь – до чертиков напиться! Поначалу на пьянство бабочек демонстративно закрывали глаза, а потом придумали и вовсе отличный выход – стали отрицать самый факт пьянства. И нарочно сделали карнавальное представление с трезвым сюжетом. Жила-была Принцесса бабочек (ее песенки исполняет мисс Грейвз), которая однажды куда-то полетела, заблудилась и пропала. Каким-то образом, уж каким не помню, к ее пропаже причастны коварные индейцы (роль индейцев исполняют в коричневых подштанниках). Как бы то ни было, верные подданные ищут свою принцессу по всему свету. И вот в конце концов находят и прилетают несметной ратью, чтобы освободить ее. (Когда бабочки ложатся на спины и машут лапками в воздухе, они приветствуют свою повелительницу!) Карнавальное представление пользуется огромным успехом. Происходит оно на стадионе; туристы тут могут купить бабочек, изготовленных из всевозможных материалов, начиная с сосновых шишек и кончая платиной... В общем, жители города не плошают. Неспроста в туристском рекламном проспекте эмблемой Пасифик-Грова служит бабочка-данаида!

За всю историю города лишь однажды с бабочками вышла осечка. Кажется, в 1924 году, если мне не изменяет память, бабочки не прилетели; и тогда обезумевшие от горя горожане день и ночь делали бабочек – сотни тысяч бумажных бабочек, – а потом разбрасывали их повсюду. С той поры мудрые отцы города всегда держат наготове пачки отпечатанных на бумаге бабочек, на случай, если вновь случится несчастье...

Срок прилета бабочек известен с точностью плюс-минус два дня. Репетиции же праздничного представления начинаются задолго, за несколько месяцев; индейцев обучают все новым акробатическим номерам; принц вытряхивает из трико нафталиновые шарики; а принцесса неустанно упражняет свое колоратурное сопрано, чтобы в день представления голос звучал действительно роскошно.

Теперь слушайте, что произошло этой весной. Мисс Грейвз – молодая симпатичная учительница младших классов, усталая от своих сорванцов, – за два дня до предполагаемого прилета бабочек потеряла голос! Чем только не смазывали ей горло, чем не орошали – все бесполезно. Не иначе, как неведомая психосоматическая болезнь поразила ее связки, – вместо рулад раздавался лишь какой-то мерзкий каркающий звук. Страстное отчаяние горело в глазах мисс Грейвз.

Несчастье с принцессой оказалось дурным знаменем: шел день за днем, а бабочки все не прилетали. Сперва горожане чувствовали беспокойство и растерянность, потом, преисполнившись слепой ярости, начали искать виновных. Многим стало приходиться на ум, что в муниципалитете подобрались негодные люди, пора бы их заменить. Кладовщики, у которых обнаруживалась недостача, все сваливали на мэра; снизилась посещаемость кинотеатров, упали доходы их владельцев – опять муниципалитет виноват... И вот робкое ворчание уже переросло в рев: «Долой подлецов!»

Вскоре в Кинг-сити, в шестидесяти милях от Пасифик-Грова, случился пожар в отеле, и кто же, вы думаете, выскочил из пламени в неглиже вместе с неизвестной блондинкой? Угадали? Конечно, мистер Кристи, мэр Пасифик-Грова! После этого о благородной отставке не могло быть и речи. Он попросту драпанул из родного города, должно быть, прослышал, что его хотят позорно вымазать дегтем и обвалить в птичьих перьях... Да, со времен Великой крокетной войны не было в городе столь бурных и мрачных событий!..

Представители религиозного объединения, не входя в подробности дела, объявили, что всему виною грехи граждан. Нигилисты видели корень зла в муниципалитете, начальнике полиции и ответственном за бережное использование пресной воды и призывали свергнуть их всех разом и немедленно. Более степенные и трезвомыслящие горожане винули в происшедшем – возможно, не без оснований! – Рузвельта и Трумэна с их либеральными шутками... А бабочки все не прилетали...

Затем разразился скандал в школе. Первоклассник Уильям Тейлор пришел однажды домой, достал из портфеля карандаши, – и во что бы вы думали они были завернуты? В суперобложку непотребного сочинения господина Кинзи [11]. Под угрозой страшного наказания бедный мальчик признался, что получил это от своей учительницы, мисс Бак. Стали допрашивать учительницу, – и что же выяснилось? Выяснилось, что еще ее папаша был опасный смутьян – в 1918 году подписал петицию об освобождении Юджина Дебса [12]... После этих событий люди в городе изверились друг в друге.

А мисс Грейвз все хрипела и каркала...

А бабочки все не являлись...

Так что, видите, беда в Консервном Ряду – это еще не беда.

39. И снова у нас в гостях благостный четверг

И вот снова настал Благостный четверг. Был самый разгар весны, солнце круто повернуло на лето, разомкнуло лепестки золотых маков. Все утро с полей, окружающих военную базу Форт-Норд, долетал пряный аромат голубых люпинов.

Гремучие змеи всех размеров выползли из убежищ и блаженно грелись на припеке. Обезумевший от весны кролик – достойный коллега Мартовского Зайца из «Алисы в стране чудес» – нахально проскакал по стрельбищу, прямо перед мишенями, на виду у двух рот. По нему радостно грянули из всех стволов – и что же? Хоть бы оцарапали: кролик, целый и невредимый, удрал за дюну. Отважная его выходка обошлась военной казне в 890 долларов, но зато сколько радости солдатам!

Мисс Грейвз проснулась в это утро, исполненная невероятным и радостным предчувствием. Она попробовала спеть хроматическую гамму и обнаружила, что к ней вернулся голос, – а значит, на землю вернулся лад! Так оно и было. Около полудня небо над заливом оранжево вскипело; несметные стаи бабочек-данаид полетели к Пасифик-Грову, к любимым своим соснам, и вот уже сосали сладкую тягучую живицу и падали, захмелев, на землю. В пожарном депо состоялось экстренное заседание организационного комитета праздника; из шкафов спешно извлекали короны добрых фей и коричневые подштанники коварных индейцев. Временно исполняющий обязанности мэра сочинил праздничное воззвание, которое незамедлительно опубликовала городская вечерняя газета.

В это утро был довольно сильный отлив, море словно разминалось всерьез перед главными весенними приливами; горячим солнцем ошпарило обнажившиеся прибрежные водоросли – и такой ядреный дух пошел от них, что тут же слетелись тучами голодные мухи.

У жителей Монтерея тоже было хорошее настроение. Судья Альбертсон отпустил на волю ясновидца – сам пострадавший, директор универсама, за него поручился.

Доктор Гораций Дормоди, удаляя пациенту аппендикс, то и дело принимался весело насвистывать себе в маску и даже рассказал анестезиологу политический анекдот; но о сломанной руке Дока ни словом не обмолвился. Мало ли какие курьезные истории приключаются с пациентами – все равно нужно хранить врачебную тайну. Впрочем, ничто не мешало доктору, вспоминая ночной вызов, усмехаться себе под нос...

Каким-то непостижимым образом все, однако, узнали о доковой руке. Фауне внесли весть на подносе вместе с печеньем «хворост»; Алисе, Мейбл и Бекки – вместе с апельсиновым

соком. Патрон услышал новость от Какахуэте, который затем помчался на пустынный морской берег и трижды буйно протрубил припев песни «Милая Джорджия Браун», шесть раз виртуозно поменяв тональность.

Могучая Ида была так поражена новостью, что чуть не опрокинула огромную бутылку с беспородным виски «Сосновый каньон», которое вот-вот должно было стать благородным, перелившись в бутылочки из-под «Старого ворона».

Мак и ребята узнали о происшедшем чуть свет и сразу развили тайную кипучую деятельность...

Сюзи в семь часов открыла «Золотой мак»; как обычно, с утра было не вздохнуть от любителей кофе. Только ближе к полудню Сюзи услышала, что Док сломал руку. Отлучиться с работы она не могла: Элла делала в парикмахерской химическую завивку. И надо заметить, что многих посетителей Сюзи в этот день обслужила престранно. Когда с ней весело заговаривали, она пусто глядела поверх голов; мистера Мак-Мини назвала мистером Макси; а к почтенному мистеру Макси обратилась почему-то: «Эй, вы!» – и подала ему яичницу в недожаренно-слюнявом виде, отчего старика чуть не стошнило.

Мак первым явился в лабораторию, на место происшествия, – прибежал со сна босиком. С уважением пощупал свеженький гипс, выслушал неубедительное объяснение. Док по-прежнему считал, что ночью рука попала между койкой и стеной.

– Что же ты теперь будешь делать? – спросил Мак.

– Не знаю. Но мне нужно работать в Ла-Джолле, понимаешь, нужно!

Мак собрался было предложить свою с ребятами помощь, но тут какая-то смутная мысль шевельнулась у него в голове.

– Не горюй, может, еще как-нибудь уладится... – пробормотал Мак и пулей полетел в Ночлежку.

Там он первым делом осмотрел постель Элена: не тронута.

– Да, Элен сегодня дома не спал, – подтвердил Уайти I.

– Ну надо же, – проговорил Мак восхищенно. – А мы и не ведали, кто наш светлый гений!..

Мак вышел к кипарису, подлез под вислые нижние сучья и выволок Элена наружу, словно провинившегося щенка из-под кровати, и чуть ли не на себе доставил в Королевскую ночлежку.

Элен находился в состоянии полного душевного изнеможения.

– Я не мог по-другому, – бессильно проговорил он.

– Сюзи кто-нибудь видел? – спросил Мак.

– Я видел, как она утром шла на работу, – сказал Эдди.

– Так ступай сообщи ей новость. Только как будто невзначай, – приказал Мак. – Как же ты до этого допер, Элен?

– Ты на меня сердишься?

– Нет, боже упаси. Конечно, мы не знаем, как себя Сюзи поведет, но по крайней мере это шаг в верном направлении. – Мак повернулся к двум Уайти. – Обратите внимание, Элен ему не

ногу сломал, а руку. Правильно рассудил: ходить Док сможет, а работать – нет. Ты вот что, – обратился Мак к Уайти II, – ступай под окошко к Доку и стереги. Ежели кто захочет подвезти его в Ла-Джоллу, поговори с этим человеком ласково – битую свою бейсбольную захвати. Кстати, где она?

– Я ее в море бросил, – сказал Элен.

– А, вот, значит, чем ты его! – воскликнул Мак. – Ладно, Уайти, возьми какой-нибудь кусок трубы...

Потом Элен рухнул на постель и долго лежал недвижно, а Мак сидел подле, то и дело мочил в воде тряпицу и прикладывал к его пылающему челу.

Вдруг Элен заговорил с мучительным усилием:

– Мак, я не могу! Не справлюсь я с этим делом. Пусть хоть звезды мне приказывают, хоть полиция – не могу! Неученый я!

– Постой, ты о чем? Ты уж и так сделал все, что мог!

– Да я не об этом, – простонал Элен. – Скажи Фауне, пусть подыщет другого президента.

– Ба! – Мак уставился на него в изумлении. – Я-то думал, ты давно забыл.

– Разве такое забудешь, – сдавленно сказал Элен. Я никого не хочу подводить, но, правда, я не гожусь. Ради бога, пособи, чтоб меня отчисляли из президентов! Ну очень прошу, ну пожалуйста!

Глаза Мака зажглись состраданием:

– Дурья ты наша, золотая ты наша головушка... Не беспокойся, никто тебя силком не заставит... А дело ты сделал благородное! Все мы сопляки против тебя.

– Ты не думай, я не устриц испугался! Если надо, я навозных жуков могу есть... Но как я – со всей страной? Я все испорчу. Не гожусь я для этой службы!

– Хорошо, не волнуйся, радость ты наша. Храбрец ты наш. Освобожу я тебя от этой службы. Это я тебе обещаю, я, Мак! – Мак поманил к себе Уайти I:– Ну-ка, садись сюда и приголубивай его. И не давай вставать, покуда я не вернусь! – сказал и умчался.

– Слушай, надо срочно что-то делать, – сказал Мак Фауне. – Мало ли что еще взбредет в голову нашему герою – возьмет и кого-нибудь пристукнет!

– Да-да, – сказала Фауна, – понимаю. Бегу. Вот только соображу, что с собой взять... Как ты думаешь, если я ему подарю обезьянью голову, он обрадуется?

– Конечно! – сказал Мак. – Он только о ней и мечтает.

Фауна развернула перед Эленом свою звездную карту и сказала:

– Ты знаешь, я тогда ошиблась, я думала, Сатурн на ущербе, а он в полной фазе. Я думала, у меня на карте точка, а это мушиное пятнышко.

– А может, ты врешь, утешить меня хочешь? – подозрительно спросил Элен. – Как я узнаю,

что это правда?

– Сколько у тебя пальцев на ногах?

– Считал уже – девять.

– Посчитай-ка еще раз.

Элен скинул ботинки:

– Да как будто все по-старому...

– А что это вон там за пальчик подогнулся? Да, Элен, оба мы с тобой хороши! Я со звездами обсчиталась, а ты с пальцами. У тебя же их десять, как у всех людей! Просто мизинец подогнулся.

По лицу Элена медленно поползла улыбка – блаженная, неудержимая. Вдруг тень беспокойства снова омрачила чело:

– А кого вместо меня назначат?

– Вот уж не знаю.

– Ну, пусть только не справится! – угрожающе проговорил Элен. И лишь потом отдался чистосердечному ликованию: свободен, свободен! Громко запел: «Моя подружка, моя тень, за мною ходит целый день...»

Фауна свернула звездную карту и отправилась домой.

Уже почти в полдень на холм, к Королевской ночлежке взошел посыльный; где-где, а тут ему прежде бывать не доводилось.

– Ребята, у меня там для вас здоровенный ящик. Я не нанимался тягать его в гору. Идите, забирайте свое добро.

– Ура! – вскричал Мак. – Привезли!

Спустя минуту они всей троицей – Элен, Уайти II и Мак – пыхтя тащили большой деревянный ящик к Ночлежке. На полдороге к ним подскочил Эдди:

– Сюзи пришла! Я за ней бежал. Насилу угнался! Она уже у Дока...

– Пособи-ка нам, – сказал Мак. – Ну, и какой же у нее вид?

– Не женщина, а шаровая молния!

Они внесли ящик в Ночлежку; Мак взял маленький топорик, сбил крышку.

– Вот она, родимая!

– Где? Она же с Доком!

– Да я не про Сюзи. Смотрите сюда. – Все уставились на длинную черную трубу с восьмидюймовым зеркалом, на лежащие в соседнем отделении окуляры, на сложенную треногу.

– Видали? – гордо сказал Мак. – Самая здоровая штука во всем каталоге. Ух Док и обрадуется! А теперь, Эдди, рассказывай все снова по порядку, ничего не пропускай...

Какой же это был день – торжественный, нарядный, словно салинасская средняя школа прошла маршем по улицам со своими пурпурно-золотыми стягами. В небе, на высоте четырехсот метров, парила эскадрилья веселых херувимов, держа как полотнище розовое облако, на котором то и дело вспыхивало и гасло слово БЛАГО. И чайка с перебитым крылом вдруг воспрянула, взлетела высоко в воздух, крича: «Благо! Благо!»

Сюзи мчалась так, что ноги за головой не поспевали. Тут ее перехватил Эдди, принялся болтать обычную ерунду о погоде. Сюзи буркнула что-то в ответ, хоть и не поняла, что ее спросили и вообще кто это семенит рядом...

Она подбежала к крыльцу Западной биологической, не заметив Уайти II, стоявшего на часах с железным прутом. Появление Сюзи освобождало его от обязанностей, но он не ушел – остался подслушивать.

Запыхавшаяся Сюзи застыла перед дверью в той девической оробелости, которая как раз-то и бьет наповал. Потом она немного отдышалась, постучала и вошла, а дверь затворить забыла – на радость Уайти II.

Док сидел на койке, уныло рассматривал груды снаряжения на полу.

– Я слышала, у тебя что-то с рукой? – спросила Сюзи грудным голосом. – Может, тебе чем-нибудь помочь?

Лицо Дока на мгновение просветлело, но тут же снова омрачилось.

– Не видать мне весенних, приливов, как своих ушей, – сказал он, глядя на гипс. – Не представляю, что теперь делать...

– Это больно? – спросила Сюзи.

– Нет, не очень. Потом, наверное, будет больнее.

– Я могла бы поехать с тобой в Ла-Джоллу.

– И переворачивать камни по тридцать – сорок килограммов?

– Ничего, как-нибудь сдюжу.

– Машину водить умеешь?

– Конечно.

– Все равно, нет тебе смысла со мной ехать... – вздохнул Док. Но тут же из самой глубины его существа взметнулся крик: – Стоп, не то говорю! Есть смысл! Ты нужна мне, Сюзи. Пожалуйста, поехали со мной! Работы невпроворот, мне одному без руки не справиться.

– Ты мне будешь говорить, что делать, кого искать.

– Конечно! И сам я не такой уж немощный. Ведь у меня еще есть левая рука, правда?

– Ясное дело. Когда в путь?

- Не позднее сегодняшнего вечера. Если ехать всю ночь, как раз успеем к утреннему отливу, он начинается в семь восемнадцать. Годится?
- Годится. Если я и вправду тебе нужна.
- Конечно нужна! Что я без тебя буду делать. Но мне жалко – ты намаешься.
- Это ерунда, – сказала Сюзи.
- Слушай, можно с тобой посоветоваться? Брехуня учредил для меня фонд в Калифорнийском технологическом институте...
- Что ж, хорошо.
- И на службе у них состоять не обязательно...
- Еще лучше.
- Но мне так и хочется послать его подальше вместе с его деньжищами.
- Ну и пошли.
- С другой стороны, там у них шикарное оборудование...
- Это хорошо.
- Только не люблю я ни на кого работать!
- Тогда не соглашайся.
- Но он меня зовет выступить с докладом перед Академией наук!
- Ну, тогда соглашайся.
- Но для этого мне надо книжку написать. А я не знаю, смогу ли. Что мне делать, Сюзи?
- А чего тебе самому больше хочется?
- Не знаю...
- Ну и ладно. Сейчас не знаешь, потом узнаешь. Слушай, у меня кое-какие дела остались. Часа на два. Не поздно будет?
- Ничего, нормально. Лишь бы к вечеру выехать.
- Как закончу, сразу к тебе приду. – Сюзи направилась к двери.
- Сюзи, я тебя люблю, – сказал Док.
- Сюзи стремительно обернулась, глянула на него из-под строгих бровей. Потом медленно передохнула; твердо сжатые губы дрогнули, зацвели пухлой улыбкой, а глаза просияли нежно и страстно:
- Видать, и вправду судьба нам с тобой быть...

40. Пусть будет в нашей жизни лишь весна!

В Королевской ночлежке, в окружении ребят, сидела на старом стуле Сюзи. Вид у нее был яростно-сосредоточенный. В руках обруч от бочки, ноги на двух кирпичах. Перед ней доска, на которой выведено мелом – «ключ зажигания», «спидометр», «уровень топлива». Справа на полу – ящик из-под яблок, из него торчит ручка швабры.

– Давай снова! – скомандовал Мак. – Поверни ключ зажигания! Жми правой ногой на педаль акселератора! – Сюзи достала ногой до мелового овала на полу. – Есть, завелась!

– Чук-чук-чук... – радостно изобразил Элен звук мотора.

– Теперь отожми сцепление.

Сюзи нажала левой ногой на кирпич.

– Так, теперь ручка переключения скоростей – к себе и от себя!

Сюзи поставила ручку швабры на первую скорость.

– Отпускай сцепление. Прибавляй газ. Отожми сцепление. Ручку скоростей – в сторону и вперед! Есть вторая скорость! То же самое, ручку на третью скорость! Ну вот, молодец! Давай еще раз...

За полтора часа занятий Сюзи проехала на стуле примерно полторы сотни миль.

– Главное – не торопись, – учил Мак. – Тебе лишь бы из города выехать, ни во что не врезаться. А там уж можно признаться ему, что первый раз за рулем. Назад он поворачивать не станет. Будет сам тебе подсказывать, что да как. Не волнуйся, справишься. Я ее тебе заведу и по улице направлю.

– Какие же вы хорошие ребята, – сказала Сюзи. – Спасибо вам.

– Ерунда. Ты вон Элену говори спасибо... – Мак осекся. – В общем, лишь бы прок был... А ну-ка, давай еще потренируемся скорости переключать.

Вечер был чудесный, под стать дню. Заходящее солнце окрасило в розовый цвет барашки пены на волнах залива и пеликанов, грузно спешащих с ловли домой, на морские скалы. Корпуса консервного завода мерцали, словно платиновые...

На улице перед Западной биологической стоял старенький автомобиль Дока; заднее сиденье завалено всевозможными ломиками, ведерками, лотками, сетями... Собрался весь Консервный Ряд, не было только Мака с ребятами. Патрон выстроил вдоль обочины бутылки «Старой тенисовки». В закатных лучах пламенела грива Фауны. Девочки обнимали Сюзи. Бекки плакала от романтических чувств.

Джо Элегант выглядывал из дверей своей пристройки. Он только что решил, что на гонорар от романа поедет в Рим.

Док держал в руке длинный список, проверял снаряжение.

А вот и Мак с ребятами: спускаются гурьбой с холма, осторожно несут треногу и длинную черную трубу. Вот они уже пересекли узкоколейку, пустырь, подошли к автомобилю, поставили трубу на треногу.

Мак откашлялся и сказал:

– Друзья, мне очень приятно от своего имени и от ребят подарить Доку вот эту штуковину.

Док глянул на подарок – и челюсть у него отвисла. Это же телескоп. Да еще с таким увеличением, что луна будет как на ладони! Док с трудом подавил смех.

– Ну как, нравится? – спросил Май.

– Очень, – ответил Док.

– Еще бы, самая здоровая труба во всем каталоге! – гордо сказал Мак.

– Спасибо, ребята... – голос у Дока перехватило. В конце концов неважно, куда смотреть – вверх или вниз. Видеть – вот что важно!

– Ладно, мы ее потом затащим в лабораторию, – сказал Мак. – А теперь дайте-ка мне вон ту бутылку. За Дока! Ура! – И тут же шепнул Сюзи: – Поверни зажигание. Дай газ.

Зафыркал дряхлый мотор. Док хлебнул из бутылки

– Отожми сцепление, поставь на первую скорость. Отпускай сцепление... – тихо командовал Мак своей ученице.

Автомобиль тронулся, вполз на тротуар, зацепил бампером крылечко Западной биологической и лишь потом валко съехал на мостовую и пополз прочь, волоча за собой щепки.

Вывернув левой рукой строптивую баранку, Док весело обернулся. Прощальный луч солнца озарил его лицо – смеющееся, полное жизни.

Консервный Ряд смотрел вслед Доку и Сюзи. Ветхий автомобиль вписался в первый поворот и вместе с солнцем скрылся за пакгаузом.

– Я думаю, сегодня взойдет ее золотая звездочка! – сказала Фауна. – Эй, Мак, что с тобой?

– Порок ужасен обликом весьма, пусть будет в нашей жизни лишь весна! – продекламировал Мак, смахнув слезу. Потом приобнял Элена: – Президент бы из тебя получился что надо!

1

Первые две – духовного содержания, третья – популярная песня Л. Армстронга (Здесь и далее примечания переводчика).

2

Техас, где расположен город Форт-Уэрт, носит прозвище «Штат одинокой звезды», а Калифорния, где находится Монтерей, – «медвежий штат». Говорит, штатные шлюхи должны славить свой штат! Новую работу считает не хуже старой: что та, что другая – на благо общества. Мастерица составлять гороскопы. Завела новые порядки: «Медвежий стяг» теперь,

по крайней мере в нерабочие часы, напоминает пансион благородных девиц. По-настоящему ее звать Флора, но еще в ночной миссии пристало к ней другое имя. Как-то ел у нее суп – бродяга из образованных – и говорит напоследок: «Знаете, Флора, по-моему, в вас больше от фауны». «Как говоришь? Фауна? А ведь ничего», и велела всем звать себя Фауной.

Да, невеселые дела... Но о самом печальном Мак все не решался заговорить, язык не поворачивался. Может, рассказать пока об Анри Художнике?..

В том, что Анри уехал, Мак в какой-то степени винил себя. А дело было так. Анри построил лодку – отличное маленькое судно, и даже с каютой. Построил в лесу, потому что боялся океана. Лодка стояла на бетонных стапелях, и он был счастлив. И вот – чего не сделаешь от скуки – Мак с ребятами подшутили над ним. Наколупали с прибрежных камней ракушек и прилепили к днищу лодки быстросохнущим клеем. Ох и расстроился Анри! И рассказать о неприятности было некому: один Док мог бы понять и успокоить, но Док в армии. Анри выскоблил начисто днище, покрасил: не успела краска высохнуть, ребята опять за свое – на этот раз еще и водорослей налепили. Как им потом было стыдно, да поздно. Анри продал лодку и насовсем уехал из города. Его стали мучить кошмары: спит он у себя в каюте, ни о чем не подозревает, а лодка бороздит океанские волны...

Вот еще новость. Хочешь верь, хочешь нет, Элен тоже был в армии. После демобилизации солдаты могут без экзаменов поступать в университет. Элен не растерялся, поставил птичку на бланке заявления и очутился в Калифорнийском университете, на отделении астрофизики. Через три месяца приемная неразбериха улеглась, и он сразу же обратил на себя внимание. Особенно психологов. Но Элена уже потянуло домой, а удерживать человека против воли – нет закона... Элен потом не раз задавался вопросом, какую это науку он чуть было не научил. Хотел спросить у Дока, да забыл мудреное слово...

Док разлил остаток первой бутылки «Старой тенисовки».

– Про всех ты рассказал, Мак, а про себя молчишь. Ты-то как жил?

– Я-то? Я был тут, смотрел, чтобы все было в ажуре...

Да, Мак следил, чтобы все было в ажуре, а еще обсуждал боевые действия с каждым встречным. О войне отзывался с уважением, говорил: «Война – это вам не куриная жопа». После войны заинтересовался испытаниями атомной бомбы: еще бы, вся страна взбудоражена. За открытие запасов урана назначили огромное вознаграждение; в душе Мака началась цепная реакция. Он купил подержанный счетчик Гейгера.

Счетчик зажужжал на монтерейской автобусной станции. И Мак последовал за ним сначала в Сан-Франциско, потом в Мэрисвилль, в Сакраменто, в Портленд. Он так увлекся этим ученым занятием, что поначалу не заметил симпатичную молодую попутчицу. Потом, в дороге, ликвидировал это упущение; как не раз уже с ним бывало, одним началось, да с другим переплелось. Разговорились: девушка ехала далеко – в Джексонвилль, штат Флорида. Мак расстался бы с ней в Такоме, но счетчик Гейгера влек его дальше на восток. Так вместе пропутешествовали они до Салайны, штат Канзас. Был знойный, душный день, по стеклам автобуса ползали мухи. Девушка прихлопнула муху и разбила часы, и тут только Мак обнаружил источник радиоактивности – светящийся циферблат. Дорожный роман – это, конечно, хорошо, но в возрасте Мака нужен интерес посолиднее. Обратившись в Монтерей Мак прибыл на грузовой железнодорожной платформе, вместе со средним танком, следовавшим на базу в Форт-Орд. По пути выиграл несколько долларов у сопровождающего. Господи, как хорошо, снова дома... Мак выдраил Королевскую ночлежку. Вдоль фасада посадил вьюнки. И стал вместе с Эдди готовиться к встрече героев. Герои сбредались по одному, долго не утихало веселье...

Золотое облако меланхолии окутало Дока с Маком... Из паров «Старой тенисовки»

выплывало бывшее, лица друзей – ушедших или переживших... И оба они знали, что избегают главного, рассказывают байки, чтобы не касаться больного места. Но вот уж обо всем поговорили, деваться некуда...

– Как тебе новый хозяин лавки? – отважно приступил Док.

– Ничего, занятный малый. Только, – голос Мака задрожал, – никогда не заменит он Ли Чонга! Не будет у нас второго такого друга...

– Что говорить, золотой был человек, – сказал Док.

– И в делах хват, – сказал Мак.

– Умная голова... – сказал Док.

– Обо всех заботился... – сказал Мак

– А о нем никто... – сказал Док.

Они наперебой расхваливали Ли Чонга, наделяя его такими достоинствами, что он сам не узнал бы себя – до того вышел пригож да умен. Пока один рассказывал очередную историю из жизни почтенного китайского негоцианта, другой ерзал на стуле от нетерпения – сейчас еще не то вспомню. И вот уже Ли Чонг как бы и не человек, а эдакий ангел коварства и демон доброты. Так создаются боги... Да вот беда, бутылка незаметно опустела; Мака взяла досада – ну, теперь жди, Ли Чонгу достанется.

– Хитрый был, шельма! – заворчал Мак. – Уехал, никому ни слова. И помощи не попросил. Друг, называется...

– Может, боялся, начнете отговаривать? Мне-то написал, знал, что я далеко...

– Да, – сказал Мак. – Вот уж никогда не отгадаешь, что у китаезы на уме. Ну, скажи, Док, разве кто мог подумать, что он такой подвох готовит?

В самом деле, отъезд Ли Чонга был как гром среди ясного неба. Ли Чонг столько лет правил своей торговой империей – никому и в голову не могло прийти, что в один прекрасный день он продаст все добро и уедет. Казалось, он вечен – так долго его лавка всех кормила, поила, одевала, так прочно вошел он в жизнь Консервного Ряда... Своеволен и загадочен восточный ветер, прихотливые повороты восточного ума ему сродни. Нетрудно вообразить капитана, который мечтает у себя в каюте: сойти бы на берег, завести бакалейную лавку. Лавочнику не страшен шторм, не грозит течь. А вот чтобы лавочник мечтал о море... Да, да – щелкая на счетах, ставя на прилавок «Старую тенисовку», нарезаю огромным ножом тончайшие ломтики бекона – Ли Чонг мечтал о море! Ему снились пальмы, полинезийцы... О планах своих он никому не говорил, советов ничьих не спрашивал (кого-кого, а советчиков нашлось бы хоть отбавляй). И вот в один прекрасный день он продал лавку, купил шхуну и поплыл торговать в Южные моря. В трюм шхуны погрузил все, что было в лавке и на складе: консервы, резиновые сапоги, головные уборы, иглы, наборы инструментов, комплекты для фейерверка, каландры; даже стеклянные витринки с золочеными запонками и зажигалками. Вот он уже стоит на капитанском мостике своей шхуны; вот шхуна отошла от причала, обогнула Сосновый мыс, миновала звуковой буй и растворилась в закате... И если не затонула где-то, покачивается сейчас у какого-нибудь сказочного острова. Ли Чонг нежится в гамаке под палубным тентом, а вокруг радостно галдят прекрасные полунагие полинезийки, разглядывают заморские диковины – консервированные помидоры, полосатые шоферские кепочки...

– Но все-таки, почему он уехал? – никак не мог успокоиться Мак.

– Кто его знает... – сказал Док. – Кто знает, что у человека в душе... Кто знает, чего ему хочется...

– Не найти ему в чужих краях счастья, – вздохнул Мак, – среди чужого народа... Знаешь, что я думаю? Это все чертово кино! Помнишь, он по четвергам закрывался раньше? Это потому, что привозили новую ленту. Ни одного фильма не пропускал. Кино ему голову и заморочило! Это мы с тобой знаем, что там одно вранье... Нет, не видать ему счастья. Ну ничего, намытарится и вернется домой как миленький...

Док оглядел свою заброшенную лабораторию.

– Лучше б уж я был там, вместе с Ли... – вырвалось у него.

– И я, – сказал Мак. – Эти островитянки сведут его в могилу. Он ведь не молоденький...

– Да, Мак, – сказал Док. – По правде, нам бы надо быть там... защитить его... от самого себя... Как думаешь, не сходить ли мне еще за одной? Или лучше давай спать?

– А ты брось монетку.

– Брось-ка ты. Что-то я не уверен, что хочу спать. Если бросишь ты, по-нашему выпадет...

Мак подбросил монету и, конечно, угадал.

– Сиди, Док, я сам, я мигом...

И в самом деле, быстро вернулся. 2. Трудная жизнь Джозефа-Марии

Мак принес еще одну бутылку «Старой тенисовки», налил Доку, себе...

– Слушай, – сказал Док, – что он за малый? Ну этот... мексиканец... новый хозяин лавки...

– Хороший малый, – сказал Мак. – Звать его Ривас, Джозеф-Мария. Одеться любит – как на картинке. А уж хитер!.. Хитер, да только все сам впросак попадает. И смех и грех с этим Джозефом...

– Да что такое, расскажи.

– Понимаешь, давно я к нему приглядываюсь. Кое что он сам рассказал, а на остальное у нас своя голова имеется. Хитрец он, каких не сыщешь. Но хитрость ведь какая штука: заведется в человеке, глядишь, он и самого себя перехитрит. Вот и с ним то же...

– Ну-ка, расскажи толком...

– Вы с ним самые что ни на есть противоположные люди. Ты у нас хороший, ученый, всем взял. Одного у тебя нет – хитрости; душа нараспашку. За то мы тебя и бережем: простую душу обидеть грех. А Джозеф-Мария? Финтит, хитрит, где только можно, повадка у него такая. Так за одну эту повадку – не говоря уж за дело – ему всю жизнь и достается. А ведь вообще-то он неплохой человек!

– Да откуда он здесь взялся?

– Долгая история. Ладно, слушай...

Мак сказал верно. Док с Джозефом-Марией были полная противоположность; но противоположность зыбкая – так колеблются чашки весов. Док – человек на редкость добропорядочный. Предоставь его себе, будет неукоснительно следовать букве закона, даже самого пустяшного дорожного знака не нарушит. Не по своей воле ввязывался он порой в

сомнительные дела: друзья впутывали. Могучая Ида, для которой закона о продаже спиртных напитков как бы и не было; обитательницы «Медвежьего стяга» – их занятие хоть и пользовалось благосклонностью населения, у Закона восторга не вызывало; и, конечно, Мак с ребятами, которые с незапамятных времен мирно жили под сенью закона о бродяжничестве, сумев обернуть его себе на пользу. Все они притча во языцех Монтерея, воришки, мелкие жулики, тунеядцы – вечно что-нибудь умышляют против добрых граждан; ничем их не исправишь, остается ими гордиться! Однако Мак и его товарищи по сравнению с Джозефом-Марией невинные ягнята.

Чем бы Джозеф-Мария в жизни ни занимался, он всегда был не в ладах с Законом. Так повелось с детства. С младых ногтей он был решительным противником частной собственности на отчуждаемое имущество. Мальчишкой он был главарем банды в родном Лос-Анджелесе. В возрасте восьми лет шастал по бильярдным: завидев его, завсегдатаи, морские офицеры, хватались за карманы и скорей гнали его вон. Когда в мексиканском районе Лос-Анджелеса начались драки между местными бандами, Джозеф-Мария стал видной фигурой. Он открыл передвижную оружейную лавку, где всегда имелись пугачи, ножики с выкидным лезвием, кастеты, а для самых бедных покупателей – носки, туго набитые песком, – дешевое, но безотказное оружие. В двенадцать лет он попал в школу для трудновоспитуемых, а через два года окончил ее с отличием, приобретя заодно кучу воровских профессий. Милый четырнадцатилетний мальчик с чистыми голубыми глазами и ангельским голосом... Никакой сейф не смог бы устоять перед ним; даже такой невинный инструмент, как стетоскоп, в его руках превращался в отмычку. А как он лазил! Ему ничего не стоило по стене забраться на второй этаж, как будто на руках и ногах были присоски. Много чего он умел, воров, однако ж, не стал – больно велик риск. Малый он был с головой. Уж если чистить, думал он, так собственного партнера. Еще хорошо, наверное, шантажировать, создавать дутые акционерные общества, тайком от властей поднимать со дна затонувшие испанские сокровища. Впрочем, и здесь у него до дела не доходило – полиции так никогда и не удалось завести на него досье. Он не желал биться в открытую с Законом: мечтал о совершенно особенном поприще, где бы его преступные наклонности удовлетворялись безопасным образом. Но только он задумался о настоящем призвании, как забродили в нем юные мужские соки, и на несколько лет его мысли и поступки приобрели иное направление; в эти годы он не подымался выше мелких афер. Когда же глаза его опять начали ясно видеть – тут бы и приняться за дело! – его взяли и зацапали в армию. Там берегли от дурных поступков как могли. Уволили, правда, без наград, без почестей, но это был тот редкий случай, когда надо радоваться, что тебя не оценили по заслугам.

Снова оказавшись хозяином самому себе, Джозеф-Мария совсем было вышел на свою дорогу, но снова сбился с пути. Попал под влияние отца Мэрфи, хитрого молодого священника, который заманил его в лоно матери-церкви (ведь он был ей законный сын). Джозеф-Мария полюбил исповедь, отпущение грехов и скромно надеялся, подобно Франсуа Вийону, что под прикрытием сутаны его таланты не пропадут. Отец Мэрфи учил, что нужно трудиться честно в поте лица своего. Джозефа-Марию это откровение потрясло; оправившись от потрясения, он решил, что, пожалуй, стоит попробовать. (Вообще не такой уж он был пропащий тип; по крайней мере, в отличие от Вийона сумел удержаться от кражи церковного имущества.) С помощью пастыря, который имел влияние в муниципалитете, Джозеф-Мария получил почтенное место. Теперь состоял он у города на службе, зарплату получал по чеку в городском банке – и не боялся оставлять там отпечатки пальцев.

Есть в Лос-Анджелесе замечательная площадь, называется она на мексиканский лад – Пласа. На ней садики, пальмы в кадках и множество цветов. Пласа – местная достопримечательность, гордость города; тут всегда толкуются туристы: еще бы, такой мексиканской экзотики не найдешь и в самой Мексике... И вот Джозефа-Марию приставили ухаживать за растениями на площади. Работа приятная, необременительная; разгуливая по Пласе, он к тому же потихоньку поторговывал порнографическими открытками. Конечно, на

этом не разбогатеешь, зато живешь честно (или почти честно) – честности Джозеф-Мария предавался так, как иные предаются пороку...

Примерно в ту пору Главное полицейское управление Лос-Анджелеса было не на шутку встревожено. Город внезапно наводнился марихуаной: ее предлагали в каждой подворотне по невиданно низкой цене. Сотрудники отдела по борьбе с наркотиками совершали рейд за рейдом, но никак не могли выйти на источник. Обнюхали все городские пустыри – от Сан-Педро до Игл-Рока, – ни листика марихуаны; тогда нанесли на миллиметровку ближние и дальние окрестности. Круг поисков неуклонно расширялся, скоро ими была охвачена огромная территория между Санта-Барбарой на севере, рекой Колорадо на востоке и мексиканской границе на юге. Границу перекрыли, оставалась западная сторона, но там был океан, а марихуана не морская капуста, чтобы расти в океане. В помощь привлекли полицию штата, местные власти, однако все напрасно. Приток марихуаны не уменьшался, обнаружилось, что мелкие толкачи сами не знают, откуда товар.

Продолжалось так полгода, и неизвестно, сколько бы еще, если бы не тринадцатилетняя школьница Милдред Бьюгл – лучший ботаник у себя в классе. Гуляя как-то в воскресенье по площади, она сорвала несколько интересных остроконечных листиков и уверенно определила *Canabis Americana*.

Да, в трудное положение попал Джозеф-Мария. Но полицейскому управлению было не легче. К суду садовника привлечь нельзя, иначе журналисты прознают, что наркотик выращивался на Пласе, у полиции под носом, что выращивал его служитель муниципалитета, что поливался он самой чистой водой, а удобрялся самым лучшим навозом, – и все за счет города!

Единогласно решили изгнать преступника, что и было незамедлительно сделано. Полицейские купили Джозефу-Марии автобусный билет до самого Сен-Луис-Обиспо и напутствовали в таких свирепых выражениях, что по спине у того побежали мурашки.

Док хмыкнул:

– Слушай, Мак, по-твоему выходит, он честный мошенник?..

– По-моему, все люди честные – каждый на свой лад, – отвечал Мак. Ты вот лучше послушай, что он у нас здесь выдумал!

– Ну?

– Знаешь, небось, сколько у нас сшивается «мокрых спин» [«Мокрыми спинами» называют мексиканцев, тайно пересекших границу – реку Рио-Гранде – и ставших таким образом нелегальными жителями США

3

Repondez s'il vous plait. – Ждем ответа (франц.) – устойчивая форма, применяемая в конце писем

4

По-видимому, автор шутливо перефразирует общее название народных рассказов об итальянском проповеднике, основателе ордена францисканцев Франциске Ассизском (1182-1226) – «Цветочки св. Франциска Ассизского»

5

в астрологии небесная сфера делится на 12 частей, так называемых домов

6

Выражение из знаменитого стихотворения Л. Кэрролла «Верлиока» (из книги «Алиса в Зазеркалье»).

7

шизофрения (лат.)

8

Во сне (вызванном сильнодействующим болеутоляющим средством) английский поэт-романтик С. Т. Колридж (1772-1834). по его словам, узрел дивные причудливые картины, которые запечатлел в знаменитой поэме «Кубла Хан, или Видения во сне»:

В стране Ксанад благословенной.

Дворец поставил Кубла Хан,

Где Альф бежит, поток священный,

Сквозь мглу пещер гигантских, пенный,

Впадает в сонный океан. и т.д.

(Перевод К. Л. Бальмонта)

9

После второй мировой войны в американском джазе был период эксцентричных экспериментов со звуком

10

Слова Иисуса, распятого на кресте. «От шестого же часа тьма был» по всей земле до часа девятого. А около девятого часа воззвал Иисус громким голосом: «Или, Или! лама савахфани то есть: Боже Мой, Боже Мой! Для чего ты Меня оставил?» (Евангелие от Матфея, XXVII. 45-46).

11

Альфред Кинзи (1894-1957) – известный американский исследователь сексуального поведения человека; его подход характеризовался подчеркнутым зоологизмом и физиологизмом, что немало шокировало публику

12

Юджин Дебс (1855-1926) – Американский социалист, один из организаторов Социалистической партии США, неоднократно подвергался репрессиям